

Оливер Риттер

**МАГИЧЕСКАЯ МУЖЕСТВЕННОСТЬ
БЫТЬ МУЖЧИНОЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНИЦИАЦИИ**

Оригинал: Oliver Ritter, Magische Männlichkeit. Mann-Sein aus initiatischer Sicht, 2001, Verlag Zeitenwende, Dresden

Что означает мужественность на самом деле? К сожалению, проблема полов сегодня трактуется очень поверхностно. Ее рассматривают, прежде всего, с антропологической, биологической, социологической и психологической точки зрения. Все же, быть мужчиной означает большее: именно духовные способности отличают истинного мужчину. Они соответствуют четырем заповедям древней воинской инициатической традиции:

Знание – дерзновение – желание – молчание.

Желать противопоставить друг другу определенные мужские и женские качества невозможно, так как мужчина и женщина различны на основе их определения прапринципами. Мужчины и женщины должны найти свое истинное

существо, чтобы жить совместно в гармонии. Мужчина как супруг, а также как отец, имеет тогда совсем другое значение, чем значение «хозяина», «работодателя». Возвращение абсолютно затемненного измерения содействовало бы ему в возвращении себе и своей настоящей отцовской заботы.

Эта книга – помощь в решении жизненных проблем для мужчины и женщины и необходима для рассмотрения «борьбы полов» на более высоком уровне.

Автор о себе: Я, Оливер Риттер, родился в 1960 году в Ольденбурге / Нижняя Саксония, и живу и работаю в Зандкрюге около Ольденбурга. В 1980 – 1987 годах я изучал евангелическую теологию, психологию и искусство. В это время у меня было многолетнее пребывание в Экзистенциально-психологическом учебном заведении и месте встречи Тодтмоос-Рютте. Я познакомился с моим первым духовным наставником графом Карлфридом фон Дюркхаймом и углубился в медитацию дзен и искусство стрельбы из лука. Влияние этого талантливого учителя до сего дня сказывается на моей жизни.

После окончания изучения теологии я не мог избрать никакую постоянную карьеру. Три года я путешествовал в Южной Европе, посвящал себя, в том числе изучению Святого искусства в православных монастырях.

В 1990 году я встретил в Пиренеях моего второго духовного учителя, месье Дофена, племянника последнего гроссмейстера катаров, Антуана Гадаля (1877-1962). Он посвятил меня в шаманское наследие старой Европы. При моих пребываниях в пещерах, которые использовались более 40 тысячелетий в культовых целях, я глубоко познал «дух земли», Великой матери. Я узнал, что каждое откровение сверху связано со спуском вниз, на глубину, в пещеру, в шаманский «ад» или в собственную душу.

В последующем я разработал концепцию Путешествия, которую я понимаю как ключ к обширному излечению.

С 1998 года я самостоятельно работаю как шаман. Я написал различные книги, в настоящее время «Излечение благодаря Внутренней богине», появилось в издательстве «Цайтенвенде».

В ноябре 2011 года я моим третьим духовным учителем, Доном Хуаном Нунесом де Прадо был посвящен в жрецы Андов, что было завершением моего обучения в шаманской традиции индейцев инков.

<http://www.innere-goettin.de/ueber-mich.htm>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

I Глава УПАДОК И ПРООБРАЗ

1. Матриархат и патриархат
2. Патриархат столь же стар, как человечество?
3. Причины утраты мужественности в промышленном обществе
4. Бронированная мужественность
5. Мужское и женское во всемирном процессе
6. Сущность мужчины и женщины
 - 6.1. Сущность женщины
 - 6.2. Сущность мужчины

II Глава ПУТЬ МУЖЧИНЫ

1. Путь воина
2. Знание
 - 2.1. Знание как «иметь» и «быть»
 - 2.2. Самонахождение
 - 2.3. Стрела
 - 2.4. Медитация
3. Дерзновение
 - 3.1. Освобождение и нападение
 - 3.2. Жизнь как вызов
 - 3.3. Меч
 - 3.4. Смерть как вызов
4. Желание
 - 4.1. «Стань тем, что ты есть»
 - 4.2. Желание между свободой и долгом
 - 4.3. Меч, жезл и фаллос
 - 4.4. Действовать безупречно

5. Молчание

- 5.1 Молчание как дисциплина и как бытие
- 5.2. Молчание как бытие
 - 5.2.1. Пустота, изобилие, сознание
 - 5.2.2. Действие без действия
 - 5.2.3. Щит
 - 5.2.4. Власть

6. Opus Magnum – магическое деяние воплощения

III. Глава ОТНОШЕНИЕ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

1. Эротическое притяжение
2. Бедствие Эроса в наше время
3. К положению женщины
4. Единственный выход из убожества – три требования к мужчине
 - 4.1. Будь самим собой
 - 4.2. Владей своим сексуальным желанием
 - 4.3. Будь главой и господином своей партнерши
5. Магия сексуального соединения
 - 5.1. Опасности сексуальной магии
6. Мужчина и семья

Библиография

Святыня достигнута, принц стоит прямо.

Большие всемирные часы показывают без пяти минут двенадцать.

На темно-синем небосводе сверкает полярная звезда, блестящий огонь в ледяном дыму пустыни.

Джадаан, верная лошадь, опустила свой взгляд в круг господина, и он, с рукой на бедре, пронзает покрывала конечности.

Мир миру и благословение всем существам, которые находятся в странствии.

Марио Ассан

Предисловие

Мы долго не решались написать это произведение. Сегодня тема женщина-мужчина в изобилии подвергается рассмотрению, и нетрудно понять, что приводимые нюансы воплощают не новые сведения, а лишь аппетитные кусочки в общественной рулетке, которая крутится и крутится и, прежде всего, делает мужчину все слабее. Пусть его теперь осчастливливают как «слабака», «мачо» или какой-нибудь комбинацией, которая каждые пару месяцев бросают ему новый и ультимативный вызов.

Мы не хотели бы вносить свой вклад в такого рода беседу. Мы также никого не хотим убеждать или обращать, а оставляем каждого при своей правде. С другой стороны, есть все больше мужчин, которые больше не довольствуются полуправдами и модными трюками, молчаливые, растерянные, но серьезно ищущие мужчины и тем самым, вероятно, авангард нового поколения, которое выдержит боевое крещение нового тысячелетия. Для них и написана эта книга.

Мы живем во время, которое ведет жестокую войну против всего мужского. Мужчина еще не заметил этого, к сожалению. В средствах массовой информации его высмеивают как болвана, тщеславного и глупого. В каждой современной женщине бродит ненависть к мужчинам. И она не делает из этого тайны. Откуда берется эта ненависть? Одна газета недавно опубликовала интересную заметку. На лестничной клетке мужчина стал жертвой двух женщин в масках, которые хотели отобрать у него деньги. Но в кошельке было только пятьдесят марок. Тогда они стащили с него брюки, кастрировали его и сказали: «Того, у кого так мало денег, нужно наказывать!»

Мы упомянули об этом случае не потому, что он столь жесток (также и мужчины жестоко обращаются с женщинами, на это только можно ответить), а так как он столь ярко символичен: Деньги как «имущество», как «потенция», за отсутствие которой мужчину наказывают. У него больше нет права, бегать вокруг как мужчина. Это было поучительным уроком! Вместо того, чтобы быть «потентным», (способным), т.е. принимать ответственность за себя, жену, сыновей и дочерей и, наконец, землю, мужчины все еще предпочитают внимательно прислушиваться к песням сирен. После эмансипации женщин мужчина теперь тоже должен, наконец, эмансипироваться. Он должен изжить в себе долю женственности. У него было бы право на это. – Мужественность как замкнутость, как длительная судорога, как блокировка чувств? Этого, однако, не должно быть. Но многие на самом деле верят в это и таскают повсюду с собой как нечистую совесть. Тогда им не приходится удивляться, когда они освобождаются от этого...

Что означает мужественность на самом деле? К сожалению, проблема полов сегодня трактуется очень поверхностно. Ее рассматривают, прежде всего, с

антропологической, биологической, социологической и психологической точки зрения. Если у мужчин и женщин вообще признается разный склад характера, то речь идет большей частью о «ролях», о «выгравировании» воспитателей на «*tabula rasa*», «чистой доске» безупречной человечности. «Типично по-мужски» и «типично по-женски» поэтому в большинстве случаев воспринимается как бранное слово. Современные женщины воспринимают как дискриминацию понятие «женский» – хотя они самым тщательным образом обращают внимание на специфическое для пола правописание. Таким образом, остается лишь столь мало, как черная печатная краска, первоначальные половые признаки и еще у мужчины, во всяком случае, атавистические реминисценции к инстинктам хищника и менталитету дубинки. Здесь еще любят ссылаться на «гены»: «Он ведь не может иначе».

Но есть еще другой исходный пункт, знание, которое составляет суть традиций самых различных народов. В других, незападных, культурах оно живо еще сегодня и они в сострадательной невозмутимости взирают на наше замешательство. Их исходная точка коренится в том, что выходит за пределы человека и его сопутствующих качеств, превращаясь в сверхчеловеческую, космическую действительность. Мы хотим принять ее, так как мы полагаем, что только она действительно надежна. С этой сторожевой башни пол представляется не как украшающий аксессуар в общечеловеческой конструкции, это в гораздо большей мере стихийная сила, которая в самой глубине пронизывает и формирует бытие людей. Это не случайность, что мы появляемся в теле мужчины или женщины на свет. Мы – физически мужчина или женщина, так как мы являемся уже трансцендентными, и пол, очень далекий от того, чтобы быть чем-то несущественным, указывает нам путь, на котором мы должны развиваться. Это – конечно, совсем другой подход, чем тот, который пропагандируют апостолы «New-Age» и фанатики интеграции. Интеграция так называемых женских долей ни в коем случае не помогает мужчинам найти самих себя, они только размягчаются. Мужчина должен спросить себя, куда должно и может что-то интегрироваться, если там нет никакой надежной основы. Результатом слишком часто оказывается не предсказанная «целостность», а неопределенная мешанина, которая не является ни рыбой, ни мясом.

В остальном мужчина на пути к себе также в своем собственном найдет паразитические силы, которые его гармонизируют. Он вовсе не калека чувств, как его пытаются убедить, он только чувствует иначе. И если он идет своим путем все более страстно, все более бескомпромиссно, он через чувства найдет тот свет, который отличает его пол как поистине королевский и наполняет его в самой глубине своим сиянием. В этом мы хотели бы его сопровождать. Мы хотели бы побудить его «идти мужским путем» и указать ему решающие точки, где может быть пробужден волшебный «внутренний король». При этом мы опираемся на вечные ценности мужского самоопределения, на образцы традиционных культур и эзотерического учения, которое господство-

вало вплоть до современности и создало понятия о мужской добродетели и чести.

В обществе, из которого отступили боги, и возникшая пустота была наполнена дешевым товаром, кажется в обществе масок и автоматизмов, из которого ушло само человеческое бытие, мы рассматриваем спасательные работы, выполненные в этой книге в самых наглядных рамках, как настоящую помощь в решении жизненных проблем.

Карлсруэ, январь 2001 года

I ГЛАВА

УПАДОК И ПРООБРАЗ

«Back to the roots» – «Назад к корням», так звучит лозунг негритянского движения в США. Чернокожие концентрируются на своем африканском происхождении, чтобы развить собственную культурную идентичность. Всюду в мире двигаются теперь группы населения, которые требуют своих собственных прав, своего собственного духовного мира. То, что приносит пользу баскам, ирландцам и грузинам, не может навредить мужчинам. Также мужчины должны, чтобы найти себя, посмотреть в прошлое. Чтобы найти ориентацию, но также и чтобы понять ошибочные процессы. Потому что настоящее это дитя прошлого и отец будущего.

Центральными темами в этой первой части книги, озаглавленной «Упадок и прообраз» являются:

1. типизирующее противопоставление матриархата и патриархата,
2. культурно обусловленные причины утраты мужественности,
3. укорененные в космосе прообразы мужского и женского,
4. опирающееся на них определение сущности мужчины и женщины.

Хотя эта книга написана для мужчин и рассматривает мужчину, его визави – женщина – не может остаться вне рассмотрения. Один пол это матрица другого, на основе которой тот только и может получить силу света и форму.

1. Матриархат и патриархат

Даже в книгах, которые якобы хотят служить мужчине, патриархат осуждается. Это слово стало синонимом эксплуатации и подавления. Осознанно или неосознанно при этом демонстрируют искаженную картину патриархата, как явления упадка. Поэтому важно отметить истинный дух этой системы, по крайней мере, коротко и противопоставить его матриархату.

Мы не можем с чистой совестью быть мужчиной и одновременно ставить под сомнение культурную основу бытия мужчины. Такой подход шизофреничен. Патриархат – это корень и одновременно логическое следствие мужского самосознания. Потому нам нужно знать, о чем мы говорим.

Исторический экскурс имеет смысл также потому, что культура матери понимается как более древняя. Патриархат тем самым получает как раз с точки зрения феминизма характер присвоенного и производного. Основу этого необдуманно распространенного воззрения можно увидеть в этнографическом труде Й. Бахофена, вышедшем в конце прошлого века. Этот ученый видел в материнской культуре старейшее состояние человечества, из которого лишь около пяти тысяч лет назад развились культуры с отцовским правом. Все же, при всем уважении к научным достижениям Бахофена, его концепцию сегодня следует ввести в более широкие рамки.

Чтобы создать понятийную ясность, нужно сначала кратко описать типичные признаки материнской культуры и отцовской культуры.

В материнской культуре, как говорит уже само ее название, женщина как принцип зачатия стоит в центре всего развития событий. Наивысшая действительность воплощается богиней, по отношению к которой все существа – включая богов – представляются подчиненными, неустойчивыми и преходящими. В критской культуре у Зевса нет, например, отца, а мать его – влажная, земная материя. Он смертен.

Бессмертна же лишь одна женственная, вечная питательная среда всей жизни. Тип «Великой богини» был представлен, прежде всего, в азиатско-средиземноморском регионе: Изида, Ашера, Кибела, Тамид и особенно Деметра. Матери тесно связаны с землей, с ростом, с дарящей жизнь водой, с плодородием в природе. Но также и в подземном мире правят они, в скрытности, в ночи, во мраке. Некоторые формы материнского культа носят демонические и оргастичные черты с отчетливым унижением мужского. В мистериях Кибелы, например, Мисты, охваченные безумием, кастрировали себя, чтобы получить долю в женственном типе, наивысшем проявлении святого. В храмах Артемиды жрецы часто были евнухами или служили в женской одежде.

Если материнская культура поднимается над грубым природным, то большое значение приобретает Луна как «очищенная, небесная земля». В этой «деметрической» форме встречаются целомудренные девы, которые беременеют без супругов, богини упорядоченного роста растений и земледелия.

В материнской культуре предпочитается погребение, в отличие от типичной для мужских культур кремации. Судьба отдельного человека это не освобождение от материи, но возвращение в глубины земли, повторное растворение в Великой матери, которая подарила ему преходящую жизнь.

Ввиду одинакового происхождения вся социальная жизнь носит коммунистические формы, особенно в ранней форме материнского культа, в которой также и сексуальная жизнь проходила еще неупорядоченно. Позже образовались семьи, которые жили совместно в родах по женской линии. Мужчины исполняли подчиненные роли в домашнем хозяйстве, социальной и политической жизни, что выражалось, например, в том, что браки заключались по инициативе девушек, и молодой человек переселялся к своей жене. Он работал для его нового материнского рода под руководством старейшин, которые влияли также на личную жизнь членов семьи. Браки заключались относительно легко и могли снова расторгаться по желанию, как мужчины, так и женщины. В этом случае мужчине давали понять, что он может собирать свои пожитки и уходить.

В противоположность матриархату патриархат характеризуется движением «вверх», к трансцендентности.

Не земля, а Солнце как светлый принцип неизменности – это исходная точка, не становление, свойственность живым существам, пассивное растворение в «таинственном» и «неминуемом», а бытие, форма и центральность. Решающая инстанция – это королевская власть, в которой символизирует себя солнце. Королю присуждаются тот же «блеск» и та же «победа» как Солнце – знак более высокой природы – каждое утро торжествует над тьмой. «Как король восходит он на трон Гора, одновременно со своим отцом Ра (Солнце)» – так сказано в египетской традиции освящения. Власть короля была первоначально божественной, так как он был одновременно высшим священником, «первосвященником», «понтификом», строящим мост между естественным и сверхъестественным. От него зависело благополучие державы, также как нравственные качества народа.

Его полярная функция особенно отчетливо видна в индуистском представлении о «Чакраварти», «вращающем колесо». Из его центра король может властвовать силами и действиями, которые берут начало от «становления», и регулировать их. Не по причине своих светских качеств как интеллект, мужество или сила, а в силу своего божественного авторитета. «Тот, кто господствует с помощью небесной добродетели, подобен полярной звезде. Он твердо оста-

ется на своем месте, но все звезды вращаются вокруг него», говорит Конфуций. По словам Лао-цзы эта небесная сила – это «действие без действия» (wei wu wei), победа без борьбы, послушание без приказа, привлечение к себе без призыва. Но об этом мы подробнее поговорим позже. Важно, что патриархат характеризуется выравниванием по центру, который упорядочивает и моделирует отдельные части.

В обществе из этого следует иерархическая классификация, которую в самом чистом виде можно рассмотреть на примере индийских каст. Короли, священники и воины образуют верхний слой, за ними следуют граждане, под ними слуги и рабочие.

Современные люди считают кастовую систему несправедливой, так как они в ее закрытости видят ограничение личной свободы. Традиционный взгляд принципиально иной. Свобода состоит не в «отклонении», в свободе «от чего-то», а как раз в свободе «к чему-то», а именно к корню собственного бытия. Кастовая система помогала отдельному человеку познать и воплотить свою собственную природу (dharma). Поэтому она не воспринималась как репрессивная система, человек вписывался в нее как в естественный порядок (как известно, в Индии никогда не было экономических и политических средств давления, чтобы утвердить такую систему). Также нельзя сказать, что одна вещь или учреждение само по себе рассматривалось выше или ниже, чем другое. Более важна была способность исполнять каждое действие скорее ради его самого, в преданности к идеалу. Никто, в том числе и слуга, не чувствовал себя униженным из-за принадлежности к своей касте, так как каждое исполнение, также самое незначительное, обладало своим соответствием на другом уровне и вследствие этого делало возможным участие. Деятельность подчиненного вида понималась как символ вышестоящего вида и воплощалась в ее специфической форме. Для военной касты внешняя война могла быть, например, символом более высокой, духовной «войны» и указывать дорогу туда. Любая профаническая наука соответствовала священной науке. Также искусства и ремесла (музыка, танец, театр, искусство каменщиков) когда-то отражали трансцендентные возможности и значения. Таким образом, каждая функция и деятельность могли стать когда-нибудь исходным пунктом для подъема другого рода. Роберт Блай («Eisenhans») очень хорошо понял этот принцип, когда он пишет: «Настоящий патриархат благодаря святому королю достает сверху Солнце каждому мужчине и каждой женщине общества».

Там, где кастовость выступала менее отчетливо, чем в арийской Индии, тоже существовали похожие учреждения. Можно упомянуть средневековые гильдии и цеха. Также здесь их членов помимо общей искусности связывали этически-религиозные узы. У гильдии было ее особенное освящение, свой святой-заступник, свой домашний алтарь. Честь, чистота и обезличенность в

работе стояли на переднем плане (соответственно истинным кастовым принципам).

Естественно, мужчины и женщины в этом порядке также обладали своими собственными сферами. Женщина была подчинена мужчине в том смысле, что он служил ей точкой опоры. Как жена она была – согласно суровому выражению римлян – «In manum viri», в руке мужа. Другой точкой опоры были дети. Женщина воплощалась как супруга и мать.

Для мужчины были другие способы бытия, например, как воин или аскет, которыми он со своей стороны подчинял себя вышестоящему принципу.

Здесь нужно еще упомянуть значение мужской инициации. Господствовала точка зрения, что мальчик становился мужчиной только в результате активного вмешательства более старших мужчин. Когда приближалось половое созревание, его «насильственно уводили» из сферы влияния матери. Иногда на него надевали женскую одежду, чтобы символически подчеркнуть его несовершеннолетний статус. Затем особыми методами вызывался воспринимаемый как переживание смерти «слом уровня», имеющий свойство второго рождения. Последствием было изменения всего существа, через которое он получал как внутренне, так и внешне свою долю участия в мире мужчин.

Если многое в этом кратком и неполном эскизе также кажется необычным, все же, можно отчетливо увидеть, что патриархат в своем содержании образует систему, в которой отдельные части отличаются верностью собственной форме, но также и опорой на более высокое. Иерархия и дифференциация – это выдающийся признак патриархата. Его более глубокий смысл – это что-то вроде градации духовного приобщения, в которой, в конечном счете, отражается победа космоса (= украшение, порядок) над хаосом. Хотя естественно абсолютно утопично в недалеком будущем рассчитывать на возрождение этого порядка, он все же коснется мужчин на их пути...

2. Патриархат столь же стар, как человечество?

Старейшие следы патриархальной культуры на исторической почве тянутся до раннего старого каменного века, т.е. им может быть примерно 17 000 лет. Этим временем датируется наскальная живопись в пещерах Южной Франции, неслыханно живые изображения бизона, антилопы и мамонта. Исследователи почти без исключения едины во мнении, что эти пещеры служили не для охотничьего колдовства или в качестве жилищ, а были культовыми местами, в которых юноши торжественно посвящались в мир мужской духовности. В гроте Ласко между бизоном и кабаном можно увидеть якобы лежащего в мертвой неподвижности мужчину. Его птичья голова, как и окружающие его руны, указывают на то, что он идентифицируется с Богом Солнца и в трансе поднимается в духовно-космические сферы.

Весь символический круг раннего также как и позднего каменного века указывает на единую религию Бога Солнца. На немецкой земле внешние камни в Тевтобургском лесу представляют собой старейшее место мистерий из каменного века. В Северной Франции и Англии сохранилось много мегалитических культовых мест, самое знаменательное – это солнечный храм Стоунхендж, построенный примерно за две тысячи лет до нашей эры. Все эти строения служили культовыми помещениями для празднования солнцестояний и были математически точно сконструированы и построены.

Годичные отрезки солнечной орбиты для людей каменного века были различными ступенями проявления духовных и божественных солнц-создателей. Они ясно отличались от физического солнца. Солнце-создатель, Бог, было невообразим и неподдающимся пониманию, он мог быть представлен только образными средствами, в священных знаках, символически. При этом важны символы, которые подчеркивают неизменность принципа, постоянство Бога по ту сторону земной смены подъема и спуска, смерти и возрождения, которая воплощалась в различных рунах. Это, с одной стороны, вообще распространенный в каменном веке символ круга с точкой в середине, который иногда в огромном виде представлен на менгирах и дольменах, с другой стороны свастика и другие вариации солнечного колеса. Они – выражение вращения вокруг фиксированного, незыблемого центра.

Замечательно теперь, что не только в Северной Европе, но и в Северной Америке и Южной Америке, в Африке и в Азии уже в каменном веке встречается иероглифика и культовая символика религии света. Совпадающая структура допускает вывод, что эти культуры исходят из общего происхождения, опираясь на доисторическую, давно пропавшую высокую культуру. Носители этой первобытной культуры прибыли по всей вероятности с погибшего континента Атлантиды. С антропологической точки зрения это был человек-кроманьонец, который к концу ледникового периода появился в западной части Европы и как в культурном, так и в биологическом смысле намного превосходил тип местного человека ледникового периода.

Мифы народов, в которых сохранилась историческая память, дают многочисленные указания на «западный сад» по ту сторону «воды смерти», с которым связывается тоска по потерянному раю.

Воспоминание о катастрофе, которая окончила цикл предыдущего человечества, чаще всего принимало форму мифа о всемирном потопе. Мы находим его от иранцев до американских аборигенов, от греков до индусов, от народов атлантического побережья Африки до кельтов и скандинавов. Платон и Диодор сообщают о конце континента Атлантиды как об историческом факте.

Но даже культура атлантов могла быть только отзвуком еще более сильной культуры, которая несет все черты «духовной мужественности». Классиче-

ская мифология часто намекает на северную гиперборейскую прародину, которая находилась поблизости от Северного полюса и была уничтожена обледенением. Мы не будем здесь дальше развивать эту интересную тему, заинтересованному читателю порекомендуем, прежде всего, исследования итальянского культурного исследователя барона Юлиуса Эвола, особенно его основное произведение «Восстание против современного мира».

Но при всей краткости изложения можно четко сказать, что культура патриархата, которая всегда является «солнечной», знает божественную королевскую власть, иерархию и мужское посвящение, исходит от самых дальних, вероятно доисторических времен. Также и матриархат восходит к древним временам, так как распространение «сыновей света» в Америке, Африке и Азии сопровождается воспоминаниями о борьбе с природными, опирающимися на землю, оседлыми, «темными» народами, которые более или менее были покорены. Ступени смешения просто необозримы, как и взаимное влияние, которое осуществлялось в преобладании или отступании одной или другой культуры. Так, в эпохе матриархата может сохраниться солнечный принцип, но проявляется внезапно как ребенок в лоне Великой матери, что, конечно, девальвирует его. Только очень поверхностный способ рассмотрения интерпретирует это явление как развитие. На заднем плане остается фундаментальная противоположность двух культур, которые могут встречаться и создавать связи, но, в принципе, остаются чуждыми друг другу. Оба, вероятно, столь же стары, как само человечество, как мужской и женский пол.

3. Причины утраты мужественности в промышленном обществе

Является ли сегодняшнее западное промышленное общество матриархальным или патриархальным? – Преимущественно подчеркивается его патриархальный характер, с обоснованием, что мужчины создали все решающие учреждения как торговлю, управление, армию, искусство, науку, технику и т.д.

Особенно стремительно распространяющаяся механизация в ее бесчувственно механистической последовательности оценивается как мужская, даже как гипермужская. Другие думают, что как раз усовершенствование техники, отмена инициативы и смелости в пользу всеохватывающей безопасности, надзора и социального обеспечения создала крайне материнский климат. Также то, что все больше женщин поднимаются на до сих пор неоспоримо мужские позиции, декларируется как «поворот» и «падение» патриархата. Снова оказывается необходимым выяснять понятия. Идет ли речь о разделении власти и регулировании квот или об определенной структуре?

Если положить в основу традиционно подтвержденные признаки, в нашем обществе можно обнаружить так же мало матриархальных, как и патриархальных черт. В глаза бросается его герметичная изоляция против всякого

вида «более высокой действительности» и духовного авторитета, который как раз и составлял формирующую силу патриархата. С другой стороны, в запрограммированном нивелировании и выравнивании по наименьшему общему знаменателю можно в столь же малой степени увидеть идеал особенно близкого к земле образа жизни, скорее тут видны эксплуататорские интересы глобальной максимизации прибыли. Если не оставаться на уровне голых аллегорий, подтрунивания над пропорцией или партийных представлений («мужское» значит «эксплуататорское»), то действительно следует сказать, что наша «культура» замечательным образом стоит по ту сторону и мужского и женского.

Эта исторически, пожалуй, неповторимая ситуация отражается последовательно и в путанице в половом вопросе. Что значит сегодня быть мужчиной, женщиной? Что такое «мужское», что такое «женское» (если не сразу ругательство)? Ничего между мужчиной и женщиной больше не является само собой разумеющимся. Женщины развивают в себе все больше «мужских» качеств, мужчины все больше «женских». Женщины, кажется, наслаждаются новой свободой действий и рассматривают как поле самореализации. Их выступление энергично и непринужденно, иногда даже агрессивно. Приносит ли маскулинизация им действительно пользу, это другой вопрос. Приемные терапевтов заполнены как раз женской клиентурой. Расстройство и «эмоциональное выгорание», «истощение» – это больше не только мужские свойства.

Все же скорее мужчины производят впечатление жертв социального переворота. Пожалуй, не только потому, что они горюют о потерянных привилегиях, с помощью которых они могли «подавлять» женщину, а в корне, собственно, потому, что у них в отличие от женщин нет идеала, к которому они стремятся, который они могут защищать, будь этот идеал даже хрупким и извращенным. Женщины и мужчины потеряли свою идентичность. Но женщины, по крайней мере, воображают, что она у них якобы есть. В этом разница.

Кто смотрит в зеркало и видит изображение самого себя как груды развалин, тот страдает. Он страдает еще больше, если не только изображение, но и воспоминание об изображении у него пропало. Страдание хоть и не такое острое, но более сверлящее, мучительнее. Тупо, в напрасных попытках спасения, он несет груз утонувшего через свое ставшее пустым существование. Так как он не может точно вспомнить, что и где он потерял (и окружающая его среда делает все возможное, чтобы его отвлечь), он становится восприимчивым к подбегающим зазывалам и обманщикам. Так в мутной воде удаётся кое-что выловить. Изображения самого себя, которые предлагаются мужчине сегодня или требуются от него, практически все отличаются в высшей степени неорганическим способом бытия. Это как переводные картинки, которых хватает на один сезон, потом снова появляется что-то новое. Тот, кто во время «косметической операции» захотел упустить также искусственную

душу, должен расплатиться за это своей кожей. Он определен «до самого новейшего» и каждый и без того получает то, что ему причитается. Гибридные рождения, вскормленные смешными трюками моды и феминистскими требованиями, во всяком случае, не могут одного: передать подлинную картину мужественности, картину светящейся, полной сил энергии, которую знали и которой восхищались все великие культуры. Мужская харизма – где она еще представлена сегодня? Ни в семьях, в которых место отца заменено чем-то согнувшимся, шелестящим газетой, ни в общественности, меньше всего в большой политике, где это было бы наиболее необходимо. Последними европейскими харизматиками были, вероятно, Папа Римский Иоанн XXIII и де Голль. Те, что последовали за ними, были жалкими функционерами и клоунами. Мы живем в обществе, не имеющем отца. Место мужчины пусто. Социальные эксперименты – это не только выражение мужского вакуума, они буквально вызывают это своими заклинаниями. Мы должны спросить себя, как дошло до такой пугающей пустоты.

Признано, что, прежде всего, индустриализация стала могильщиком подлинной мужественности. В течение тысячелетий мужчина своей работой мог воплощать существенные аспекты его природы. Нам совсем не нужно при этом опускаться до столь часто упоминавшегося размахивающего дубиной первобытного человека, который должен был защищать жену и детей от тигров и львов, ведь и от крестьянина на его клочке земли тоже требовалось быть настоящим мужчиной, также от ремесленника, также от художника. Каждая профессия доиндустриальной эры принимала делающего дело человека в целостное переживание. Погода и время года были важны для посева и урожая, столяр проверял древесину, вероятно, сам и рубил дерево для этого, успех охоты и рыболовства покоились на тонких предпосылках. Связанный с естественным горизонтом, который требовал уважения и ответственности, мужчина создавал произведение, которое было, тем не менее, его максимально личным. Он сопровождал его с самого начала, создавал его и придавал форму своим талантом и волей создателя. Если оно покидало его руки, это было его частью, творением, которое жило, которым он гордился. На некоторых старых фотографиях зрелых мужчин – и женщин – еще можно узнать этот блеск удовлетворения, привычный урожай трудной, но полной жизни.

Этому положила конец индустриализация. Как известно, мужчин хитростью или силой вытаскивали из их домашних творческих помещений и как голые рабочие руки бросали фабрикам на съедение. Отныне они больше не придавали форму, наоборот, форму придавали им самим. А именно с помощью разгонного молота. С помощью механических приемов они участвовали в создании продуктов, которых они не могли видеть в целостности, которые были им безразличны. Они деградировали до тупых придатков и машин. Это истинное порабощение, которое до сегодняшнего дня определяет жизнь рабочего все более изощренным способом, послужило основанием для едва ли еще охва-

тываемой во всем ее масштабе трагедии. Мужская работа, безразлично в какой области, стала все более зависимой, все более определяемой чужими, уже несколько десятилетий также все пассивнее, так что ее часто только лишь «отсиживают». Миллионы мужчин во всем мире принуждают себя изо дня в день к тупому исполнению, которое не дает никакого простора для личных способностей, талантов и потребности выражения. Его единственная мотивация – это исполнение долга и этого действительно мало, если подумывать, что работа чисто по времени составляет основную часть жизни. Удерживать героический идеал – быть безупречно функционирующим колесиком, вряд ли может предложить адекватное возмещение пустоте смысла, неизбежно появляющемуся разочарованию и фрустрации. Тем не менее, большинство зависящих от зарплаты мужчин страдают безмолвно и стойко, и если они теряют свою работу, они страдают еще больше, так как тогда они теряют последнюю основу самоидентификации.

У страдающих мужчин, которые едва ли могут осуществляться, есть катастрофические последствия. Сначала для семьи. Индустриализация, в конечном счете, привела к тому, что место мужчины в семье практически искоренилось. Его работа была перенесена из частной сферы в анонимную общественность. Она ведет его утром из дома, чтобы вечером выплюнуть его назад, чтобы он дома кое-как набрался сил. Но мужчина, которого годами или десятилетиями принуждают к отчуждающей работе, в действительности не возвращается. Возвращается опустошенный, поглощенный миром работы мужчина, молчаливый, мрачный, замкнутый в себе человек, которому хватает мотивации разве что на то, чтобы включить телевизор. Индустриализация удалила мужчину из семьи не только внешне, но и внутренне. Он отсутствует, даже если внешне он присутствует.

Было обнаружено, что это отсутствие, прежде всего, глубоко вредит сыновьям. Если они видят отца только один или два часа по вечерам, к тому же еще раздраженного, в плохом настроении, или просто обессиленного, если они не знают, что он делает целый день, так как он едва ли может что-то сказать о своей надоедливой или абстрактной деятельности, тогда отец становится призрачной фигурой, мужчиной без качеств. Непонятный туман, который окружает отца, создает простор для привидений, сеет зародыши недоверия и отчужденности. В любом случае он становится маргинальной фигурой, от которой нельзя ожидать ничего особенного. Отец, который не получает в семье никакого пространства, который предоставляет все важные решения, прежде всего, в воспитании, жене, естественно, вредит также дочерям. У них вряд ли будет необходимое доверие к более позднему партнеру, ярость многих женщин по отношению к патриархату порождается разочарованием в недостающей силе собственного отца. Но сыновей это поражает в их собственном существовании. Они вопросительно смотрят на своих отцов, чтобы найти хотя бы один крохотный знак, на который они могли бы равняться. Потребность в отце, субстанции, которая является так же ценной как соль, огромна.

Мальчики молятся, даже если они никогда не признают это, только одну эту молитву: «Отче наш, иже еси...» или «Отче, да сбудется твоя воля». Но нет никакого знака. Поиск собственной идентичности хватается за пустоту. У более древних культур было убеждение, что мальчик мог бы стать мужчиной только в результате активного вмешательства взрослых мужчин. Инициация в течение полового созревания была выявлением священного. Сегодня силы мужчин не хватает даже для мирской ориентации. Больше нет мужчин, на которых можно опереться, за которыми можно наблюдать во время работы, и которые лишат мальчиков робости перед женщинами. Во всяком случае, не в западном мире.

Что будет из мальчиков, у которых нет мужских образцов? – Совсем ничего, они обречены на вечную молодость. Примерно сорок лет назад наша «культура» разработала форму – в языке, моде, музыке, поведении – которая отражает этот неестественный статус, даже еще прославляет его и получает из этого капитал. Рынок поклоняется молодому поколению, а также тот, кто уже не молод, собственно, должен почитать иллюзию молодости, если он не хочет безнадежно выйти из моды. Для пожилых людей нет лучшего средства, чтобы быть принятым, чем носить крикливые шмотки, кататься на скейтборде, начать учебу, или, по крайней мере, усердно читать газету. Насколько возможно они должны «участвовать», гнаться за суетливостью времени. Это может на первый взгляд действительно производить впечатление «бойкого», но, в конечном счете, обнаруживает беду опустошенного бытия. Через все поколения сегодня проходит жизнеощущение, что это «Настоящее» еще только придет, что до того дня еще немного осталось. Эта установка действительно поддерживает определенное напряжение, которое может опрокинуться, однако, внезапно также в безразличии и отчаянии до самоубийства. Сегодня больше нельзя стареть в чести, хотя бы потому, что обычно такой человек легко наталкивается на анафему вытеснения из коллектива. Тот, кто стареет, того выталкивают на обочину, и он умирает, так как на него больше не обращают внимания. Он умирает не по связанным с возрастом причинам, он умирает, так как им пренебрегают. Сравните это с восточными культурами, в которых старики часто занимают позиции зрелости, которым достается уважение. Библейское выражение: «Он умер в старости и пресыщенный жизнью» могло бы касаться у нас очень немногих людей, даже если уже много лет люди тут умирают во все более старшем возрасте, т.е. все тяжелее.

Какой взбалмошной является повсюду свирепствующая молодежная иллюзия, выражается уже в том, что молодежь, с психосоматической точки зрения, представляет собой переходное состояние, а именно порог между детством и возрастом взрослого человека. Если мы берем молодежь в узком смысле, как половое созревание, собственно, она – не состояние, а «плохое состояние», дисбаланс в режиме сил, замешательство чувств, которое возникает из-за приближения нового. Традиционные культуры понимали мучительность этого перелома (также его вызывающие звуки) и с помощью мно-

жества отточенных, изобретательных и шокирующих мероприятий заботились об его окончании в смысле стабильного решения. Они удовлетворяли этим реальной потребности, так как половое созревание – как раз это: нужда и (часто гневный) призыв к руководству. Так как молодежь не ценилась как самостоятельная жизненная фаза и тем более не преувеличивалась, она соответственно была краткой. У племенных народов молодые мужчины могли получать обычно свое место как полноценные взрослые в 15 лет. Еще мой дедушка рассказывал, как за два дня до конфирмации его «застукали» с сигаретой и наказали за это взбучкой. Вечером в день конфирмации отец дал ему сигары: «Бери, теперь ты мужчина!»

На этом фоне нужно сначала понять, что это означает, когда эпоха не только ведет себя беспомощно по отношению к фазе перелома, свойственного для периода полового созревания, но она также осознанно продлевает ее, делая нормой и тем самым «цементирует» ее на годы и десятилетия.

Дезориентация поднимается до уровня программы. Поколения обманывают начат их будущего, их человеческой зрелости. Наше общество не только не способно производить мужчин, оно, кажется, даже хочет всеми средствами помешать мужчинам. Политическая мотивация ясна. Продажная потребительская система как наша, собственно, может только функционировать, если в ее основе лежит несовершеннолетний, одержимый болезненной страстью, легко управляемый человеческий материал. То, что некоторые уклоняются от использования, подвергаясь воздействию сект, наркотиков или преступности, система легко переносит. Неприятное чувство подавляющего большинства может быть успокоено принуждением к потреблению, пустота существования специально легко удобоваримой кашей из идолов поп-музыки, кино и средств массовой информации. Но, все же, полностью ее устранить нельзя...

Прежде чем пришли к мысли, искусственно держать открытой рану кровоточащей мужественности, с нею обращались иначе, а именно с помощью вытеснения и компенсации, что вовсе не было оптимальным, но психологически находилось близко к выходу. Мужская картина твердости, «делец», «победитель», «кожаный затылок» со времен индустриализации до конца Второй мировой войны была знаком качества для выдрессированного бытия мужчины. До сегодняшнего дня это имеет пагубные последствия и является частью беды. Хоть это и улетучивается, но для того, кто не разглядел и не убрал это со своего пути полностью, оно преграждает дорогу к поиску самого себя. Мы поэтому должны также обсудить и эту дегенерацию, ибо она, кажется, у многих женщин и мужчин идентифицируется с мужественностью вообще, которую тогда, естественно, нужно проклясть до основания и сменить доморощенным контрпроектами.

4. Бронированная мужественность

Индустриализация обманом лишила мужчину себя самого. Стерильность вместо приключений, послушание вместо ответственности, конвейер вместо творчества. Если бы он был честен, он должен был бы признать свое бессилие и слабость. Но он ведь был просто мужчиной, не ангелом. И он, вероятно, не хотел разрушиться полностью, уже с учетом жены и детей. Так сброшенный с трона мужчина стискивал зубы и искал опору на руинах своей автономии. Его дети и внуки построили из этого крепость. Крепость бронированного мужчины, человека в доспехах.

У крепости уже по самой ее функции есть что-то жесткое, упрямое, неживое. По мере этого, так как условия наполненного бытия мужчины исчезали, мужской мир запада считал себя вынужденным принести перед собой мужчину самого по себе, высоко поддерживать его воинственность. Или то, что принимали за это. Можно сказать, что мужчиной в последние триста лет только лишь играли. Но не мастерски, а упорно и ожесточенно. Из этого получилась карикатура. Как-то еще знали, что быть мужчиной как-то связано с мощью и силой. Но манеры и оттенки мужской силы, ее гибкого наступления и отступления, например, в теле охотника, фехтовальщика, ее творческая динамика в художнике, ее веселье в сватовстве влюбленного, ее сияние на лице князя, ее гром в призыве полководца, ее настоящая субстанция больше не были узнаваемы. Сила машин, их механическая стойкость была узнаваема. И мужчина брал ее себе как образец. Чтобы утверждать свою мужественность, он прочувствовал тот самый принцип, который как раз вызвал его ослабление. Понятие мужественности в век техники сузилось до результатов и выдержки. А именно не на службе высшей задаче или также только личной цели, а в полном подчинении анонимным структурам власти – рано идти на работу, усердно вкалывать, быть кормильцем жены и детей. Поколения мальчиков воспитывались по этому убийственному принципу и были задушены в своем развитии. До сегодняшнего дня работа и мужественность являются прямо-таки взаимозаменяемыми понятиями. Мужчина определяет себя через свою (диктуемую чужими) профессию и претерпевает крах, когда его увольняют. То, что этот вид самоопределения, который бесспорно стал предпосылкой как для мужчин, так и для женщин (и это все еще действует), представляет собой весьма необычную картину мужественности, указывает, между прочим, сравнение с патриархальными культурами древности. Работа в ее чисто материальном аспекте как тупая необходимость была презируемой и выполнялась рабами. Также восточные мужчины, которые, как известно, мыслят очень патриархально, до сегодняшнего дня избегают лихорадочной деловитости, предпочитая «сладкое безделье».

Картина твердости отчужденной, подобной роботу мужественности требовала подавления эмоциональных движений, особенно таких чувств как слабость, боль или печаль. Иначе мужчина не смог бы продержаться на пути сухости,

по которому вынужден был идти. «Сохранять спокойствие», так звучал лозунг. Спорт как укрепление тела, соревнование, муштра казармы помогали в этом и предлагали внешнее возмещение за недостающее инициаторское освящение. Также мода сделала свой вклад. Интересно наблюдать, как она от исходного широкого комфорта и объемности, тянувшихся еще от стиля рококо, в буржуазно-промышленный век все более становилась похожа на принудительный корсет. Она приводит мужчину в определенную форму и душит его в решающих местах: живот затягивается поясом или разрезом на талии, шея жесткими, трубчатыми воротниками или позже галстуком. Энергетический обмен между верхом и низом тотчас же этим путем заблокирован сразу в двух местах. С одной стороны, живот, местонахождение жизнерадостности и вегетативной живости, зажимается внутрь, пространство груди, местонахождение сил желания и сил «Я» выжато наружу. Неподвижное, высоко находящееся положение груди, часто еще снабженное бодибилдингом, содействует испытывающему стресс, разочарованному мужчине сохранять равновесие. Оно укрепляет его твердую волю, силу к активному вмешательству и железную фиксацию. Одновременно оно прогоняет страхи и неуверенность в бессознательные глубины. Каждый знает, что в напряженных ситуациях он затаивает дыхание, чтобы «сконцентрироваться». Если дыхание по привычке поднимается в области груди и сталкивается вниз, эмоциями можно овладеть на длительный срок. В западном мире «дыхание поршня» (не только у мужчины) стало почти естественным; оно придает дышащему так человеку чувство силы и скрывает недостающую стойкость. Если галстук или жесткий воротник теперь еще дополнительно душит, главное направление переводится еще дальше вверх. Практически человек живет только лишь в голове (которая становится ощутима как опухшая часть тела), интеллектуальная личность оказывается отделенной от остального организма. Цена этого вида самообладания высока. Она приобретается за счет потери естественных жизненных сил, все более сильного лишения корней, которое ведет к дальнейшим судорогам. Бронированный индивидуум пытается возместить свою нестойкость фальшивым, хвастливым поведением. За чучелом обманчивой чести, однако, возрастает обидчивость. Какие только патологические извращения показывал принятый в офицерских кругах прошлого столетия кодекс чести. Взгляда, двусмысленного слова было достаточно для дуэли. Сегодня, прежде всего, интеллигенты демонстрируют слишком чувствительное поведение.

Недостаточное самоуважение приводит ко все более сильной ориентации на внешние успешные цели и структуры власти. Бронированный мужчина деградирует до приемника внешних сигналов, которые он принимает, по которым он живет. Чем больше он выигрывает в признании и власти, тем больше исчезает его субстанция. Часы приема у терапевтов как раз показывают, что «успешные» мужчины меньше всего уверены в своей мужественности. Они трескаются как пустая скорлупа.

У женщин есть тонкое чутье на фальшивое и вынужденное в поведении бро-нированных мужчин. В начале века английские суфражистки боролись про-тив мужчин за те же самые права жестокими и провоцирующими средствами, которые также имели успех. Никогда женщины не захотели бы эмансипиро-ваться, если бы мужчины были подлинны. Но они больше не были подлин-ными. Они были опущены до стандартизованных типов, став марионетками промышленного общества гонки за результатом. В таком обществе, есте-ственно, больше нельзя было говорить о привилегии мужчин, и женщинам нетрудно было доказать, что также они владели духовными и физическими способностями, которые были в наличии в другом поле и, которые, в общем, требуются и ценятся в современном обществе.

Сегодня мужчина сидит более или менее на скамье подсудимых. Феминистки и другие просвещенные товарищи упрекают его в том, что он разрушил окружающую среду. Он должен приписывать себе также вооружение и атом-ную угрозу. Естественно, также подавление женщины. Мужчина изобрел тех-нику, сделал промышленную революцию, эксплуатировал женщину – мужчи-на деструктивен и испорчен, так звучит простая логика.

Мы видели, что так аргументировать нельзя. Конечно, всегда именно мужчи-ны (исключая мадам Кюри) были первопроходцами в науке и технике. Муж-чины также по-прежнему занимают вершины политики и экономики и причи-няют наибольший убыток. Но что это за мужчины? – нужно спросить себя. Действительно ли это «типично мужское» ответственно за эти беды, в кото-рых обвиняют мужчин? Взгляд за край европейской тарелки информировал бы строгих судей, что старые патриархальные культуры никогда не приходи-ли к мысли об эксплуатации Земли. Наоборот, они почитали и оберегали их, например, индейцы, с их очень энергичной картиной мужественности. Тот, кто немного занимается историей, установит, что непочтительность перед природой, ее использование в виде объекта и покорение как раз было толь-ко местным, ограниченным явлением, а именно – чисто европейским. Оно началось уже в пятом-шестом веках до Рождества Христова и его в свою оче-редь тоже можно точно приписать трем народам: грекам, римлянам и изра-ильтянам. То, что также у этих народов вначале существовали очень различ-ные позиции, указывает, кроме всего прочего, так называемое сообщение о сотворении мира в Библии, где собраны вместе два в корне различных изоб-ражения, изображение «священника» и изображения более древнего «яхви-ста».

«Яхвист» пишет в первой книге Моисея 2,15: «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его».

«Священник» позволяет Богу приказывать: «наполняйте землю и обладайте ею...» (1 книга Моисея, 1,28) – причем переводчики еще скрашивают, так как «обладать» в древнееврейском подлиннике значит «утоптать».

То, что победило не ответственное, а бесцеремонное обхождение с творением Бога, что оно победило именно в Европе, где оно увеличило свою ответственность промышленной революцией Англии, принадлежит к большим загадкам истории человечества. Из всех культур только западноевропейская знает инстинкт к безграничной эксплуатации природы, только она разрабатывала также соответствующие вспомогательные средства в форме науки и техники. Пригодное объяснение – от которого могло бы зависеть существование человечества – до сих пор не было дано. Духовно-историческая подоплека, которой в большинстве случаев аргументируют, недостаточна для объяснения, так как в ней видны лишь симптомы. Определенные идеи, экономические системы, духовные установки и т.д. только тогда имеют успех в обществе, если они падают на благоприятную питательную среду. Навязывается подозрение, что как при организмах, которые либо отталкивают возбудитель, либо становятся его жертвой, европейское человечество приносило определенную «слабость», готовность к восприятию мыслей, который, распространяясь и радикализируя, вели к бездушному порядку технического материализма. В промышленный век отчетливо видно, как подчинение духу машины влечет за собой дальнейшую, всестороннюю слабость. Европейский мужчина деградирует до рабочего термита и через компенсаторное стремление к власти и успеху становится зачинателем технического безумия, которое ослабляет его все дальше и, наконец, как мы видим сегодня, оставляет его, как пустую оболочку на пути ставших самостоятельными трудовых процессов.

Это уже страшно, что как раз этот вид мужчины, потеющая машинка общества гонки за результатом, который сегодня как ковбой асфальта или надутое анаболиками тело празднует свои последние триумфы, в общем сознании все еще представляет «типично мужские» качества. Потому оказывается нетрудно, осуждать «мужчину», разоблачать его как отсталого и примитивного и рекомендовать освежить его изнуренность обновляющим шприцом «женской доли». Между прочим, заметим, что как раз тут многие женщины проявляют двуличность. Как раз те, которые громче всего критикуют мужскую картину твердости, обычно меньше всего думают о том, чтобы использовать пространства защиты, которые предоставляет им в распоряжение патриархат, чтобы заботиться, например, об их женской внутренней жизни. Вместо этого они бурно протискиваются на мужские участки работы, чтобы как раз на ответственных должностях, которые могли бы дать импульсы для новой, женской политики, демонстрировать жесткую линию противника, даже еще превосходить ее. Так называемый феминизм, кажется, не может освободить якобы подавляемую женственность, его достаточно только для имитации мужчины. Так как также мужчины уже имитировали мужчину, у женщин, к сожалению, выходит только карикатура на карикатуру. Эта искаженная картина едва ли может позволить женщине найти себя саму. Она также чувствует это и при возрастающем «освобождении» становится только тем более агрессивной. Эмансипированная женщина – это на самом деле самая приспособлен-

ная женщина. Ее постоянное стремление «доказывать» самой себе, мериться силами с мужчинами, показывает фундаментальное недоверие по отношению к себе самой, неспособность быть и считаться той, кем она есть, а именно женщиной, а не мужчиной. Почему это происходит так, почему женщина сама не находит путь к себе, не говоря уже о том, чтобы размягчить окостеневшие структуры мужского упадка и вырвать тем самым мир, вероятно, еще из пропасти, еще нужно будет обсудить. Можно сказать, что историческое извращение мужественности прямо-таки неизбежно повлекло за собой процесс уничтожения женственности. С равноправием, которое ведет к пустой уравниловке, был пожертвован последний бастион того, что до сих пор еще в некоторой степени сопротивлялось праву распоряжаться господствующими.

После этих предварительных соображений уже в начале можно четко увидеть, какая огромная ответственность лежит на мужчинах. Они – буквально архимедова точка опоры, из которой движется мир – к хорошему или к плохому.

Так как в нашем обществе утрачено даже малейшее понимание того, что составляет настоящую мужественность, теперь нужно поставить перед собой задание однозначно и ясно определить место мужчины. Мы считаем эксперименты в этом моменте опасными, если не смертельными. С женщиной и так слишком долго играли. Или он позволял играть с собой, так как он как раз и не был мужчиной. Приписывать явный провал мужчины подавлению и отделению женских качеств, это чепуха. Мужчина подавил себя самого и предал себя, с тех пор как стал придатком машин. Открытие женской доли может временно расслабить его и избавить его от судорог, но никогда не сможет привести его к своей истинной природе. Если он останется с ними, он деградирует до счастливого, но слабого комка, это уже показал опыт. Нет, чтобы помочь самому себе и миру, потерпевший крушение мужчина должен становиться не женственнее, а мужественнее. Он должен развивать свой самый подлинный потенциал, которым он так непростительно пренебрег. Знание традиционного мира указывает ему путь для этого.

5. Мужское и женское во всемирном процессе

Почти у всех народов встречается тема первоначального дуализма, которая связывается с двойственностью обоих полов. Она появляется либо в абстрактно философской форме, либо воплощается в космических элементах, принципах, в богах и богинях.

Религиозная история вчерашнего дня видела здесь типичный случай очеловечивания. После того, как человек создал богов по своему образу, он проецировал также и на них свойственное живым существам этой земли различие полов.

На самом деле было как раз наоборот. Для человека древности полы существуют, прежде чем они физически существовали, как сверхиндивидуальные силы. Они были преимущественно космическими, не только человеческими или природными категориями. Полы человеческих существ испытывались как отражение, как особенная форма проявления реально существующих космических качеств.

Развитие всего вещного в поле напряжения полярных сил было за прошедшее время подтверждено естественными науками и эзотерической волной привнесено в общее сознание. Но «люди предания» не думали о полярности, они испытывали ее в себе самих как часть живого космоса. Поэтому их мифология может дать ключ для понимания более глубоких аспектов полов мужчины и женщины.

Если мы исходим из учений, в которых принципы мужского и женственного вызывают космический процесс, то самый известный пример – это, пожалуй, китайское учение о Инь и Янь.

Инь и Янь – противоположные друг другу, но также и дополняющие друг друга силы, неутомимое взаимодействие которых вызывает все проявления видимого и духовного мира: Янь на солнце и свете. Инь в тени и луне. Огнем является Янь, вода – это Инь, вершинами является Янь, низменностями – Инь, чистое – это Янь, бездонное – Инь и т.д. Женщину из-за доминирования в ней Инь становится женщиной, мужчина из-за доминирования Янь в нем становится мужчиной. К Инь присоединяется холодное, влажное и темное, к Янь сухое, светлое и светящееся. Понятый как принцип Янь обладает «природой неба» и охватывает все, что является активным, мужским и положительным.

Инь соответствует «природе земли» и всему, что пассивно, женственно и отрицательно. Современные люди видят здесь сразу оценку – и неоправданно, так как возможности чисто метафизические и поэтому не важны с нравственной точки зрения.

Соответствие с китайской парой Инь и Янь образуют индийские божества Шива и Шакти, космическое мужское и космическое женственное, соединение которого вызывает всемирный процесс и все реальности. В одном тексте богиня говорила: «Так как во вселенной все одновременно Шива и Шакти, ты, Махешвара (мужской Бог) в каждом месте, и я в каждом месте. Ты во всем и я во всем».

Здесь важен тот факт, что неподвижность присуждается мужскому, а движение женскому принципу. Также в учении индусов «пуруша» – мужской принцип – недействующий, так как состоит из Духа, обладающего светом. Одним своим присутствием он оплодотворяет «пракрти», которое тем самым, двигая

и творя, создает динамичные и переменные аспекты мира. В эротично-сакральном искусстве это выражается соединением, в котором мужское неподвижно, и состоящая из пламени Шакти исполняет движения.

Содержание этой мысли, которую можно найти также в западной традиции, дало нормативную основу полов, от которой следовали дальнейшие определения. Оно также для наших соображений относительно основных аспектов бытия мужчины образует обязательную исходную точку. Чтобы мысленно понять и разъяснить его, нам нужно бросить взгляд на западноевропейскую традицию.

Аристотель писал: «Мужское – это специфическая форма, женское – материя. Поскольку она – женственна, она пассивна, в то время как мужское активно». (De gen. anim. I, 11, 716a). Эта полярность все время снова и снова возникает в воззрениях греческих философов. Она интерпретируется также как дуализм бытия и становления, причем бытие связывается с понятиями «nous», «logos» или всемирным разумом (у Платона, пифагорейцев и Плотина), в то время как становлению соответствует принцип природы или жизненной силы (Psyche).

Уже можно догадаться, что обе величины обладают довольно сложным, для современного менталитета не так легко постижимым значением.

Древние греки понимали «материю» не просто как материал или внешнюю природу, а как таинственную, непостижимую субстанцию или потенциал, у которой самой по себе нет формы, как раз поэтому, однако, она может принимать любую форму, если она для этого активизируется или оплодотворяется. Она – принцип природы и становления и представляет женственное. Свой самый удачный символ она находит в воде: Вода воплощает недифференцируемую, еще не связанную с формой жизнь и все, что непостоянно и переменчиво. Это в полной мере принцип зачатия, плодородия, земной жизни в ее динамичной силе.

Этому противостоит принцип мужского, который приводит в движение и становление, делая возможным переход от бесформенной возможности или «материи» к форме. Поэтому его определяющая сила называется также «формой», и предпосылка его действия в том, что оно само остается неподвижным, идентичным с самим собой, т.е. чистым бытием. Джордано Бруно, который говорил об «универсальном разуме», разъяснял: «Этот разум производит все, в то время как он сам, оставаясь спокойным и даже неподвижным, вливает что-то из принадлежащего ему в материю и выделяет ей это. Маги называют его плодотворным семенем или также сеятелем; так как он является тем, что наполняет материю всеми формами, придает ей форму в соответствии с данными последними способами и условиями и проткана тем изобилием достойных восхищения порядков, которые не могут приписываться слу-

чаю или какому-то еще другому принципу, который не мог бы разделять и >упорядочивать<». (Джордано Бруно: «О причине, принципе и Одном», Гейдельберг, 1889 год).

Если, с одной стороны, «всемирный разум» рассматривается как лежащий «над» творением, с другой стороны, он действует в нем, тогда приходится коснуться основного вопроса спекулятивной философии, имманентно ли все же теперь духовное, т.е. присуще ли оно вещам, или трансцендентно, «превышающее» их. Однако, этот вопрос, как говорится, спекулятивен и с традиционалистской точки зрения на мир никогда не стал проблемой. Природа древними не «думалась», а переживалась как большое, воодушевленное и священное тело, а также как «видимое выражение невидимого». «Как наверху, так и внизу, как внутри, так снаружи», девиз герменевтиков, эхо которого звучало еще в евангелиях: «Царство небесное внутри вас».

Представление о понимаемом только в образах может также дать изречение из круга пифагорейцев: «Через все члены излитый разум движет массой Вселенной и пронизывает тело».

Как видите, греческое воззрение о «разуме», «форме» или «бытии» несомненно соответствует характеру Шивы как «Неподвижного Движущего». Это, естественно, не является случайностью. Мы хотим обратить еще раз внимание на то, что в случае с «вечно-мужским» или «вечно-женским» речь идет у как раз не о фольклоре, идеалах или понятийной абстракции, а о метафизических фактах, о реальных стихийных силах, которые воспринимались из ясновидящей интуиции и объяснялись в соответствии с их сущностью.

После того, как они носом столкнулись с этим, кое-что из этих сил начали понимать также наши естествоиспытатели. Именно Эйнштейн первым привел в волнение научный мир, сказав, что существуют расплывчатые переходы между видимым миром материи и невидимым, бесформенным миром. Он говорил, что оба мира сделаны из одной и той же силы: эфира или субстанции.

Сегодня атомная и квантовая физика знает, что атомы как таковые обладают не материальной, грубо-материальной природой, а представляют собой сильные концентрации энергии, что означает, следовательно, что вся Вселенная, собственно, является ничем другим как высококонцентрированным сгустком энергии. Тем самым было подтверждено знание о пра-энергии, которое было удивительно аналогичным способом представлено во всех культурных кругах: персы называли ее «*манан*», египтяне «*Ка*», японцы «*Ки*», «*атман*» называют ее в «Упанишадах», что означает «дуновение, дыхание, жизнь», и «*Chi*» у китайцев, которые используют «биоплазматические энергетические потоки» для лечебных целей в акупунктуре. Наука решалась даже еще на скачок от женской энергии к духу, который прямо-таки теперь навязывался новой системе мира. Макс Планк, основатель квантовой физики,

уже в 1930 году на научном конгрессе во Флоренции сделал вывод, что за силой, которая действует во всем материальном, должен стоять сознательный, бессмертный дух и что этот дух – это «первопричина всей материи».

Основная мысль состоит в том, что ни один атом не может возникнуть без действия физического закона, которому он повинует. Однако, законы – всегда что-то духовное. Стихийная сила не только «пульсирует», она содержит также творческий интеллект, который воздействует, планируя и упорядочивая. Если бы было не так, то все кончилось бы в хаосе. Типичный пример – это кристаллы, начало которых минералог профессор Новацки из Бернского университета приписывает влиянию духовных величин, которые упорядочивают атомы и молекулы в решетчатой пространственной форме по абстрактной модели или проекту. То же самое касается орбит Солнца и планет, которые безошибочно точно рассчитано функционируют на протяжении миллиардов лет, а также видов растений и животных нашей Земли с их чудесной согласованностью в экологической сети жизни.

Сегодня естествоиспытатели как Руперт Шолдрейк открыто говорят о «морфогенетических полях»: в основе любой формы и каждого поведения должны лежать наряду с генетически обусловленными причинами невидимые конструктивные планы, которые создают все творение.

Интересно, что независимо, однако, одновременно с прогрессом в естествознании глубинная психология обнаружила прообразы или архетипы. Ее исследователь Карл Густав Юнг обратил внимание на то, что речь ни в коем случае не идет о «только психических» появлениях, а, прежде всего, о внетелесной, независимой от времени и пространства принуждающей силе осуществления.

Тем самым мы снова оказываемся в древности, у греков, которые понимали Вселенную как «космос», как «украшение» и запланированный порядок, у идей Платона, прообразов, которые лежат в основе вещей мира как внутренний проект или у всемирного разума, который вливается в материю, придавая ей форму. Астрофизик Джеймс Джинс признавал: «Вселенная начинает все больше походить на большую мысль, чем на большую машину». То, что он обозначает как мысли, мы можем рассматривать также как согласованность духовно-энергетических сил, основной образец которых образует полярность мужского и женского.

Мы должны сделать еще один шаг вперед. Не существует традиционного учения, которое взяло бы метафизический дуализм как исходный пункт для своего мировоззрения. Дальневосточная традиция знает поверх Инь и Янь «Большое единство» – Дао, из которого по словам Лао-цзы возникал мир, и к которому все вещи снова возвращаются. В тантризме можно найти Ниргуна-Бразмана находят по ту сторону дуализма Шивы и Шакти, Плотин говорит об

«одном», стоящем над божественной двойственностью «nous» и «psyche» и т. д.

В этой связи нельзя признавать за обоими принципами равную значимость. Это так, что мужской принцип Янь, «бытие» в пределах двойственности, отражает одно, абсолютное бытие. Он представляет и воплощает это Одно в пределах всемирного процесса, в относительности, в потоке форм. Женский принцип, невидимая материя, в противоположность этому обладает вторичной реальностью; он происходит, с теологической точки зрения, от Бога, но не сосуществует с ним. Индийские учения говорили о «выходе» божественного из себя самого, об экстравертном движении, которое освобождает себя от Одного и Идентичного. Этот «выход наружу» является функцией Шакти, которая часто связывается с мифической, падающей с высоты рекой. В алхимистическом знаке воды, направленном книзу треугольнике, отражено это стремящееся вниз и покидающее центр направление. Естественно, не случайно, что это одновременно символ богини, рождающего лона, женственного элемента этого мира.

Отделение женственного из «Великого Единого» ведет к началу мужского в его специфической форме Янь. Янь – это стихийная пра-сила, лишенная женственного, которая сохраняет, тем не менее, ее творческий потенциал и действует во всем, что владеет сознательным, духовным и неизменным аспектом.

Мастерски поддержано и одновременно оставлено втайне напряжение идентичности и разницы в прологе Евангелия от Иоанна, в основе которого лежит еще более старый, дохристианский гимн логоса: «Вначале было Слово (логос), и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». (Евангелие от Иоанна, 1., 1-3). Дополнением может служить известное место в ветхозаветном сообщении о сотворении мира: «... и дух Божий носился над водой». (1 книга Моисея, 1,2). Также здесь опираются на предания традиционного мира. Помимо того факта, что «дух Божий» не означает, собственно, самого Бога, примечательно и включение женственного элемента как оформленный «прапоток», который рассматривается у самых различных народов в качестве основы настоящего процесса творения. Так же и здесь: бледное «носился» привычного перевода – это полыхающее «размышление» в еврейском подлиннике, чем подтверждается универсальное воззрение об оплодотворении и активизации пассивного женственного мужским элементом. Творение по этому учению значит «порядок», соединение принципа хаоса с сознательной формой. Еврейское слово для прапотока – *Tehom* – ссылается, впрочем, на вавилонскую богиню Тиамат, которая как дракон хаоса представляет как аморфную воду, так и мрак.

Теперь метафизически обоснованное преимущество мужского перед женским не всегда также влечет за собой привилегированное положение в космическом развитии мире. Наоборот. Первоначальный дракон находит свое соответствие в «космическом змее», как обвивающий Землю змей Мидгарда или Уроборос, который сам себя кусает за хвост и тем самым беспрерывно глотает сам себя. С мировым змеем, который, по выражению гностиков, «путешествует через всех вещи», представлен основной принцип этого мира, который в буддизме называется также «самсарийский мир»: в бесконечной циркуляции смерти и возрождения он удовлетворяется в вечном желании первопричины, в которой он находит, однако, только свой собственный голод. Сила, которую вращает все живое и поддерживает из глубины, – это сила желания: слепая тяга бездонного к дну, к «липкому» сцеплению и идентификации с тем, что обещает себе соединение и опору.

Хотя мужской Янь вливает себя в материю, придает ей образ и форму, но это влияние недолговечно. Также и женское воздействует на мужское, привязывая себя к нему и приводя, возможно, к тому, что мужское принимает чуждый ему образ бытия.

Старый китайский трактат о Золотом цветке описывает этот процесс так, что мужской Янь теряет свой центр, в котором он покоится, раскрываясь в иррациональном движении наружу, вследствие чего он расщепляется, и его силы исчерпываются. Он поглощается потоком Становления, проходящего и времени, что с точки зрения чистого бытия может иметь только значение забвения и помрачения. Различные мифы выразили эту мысль, связывая с «падением», например, «падением» пьяного и бессознательного Пороса, который объединяется с Пенеей (нехваткой и нуждой), с погибающим в воде Нарциссом или также с мифами, в которых людей поглощают драконы и другие существа, которые воплощают мокрый принцип хаоса (например, египетский миф о Тифоне-Сете и Осирисе).

Эта фаза или ситуация, в которой мужское попадает под господство женского, может, тем не менее, смениться другой, в которой мужское вернет свое господство. Предпосылкой является победа над сопротивлением, которое оказывает ему сковывающая или стремящаяся вниз и к роспуску сила женского. После поворотного пункта Становящееся может быть все больше просвечено Янь, до тех пор, пока не достигнет полного, прозрачного овладения Ставшим, вследствие чего определенным способом снова будет восстановлено праединство. Пробуждение происходит в знаке стремящегося вверх огня или перпендикуляра (знак «поддерживаемой мужественности» или прочности), который после падения к горизонтали (знак воды) вновь возвращается к своей истинной природе. В образном описании руки вечно уклоняющейся девы скованы, дракон убит героем, или змей прибит к кресту. По Каббале Шехина (космическое женское начало) празднует свадьбу со Святым, и Гно-

зис позволяет Христу, «сыну» (трансцендентного бытия), который является логосом, вернуть павшую Софию снова к миру света.

Нужно подчеркнуть, что различные фазы, которые миф описывает как что-то вроде космической драмы, достигающей апогея в «исполнении времен», прежде всего, отображает разнообразие возможных ситуаций, которые возможны постоянно и в любое время между формой и материей, небом и землей, мужским и женским. Речь идет о ситуациях, которые будут видны всюду: в истории и в ее эпохах, в духе культов и общественных формах, в отношениях мужчин и женщин и не в последнюю очередь в отдельных индивидуумах. Так представленные проекты, какими бы абстрактными они не казались, также дают ключ к ориентации и к исследованию какой-либо реальности.

Идея первоначального единства, фрагментации этого единства в становлении мира и ее непрерывное присутствие в мужском принципе можно обобщить еще раз посредством цифровой символики, имеющей универсальный характер.

Здесь важны числа от одного до трех. Один – это число, из которого может возникнуть все, которое содержится во всех других числах как самый маленький строительный камень. Одновременно оно – единственное число, которое не изменяется, ни если его делят на самого себя, ни если умножают его на самого себя. Таким образом, единица была символом божественного, начала и единства. Она олицетворяет активно творческий, мужской принцип. Ее иллюстрированный вид – это круг с точкой в центре, знак, который еще сегодня символизирует Солнце в астрономии.

Два – в отличие от одного это «совсем другое», начало расщепления и множества. Оно означает отделение и различие. Можно разделить на мужское и женское, добро и зло, свет и тьму, да и нет, смерть и жизнь. Два делает шаг из единицы в противоположность и обозначает начало всемирного процесса. Оно приравнивается символически к материи и является женским числом. Ее иллюстрированный вид – это расколотый круг, полукруг, который символизирует Луну в астрономии и представляет в астрологии будущую, умирающую и снова и снова по-новому возникающую жизнь.

Три как и все следующие нечетные числа является мужским числом и означает динамичную последовательность: Один, представляющий Янь, связывается с женским числом, материей, и создает этим синтез, в котором он снова находит себя. Все, что в мире Становления отнято у хаоса, сформировано и просвечено, несет печать высшего единства. Иллюстрированный вид тройки – это равносторонний треугольник, вершина которого указывает вверх.

В «Великом Трактате» Да-Чжуаня (I, §4) сказано: «Мужское действует на пути творческого, женское на пути принимающего. Творческое действует у

больших истоков, принимающее приводит появившиеся вещи к завершению... Следуя за небом, встречает оно своего господина и следует его путем в соответствии с мировым порядком».

6. Сущность мужчины и женщины

На фоне упомянутых принципов и их согласованности, вытекшего из этого разнообразия божественных существ, дифференцированных в богах и богинях, люди традиционного мира узнавали вечно мужское и вечно женское также в отдельных индивидуумах, половые признаки которых были только зеркалом, особым появлением космического порядка. Божественные прообразы готовили не только ключ к интерпретации мужской и женской психологии, они предоставляли также обязательные нормы, согласно которым мужчины и женщины могли осуществляться в их сущности. Знание этих норм пропало, как и почтение перед неизменным. Люди современности полагали, что могут сотворить себя самих. Тем самым они стали «висящими садами», у которых нет ни корней внизу, ни благословения сверху. Они расстались с космическими жизненными артериями, их высоко возросший индивидуализм был приобретен за счет человеческой атомизации, в высшей степени неорганического способа бытия.

Люди забыли, что пол является нашей судьбой, никто не может убежать от него, разве только, он осознанно станет калекой. Однако, это наш шанс – единственный, который у нас есть – чтобы найти наше космическое происхождение, нас самих.

Силы Инь и Янь можно сравнить с флюидом, который проникает в существо вплоть до самой глубокой жилки. Они никогда не предстают в чистой форме, иначе мы были бы богами. В зависимости от индивидуумов они обнаруживают большую или меньшую интенсивность и смесь, что, однако, не препятствует тому, чтобы мы были ориентированы либо на мужской, либо на женский принцип. При этом нельзя останавливаться на биологическом уровне. Первичные и вторичные половые признаки являются только самой грубой формой проявления, как бы конечной ступенью действующей изнутри формирующей силы. Решающим всегда является внутренний пол, прамужское или пражженское, которое выходит за пределы тела. Кто не мужчина или женщина в духе и в душе, тот не настоящий мужчина или женщина. В это время мужчины и женщины должны снова научиться по-новому разбирать по буквам их пол. Они должны понимать, кто они на самом деле, и что находится в них. Все последующее получится само собой.

Теперь следующее изображение основных черт мужчины и женщины может служить при этом как исходный пункт. Но речь идет не об употребительной «психологии», о «характерных чертах», за которые ответственен человек, а об объективных, безличных чертах, которые берут начало от более глубоких

корней. Тот, кто не слеп и не идеологически твердолоб, не сможет обойти констатацию того, что развитый космологический фон еще сейчас присутствует даже у современных женщин и мужчин и готовит образец к интерпретации основных черт, которые вряд ли можно объяснить без тех же «констант вечности». Само собой разумеется, что разнообразные способности и таланты полов нужно измерять не по отношению друг к другу. Вопрос, превосходит ли женщина мужчину или уступает ему, точно так же бессмыслен как вопрос, кто сильнее: вода или огонь. Между мужчиной и женщиной существует различие, которое исключает всякий общий масштаб. Единственный качественный критерий поэтому может состоять только в том, воплощается ли и в какой мере собственная более глубокая природа. Без сомнения женщина, которой является совершенной женщиной, выше мужчины, являющегося несовершенным мужчиной, так же, как и связанный с землей крестьянин, хорошо и совершенно решающий свою задачу, превосходит короля, который неспособен выполнять свойственные ему задания.

6.1 Сущность женщины

Основная черта в сущности женщины – это ее ориентация «наружу». Ее жизнь совершается в связи, в опоре, в отношении с чем-то иным. Это очевидно, прежде всего, на тривиальном уровне: она любит говорить и звонить по телефону, завязывает контакты, любопытна, хочет, чтобы ее замечали, признавали, любовались, вождели. Мнение людей, «последний крик», но также и условности, сплетения «говорят» и «делают», в которых она уверенно ориентируется, играют решающую роль для нее. Вместе с тем она также в зависимости от внешнего мира. Женщина не может существовать без своего визави. Она живет тогда, когда на нее обращают внимание. Ей знаком страх одиночества, чувство безнадежной пустоты, которое чуждо мужчине. Поэтому она наполняет квартиру кучей разных безделушек, поэтому она, как только она одна, хватается телефонную трубку или шоколадку, поэтому она разговаривает с комнатными растениями, ищет присоединения к группе, покупает себе маленькую собаку или, по крайней мере, смотрит заинтересованно в окно.

То, над чем легко улыбаются и шаржируют, имеет серьезные корни. «Ориентация наружу» женщины соответствует началу всемирного процесса, «выходу» прапотенциала из себя самого, а также движению текучей, неопределенной «материи» к чему-то иному, кроме как надлежащего ей, от которого она ожидает форму и поддержку. Если писать числа как точки (например, на костяшке домино), то у нечетных чисел центр, в то время как четные, женские числа делят свои точки в не занятой середине, что находит соответствие в анатомии мужского и женственного половых органов. Недостающее центрирование и получающаяся из этого «открытость», также соблазнительность, это более глубокая причина для того, что женщин называют «слабым полом». Эта «слабость» не имеет ничего общего с неприспособленностью к

жизни. Как известно, женщины гораздо жестче, чем мужчины и в совершенстве умеют достигать тех целей, что они перед собой поставили, Прежде всего, средства массовой информации не устают перечислять различные биологические преимущества, по которым женщины – это абсолютно ясно «сильный пол». И, тем не менее, они являются этим «слабым полом». Крохотного жеста, движения глаза даже сегодня еще достаточно, чтобы размягчить самое твердое мужское сердце. Так сильна все же мудрость мифа.

То, что у женщины нет твердой середины, является причиной ее загадочной непостижимости, которая так восхищает многих, ее способности к перевоплощению и к изображению того, что мужчина охотно хотел бы видеть в ней. Недавно одна известная актриса сказала, что женщина в своей психике более сложна, чем мужчина хоть когда-нибудь мог бы стать. Мужчине даже не стоит пытаться постичь ее. – В этом она в принципе права. При всем том глубокое в женской психике имеет двойную ценность. У некоторых женщин это может быть чистой пустотой, которая только слишком обращает на себя внимание незначительностью, жаждой развлечений, похожее на маску внешним видом и т.д. Если этот вид женщины больше не прелестен, она обычно «возбуждена», уходит и живет тогда только сплетнями и болтовней. У других женщин их открытая середина жива; они «протягивают щупальца», чувствительны к колебаниям и могут поставить себя на место других людей.

Принципиально можно сказать, что женщина по своей природе предопределена к связи и к чувствительности. И не только на человеческом уровне. Гораздо сильнее, чем на мужчину, ритмы Вселенной влияют на нее, что сказывается, например, на менструальном цикле. Ее естественное, инстинктивно надежное и в то же время таинственное включение в космическую жизнь может придавать ей талант ясновидения и волшебные способности, делает ей возможной связь с элементарными силами. Поэтому женщины в архаичное время участвовали в сакральных функциях или их сжигали как ведьм, что является позорным пятном мужской слабости и невежества. Все-таки у женщины есть, если она представляет «вечно женское начало», предпосылка, которое могла бы быть существенно интересней той, за которую так сильно бьется западноевропейский феминизм. Это заметка только так, между прочим.

Из изменчивости в символе материи, Луны или воды, влажного и расплывчатого, понимается в дальнейшем преимущество чувственного и эмоционального в сущности женщины. Ее психические ощущения, расположения и настроения постоянно меняются. Настроение приходит от Луны. Женщина в высшей степени связана с этим небесным телом. Луна – это повелитель ночи и темных глубин душ, подсознательного. В своем первобытном состоянии женская сущность – это океан, который устремляется с большой силой, но без определенного направления. Для мужчины у этой силы часто есть кое-что угрожающее, поглощающее его, особенно в сексуальной области. Но также и

женщина более или менее подвержена ей. Она – гораздо больше природа, чем личность, и контроль эмоциональных возбуждений возможен у нее гораздо меньше, чем у мужчины. Это еще сказывается даже у наших женщин-политиков.

Женщина склоняется к тому, поддаваться тому, что именно в настоящий момент овладевает ею. Настроению, расположению, переживанию, человеку, который входит в ее жизнь и вместе с тем вытесняет всю остальную жизнь, весь остальной мир. У женщины одно становится всем; в одном она замечает все, в одно она вкладывает все. Это причину ее неудержимого таланта страдать, любить и радоваться, но также и ее большой склонности подпадать под чужое влияние, излишней доверчивости, того, что она часто реагирует истерически, ужасно странным для мужчины образом. Женщина более поддается формированию и адаптации, чем мужчина. Она скорее готова принимать и ассимилировать приходящее снаружи содержание. Уже во время учебы девочки усерднее и успешнее, не потому что они умнее, а потому, что меньше отвлекаются и имеют меньше сопротивления по отношению к материалу. Но как раз в идейной области пассивность восприятия часто приводит к последующей жесткости, которая может тогда встречаться как конформизм или консерватизм.

Если мы говорили, что женщина больше, чем мужчина фиксируется на одно, что появляется в ее жизни, то это в самой особенной степени касается любви. Женщина, если она настоящая женщина, любит непременно и сполна. Она вкладывает все изобилие своей природы в любовь и все свои надежды она связывает только с любовью. Она делает это потому, что только любовь предлагает ей воплощение ее природы и оправдание ее существования. Женщина – это «материя» по своей прасущности. У нее нет собственного центра, она текучая. И тоска всей материи с вечности стремится к форме. Женщина, которая чувствует «мужскую» прочность и надежность, переживает свой самый счастливый, свой наивысший момент. Она получает долю в божественной сфере бытия и одновременно она может освобождать, отказаться от своих человеческих границ, может, освобождаясь, течь в любовь, середина которой перехватывает ее, останавливается, и ее существо глубочайшим образом преображает и освещает. Она чувствует себя как волна, которая получает движение и игру только через скалу, как лоза, которая может только обвивать стержень – или как Шакти, богиня, которая как подвижный огонь вращается вокруг созданной из света мужественности.

При этом мы касаемся очень глубоких и магических положений вещей, которые едва ли называют, но они образуют основную предпосылку психологии полов. Они освещают также трагедию нашего времени, так как сегодняшние женщины больше не могут и не имеют права предаваться любви, так как мужчины больше «не в порядке». Мужчины, однако, в то время как позволя-

ют себе уйти, преграждают женщинам дорогу к самим себе, они оказываются виновными перед своими женщинами. Мы позже вернемся к этому.

Здесь остается сначала установить, что женщина по своей сущности всегда хотела бы относиться к чему-то. В идеальном случае к мужчине, которому она может полностью дарить себя и предаваться, чтобы найти участие в бытии и форме и одновременно освободить, чтобы стать чистой любовью, в которой осуществляется ее природа. Второй, очень важный пункт отношений – это дети.

Женщины живут с детьми в таинственно соответствующем колебании. Они могут заниматься ими часами, не чувствуя усталости. Понаблюдайте, как вид любого ребенка (например, в поезде) вызывает волшебным образом немедленную улыбку на лице женщины. Процесс рождения для женщин часто инициатический, освящения в ее собственной сущности.

На этом фоне становится понятным, что традиционный мир готовил женщинам, прежде всего, два пути: путь матери и путь возлюбленной. Оба способа бытия происходят в связи, в преданности, в полном существовании для другого существа. В пожертвовании другой жизни женщина находит смысл своей собственной жизни, свою собственную радость, свое настоящее оправдание.

6.2. Сущность мужчины

В противоположность женщине мужчина с его метафизическим происхождением меньше опирается на «другое» чем на себя самого. Он воплощает рожденное в человеческой форме бытие, которое неподвижно и поэтому идентично с самим собой. В то время как женщина принадлежит подвижной прасубстанции, «душе», жизненной силе, мужчиной управляют принципы духа.

Наполнены ли теперь действительно все мужчины духом, это другой вопрос. В преобладающем большинстве едва ли это можно предположить. Однако это ничего не меняет в том факте, что мужчина был онтологически связан с этим принципом. Принципиально у него есть доступ к духовному и возникающим для него из этого возможностям, совсем неважно, использует он это или нет.

Все-таки эхо духа узнаваемо у большинства мужчин, по меньшей мере. Достаточно, чтобы выражать их мышление, чувство и действие «типично по-мужски». Мужчина стоит иначе в жизни, чем это делает женщина. Женщина, как мы говорили, сильнее восходит в настоящей ситуации, до тех пор, что все другое вытесняется. Мужчина независимее от внешнего мира и сменяющих друг друга во времени состояний. Принцип бытия действует в нем таким образом, что он чувствует себя больше как личность и поэтому стремится утверждать тождество себя самого в потоке внутренних и внешних

проявлений. В поле зрения мужского сознания одно выступает на первое место, другое снова отступает, но ничего не исчезает совсем, ничего не теряет своей силы. Поэтому оценка мужчины также обычно более уравновешенная, более объективная. Мужчина, когда он отходит назад, может рассмотреть ситуацию, может взвесить и сравнить, что часто не удастся женщине, которая легко заключена в себя и эмоционально впутана. Она также вовсе не хочет этого. Вместе с тем женщины вопреки их «открытости» ведут себя в своем социальном контексте в большинстве случаев более нетерпимо, чем мужчины. Они раздражаются из-за поведения того или другого, даже если оно вовсе не касается их непосредственно. Мужчины скорее поступают по принципу: Пусть он делает, что он хочет, пока он мне не мешает.

Стремление мужчины беречь собственное единство, выражается также в типично мужском мышлении. Оно обязано логике, основой которой является принцип тождества $A = A$ и идеал которой состоит в том, чтобы выводить разнообразное из единого.

Мужское мышление склоняется к системному образованию и к формулированию абстрактных понятий. Понятия делают мир доступным, присоединяя предметы и содержание сознания в определенный порядок, который одновременно готовит решения для проблем. Одностороннее представление этого мышления в течение последних столетий привело к рационализму и научно-техническому прогрессу, ограниченность и сомнительность которого сегодня очевидна каждому. Тем не менее, нужно заметить, что ясный разум, когда он устанавливает вещи, как раз здесь демонстрирует родство с универсальным разумом, определяющей силой идей и архетипов, которые неподвижно возвышаются над всеми переменами.

В мировоззрение и философии мужское мышление достигло своего полного развития.

Логика как выражение любви к правде, к внутренней логичности, наводит мост к этическому действию. Строгий, безличный, объективный стиль мышления может стать для мужчины чем-то вроде внутреннего императива, который создает также личное понятие о чести. «Мужчина верен своему слову», так это называется. Анри де Монтерлан говорил, что нужно даже держать обещание, которое вы дали вашей собаке. Этим он наглядно объясняет, что речь, если говорить об определенно мужской этике, не идет о практическом или личном отношении (собака ведь не понимает, что ей обещают), а о верности по отношению к самому себе. В древнем Иране ложь была более тяжелым преступлением, чем убийство. Это ясно только тогда, если понимаешь трансцендентную сторону лжи, которая как раз и является нарушением бытия, принципа тождества.

Характерно, что женщины не имеют никакого отношения к этике, основанной на логике или императиве. То, что нельзя доверять их словам и что с ними «строят на песке» всегда и всюду уже признавалось народной мудростью. Мужчины тоже лгут и обманывают, но в отличие от (настоящего) мужчины (настоящая) женщина воспринимает свою ненадежность не как вину, как неверность по отношению к собственному внутреннему закону. – И это справедливо, так как она – только следствие ее жизненно важной лабильности, пластичности и аморфности «первичной материи», которая представляет принцип «различного», изменения и «отклонения» по Платону и Аристотелю. Это не значит, подчеркнем это еще раз, что у женщин меньше склонностей к «этике», чем у мужчин. Речь идет только о том, что их этическое действие не исходит от абстрактного закона. В нем гораздо больше соответствующего чувству, чувственности и личному отношению, отношению к «жизни», в то время как этика мужчины следует твердым, ясным (часто, однако, сухим) формам независимого духа.

Как его мышление и действие, так и чувствование мужчины также определяется большей дистанцией между «Я» и миром. Его склонность контролировать чувства или держать их при себе, привело в более позднее время к критике, что мужчина якобы неспособен глубоко чувствовать или эмоционально заблокирован. Действительно так может казаться с женской точки зрения, особенно если женщины применяют не их интуицию, а абстрактное мужское мышление. И мужчины промышленного общества погони за результатом действительно часто прячут свои чувства; мы видели, с чем это связано. Все же и не деформируемый мужчина на «свободной охотничьей тропе» или пробужденный мужчина менее «чувствителен», чем женщина. Это зависит, как говорится, от того, что он более успешно может контролировать свои чувства, с другой стороны, от того, что его чувства, как и его внимание, рассыпаны более широко и поэтому часто менее интенсивны. Прежде всего, мужчина проявляет свои чувства преимущественно в совсем другой области.

Здесь сказывается соответствие к разному виду мышления. Мышление настоящей женщины конкретно и ориентировано на материальное. Собственно, это больше осязание, вкус, который постоянно пронизан интуицией и поэтому действует нелогично и неясно. Мышление мужчины «оторвано от земли» и логично-формально.

Подобное происходит и с чувствами. Интересы и эмоции женщины относятся к самому необходимому, к делам ежедневной жизни, особенно к делам тела как уход, одежда и физическое здоровье, к дому и семье как людям самого близкого окружения. Мужчины, напротив, воспринимают «мелочи» большей частью как надоедливые и с безразличием отдаляют их от себя. К печали женщины они не хвалят (или недостаточно хвалят) заботливо приготовленную им еду, забывают сменить одежду и наверняка не замечают, если другой мужчина одет похоже (что обычно вызывает травмирующие последствия у

женщин). В отличие от женщины, которая в своей сфере является бдительной и полной чуткого внимания, у мужчины часто проявляется определенное «отсутствие». Женщина к своей досаде замечает то, что его взгляд часто не замечает такие важные для нее детали и улетает в дальние дали.

Это потерянный взгляд ковбоя, прищурившегося курильщика. – Реклама точно знает, как она может изображать на плакатах типично мужские стремления и превращать их в деньги. В конечной точке взгляда, улетевшего вперед «на несколько миль», именно живо чувствование мужчины. Его самое глубокое чувство, то, что непременно касается его и выходит за пределы его самого. – Что это такое?

Все, что ведет в царство идей, затем в неизвестное, требующее новых открытий, что проявляется с мирской точки зрения в жажде приключений, с духовной точки зрения в желании распознавания, понимания, в разгадывании отношений, достигающего апогея, когда мужчина может сказать: «Ага! Я так и думал!». Сердце мужчины бьется именно там, где женское сердце прекращает биться. Оно бьется там, где растворяется материальное и явное, и становятся заметными контуры другой, освобожденной реальности.

Это могут быть события в политике, особенно если они переходят в мировоззренческое, это исследование и техника, это творчество в искусстве, это умственные здания философии, космические измерения в религии и мистике и определенный вид ценностей и идеалов, которые сегодня тщательно отгораживаются, так как опасаются мужской революции...

Существуют прообразы, которые настолько сильны, что они делают героев из колеблющихся мужчин, которые с легким сердцем жертвуют своей жизнью. Также женщины жертвуют своей жизнью, но обычно ради своих детей. Под градом бомб во время войн героические женщины рождаются массово. Но никакая женщина не умирает за идею. Мужчины и женщины жертвуют себя реальностям, о которых они чувствуют, что их существование зависит от них и несет залог обязательства.

С расширением вдаль и вширь, которое мы еще рассмотрим подробнее, связан еще один решающий признак, который теперь отчетливо выводит мужчину из профанической сферы целесообразности и чистого жизненного опыта.

Речь идет о свойственной мужчине силе творчества, об импульсе проникать в материальное, одухотворять его, о видении, позволяющей придавать форму увиденной внутри идее. Этот импульс хоть и не движет всеми мужчинами в одинаковой мере, если, однако, он движет, то он мощен как ничто другое, так что можно сказать, что он берет свое начало от самого глубокого корня. И как таковой он свойственен только мужчинам. Бесчисленные памятники

искусства и культуры, за все тысячелетия в неистощимом богатстве проросшие из жизненных пространств человечества, великая музыка, бессмертная литература, устремленные в небо соборы – все это было создано мужчинами. Женщины тоже творят и создают, но все же их произведения показывают намного большую склонность к обычному, если они не остаются сразу на уровне декоративного, где они доказывают, однако, большой вкус. Но речь здесь идет не о том, чтобы противопоставлять одно другому. Типично мужское и типично женское творчество просто передвигаются на разных уровнях, которые не нужно сравнивать друг с другом. Также речь не о том, что есть достаточно мужчин, которые подпали под действие подражающего формализма. Речь только о том, чтобы подчеркнуть, что настоящее творчество исключительно мужское. Никакая женщина не могла бы создать девятую симфонию, музыку фейерверка или триумфальный марш, также никакого Шагала или Пикассо. В произведениях больших мастеров живет жар, смелость, у женщины просто нет такого чувства внутри. Творческий восторг, который разорвал многих художников, столкнув их к безумию и саморазрушению, чужд женщинам. Здесь снова возникает параллель со слишком многими другими сферами жизни, в которых женщина остается в тесном контакте, но также и в связанности с объектом, в то время, как мужчина принимает дистанцию. Если он воодушевлен творческим, его дистанция превращается в порыв, который несет его туда, где не меньше, а больше жизни.

Достичь этого «больше» и запечатлеть это в себе – вот вечная страсть мужчины. Так или иначе, обходными путями или напрямую он всегда пробует добраться в «землю обетованную». И даже если он идет ложным путем, так как цель не ясна ему: в его плоти укоренена антипатия к застою и всему, что держит его в оковах. Если он не полностью дегенерировал, он будет стремиться скинуть с себя принуждения и обязательства, которые ограничивают его, по меньшей мере, ослабить их на время, например, благодаря прыжку «налево», пьянству на всю ночь, стремительной гонке на машине или занятиям спортом, что дает ему возможность символически подавить то, что стесняет его. Отъезд, прорыв и свобода – это мужские жизненные образцы, так же как привыкание, приспособление и защищенность – женские. Все же, об этом мы еще поговорим более подробно. А также о том, как стремление к свободе органически включается в сущность мужского эроса. Мужской и женский вид любви полностью противоположны. Но делать из этого проблему, это типично современное явление. Как раз то, что мужчина «любит за пределами» женщину, не делает ее центром своей жизни, дает ей опору и связь. И этот вид любви ни в коем случае не должен быть меньше интенсивен, он может даже открыть ему калитку к королевскому «бессмертию». Все же, об этом позже поговорим более подробно.

Прежде всего, нужно четко уяснить себе, что мужская неудовлетворенность частичным, стремление к целостности и полноте, которое он реализует растворением бывшего, восходит к космической первопричине, к Одному, к аб-

солютному бытию, которое живо в мужчине, воплощенном в «Янь». Его частое беспокойство и раздвоенность – это знаки страдания в отчужденности, его творческий потенциал, но также и спокойное, ясное сознание, которое в философской концепции или религиозном освещении проникает до самой сути вещей, выражают согласие с его глубокой внутренней природой. Плодородие его деятельности – это одновременно критерий его внутренней освобожденности.

Только кто освобождается от арестов Конкретного, узнает дыхание творческого, дыхание звезд. Только тот, кто мужественно исследует пропасть Ничто, поднимет вверх корону, в которую сотканы миры.

Совершенный мужчина, который стоит выше творческого, гениален. Для многих гений это всегда в какой-то мере дегенерированный человек. Кто беспомощно висит в инвалидной коляске как физик Хокинс или выглядит полностью безумным как актер Клаус Кински, того свободно называют «гениальным».

Ницше (который был действительно гениален, однако) получает свое последнее завершение в образе уставившегося из глубоких глазниц паралитика. Однако, гений – это не больной, а как раз человек, который хранит в себе избыток жизни, который несет Вселенную в своей груди. Бах, Гендель и Бетховен были гениями, так как им не приходилось придумывать свою музыку, а они были охвачены ею. Гёте и Достоевский были гениями, потому что их образы со всеми мучениями и падениями жили в них, потому что им было только нужно вытащить их наружу. Гениями были все художники и скульпторы, которые позволяли в немногом, часто только в одной линии, сверкнуть обворожительному вдохновению, предчувствию божественного. И вокруг них неизвестные из всех времен и народов, которые никогда не брались за кисть, никогда не написали ни строки, так как они, возможно, вообще не умели писать, но внутри в великолепной мере хранили безмерное.

Гений это не что-то экстравагантное. Это воплощает скорее идею, к которой приближается один, в то время как другой остается в большей дали. Гениальность – это ничто иное, как поднявшаяся, развившаяся до совершенства, живущая в сознании целостности мужественность. Поэтому гениальность как творчество – это также в полной мере половой феномен. Пол – это не одна сторона в человеке, он охватывает и определяет всего человека. Развитие мужчины к творчески действующему носителю духа означает вовсе не уменьшение, а увеличение его полового качества. Творческое опьянение, творческий восторг, в котором мужчина выходит за свои границы и освобождает то, что находится в нем, наполняет его наивысшим желанием. В наивысшей мыслимой активности он сам станет Богом. Он объединится с его космическим прообразом, Солнцем, которое как круг с точкой в середине

символизирует вечно вибрирующую творческую силу с неизменным духовным сознанием как центром.

Вместе с тем мы несколько коснулись того, что полностью должно причисляться к сущности мужчины, а именно чрезмерный размах присущих ему возможностей. Пол мужчины гораздо более дифференцирован, чем пол женщины. С одной стороны, он выдвигает большие таланты, творческие таланты, гениев чаще, чем женский пол, но также и пустые, бессмысленные формы вплоть до халтурщиков и идиотов. Уже Дарвин заметил, что самка сохраняет скорее посредственный тип вида, тогда как самец склоняется к большей изменчивости. С этим связано, что женщины достигают определенной зрелости скорее, чем мужчины. Однако их развитие завершается раньше. Это «гладкое» развитие, которое защищается и несетя элементом Инь, принципом природы. Он устремляется по всему женственному телу, пронзая насквозь все долины женской души. Женщины, так сказать, «из одной отливки»: это делает их сильными, накладывает, однако, на них ограничения. В то время как они воплощают свою материальную субстанцию как часть космоса, они живут в уже описанной зависимости от того, что снаружи их самих.

Мужчина, напротив, является не только «природой», но и еще «сверх того». Он воплощает не только дополнительный коррелят женского в области мира проявления, он отражает также характер того, что выходит за земной дуализм и окружает его. Тем самым он, чтобы стать зрелым, призван на путь, который часто длится всю жизнь или еще дольше. Так как его путь – это не дорога природно-неизбежного развития. Это путь, который вертикально сверху переходит в горизонталь естественно совершающихся жизненных процессов. Он – вызов, требование, затребованная для него дорога, и поэтому катастрофы, падения, кризисы и заблуждения запрограммированы заранее.

Никогда мужчина не рождается как мужчина, еще он не становится таковым судьбоносно, автоматически, как например, женщина становится женщиной после первых месячных. Это знают даже феминистки, которые утверждают, как известно, что мужчины делаются. Все же, лучше было бы говорить о «самотворении» согласно Майстеру Экхарту. Толчок к самотворению может быть дан снаружи, традиционным ритуалом инициации, также особенными условиями жизни, всегда, однако, превращение в мужчину связано с сознательным, активным развитием глубочайшим образом заложенных способностей. Насмешник Вольтер однажды определил людей как «bipes et implumis», как существо на двух ногах и без крыльев. Это определение побуждает к смеху, чувствуется, что тут чего-то не хватает. Однако, как раз в мужчине чего-то не хватает, если его укорачивают до физических функций и признаков материалистической психологии. Все, что составляет мужчину, лежит на другой стороне, той, которая недостижима для неуклюжего подхода страда-

ющей слепотой науки. При этом не играет вообще никакой роли, что нам в этом «обществе» действительно в 99,9 % встречается явление каплуна с подбитым крылом, биологически поглупевшего самца. Мы видели, с чем это связано. Только мы не говорим, как социологи, ученые, эмансипаты и психологи: «Смотри сюда, вот это мужчина», мы вместо этого говорим: «Это – не он!»

Неуклонно мы придерживаемся того, что быть мужчины – в соответствии с латинским корнем «vir», из которого выводится как слово «мужчина», так и слово «добродетель» – это качественное понятие, которое должно как-то быть связано с целями, видениями, достижениями и, в конечном счете, с новым творением. Быть мужчиной – это не вопрос хромосом или сексуальной потенции, быть мужчиной – это призвание. И это призвание неразделимо связано с путем, который должен пройти мужчина.

Это – отчетливая итоговая черта – и начало – которую мы подводим под его сущностью, сущностью, которая по своей сути состоит в развитии, в борьбе за то, чтобы быть самим собой.

II ГЛАВА. ПУТЬ МУЖЧИНЫ

1. Путь воина

«Есть путь, который никто не знает, если ты не идешь по нему. Дороги возникают тогда, когда мы идем по ним...»

Есть путь, который никто не знает, если ты не идешь по нему. Есть твой путь, путь, который возникает, когда ты идешь по нему».

Вернер Шпренгер

Мужчины принадлежат к той части человеческого вида, у которой есть путь. Их нахождение в дороге начинается уже со стремления мужских сперматозоидов к уютно отдыхающей яйцеклетке, прорастает с побегом маленьких мальчиков из рук матери, позже наступает стремление уйти из родительского дома, стремление вдаль, к неизвестному, которое охватывало героев в сказаниях и сказках, приключения которых приветствовали нас когда-то как большая, неминуемая судьба.

Также образ странника, путешественника странным образом тронул нас и делает это еще сегодня. Естественно, это не образ того воскресного туриста, который клеится в потеющей, шумной группе, также не любителей летать на реактивном лайнере, которые на другом конце света потребляют немецкое пиво или носятся как стадо от одной достопримечательности к другой с дру-

гой стороны. Нет, то, что обращается к нам и будит нашу тоску, как раз представление, что отправляющийся в путь один, один как перст, и что цель его лежит на чужбине, в дальнем чужом краю, в котором все действительно совсем чужое и одновременно чудесное.

Путешественник, странник, авантюрист, также шагающий в пустоту шут на карте Таро – это основные картины мужского жизненного опыта и жизненного развития. Путь, по которому мы должны идти, не заасфальтирован и не имеет дорожных указателей, которые мы могли бы изучить и сообщить другим. Он почти невидим, и его опасности и барьеры неизвестны, не известна ни его длина, а также не всегда его цель. Даже неизвестно, путь ли это или только воображение пути. Путь мужчины – это абсолютный вызов. Это составляет его обаяние.

Каждый должен открывать его себе самому, каждый в одиночку, и может ожидать поддержку только от себя самого. На краю пути лежат скелеты, можно заблудиться в тупиках, переступить ловушки, нужно бороться с разбойниками и драконами. И потом там есть также роскошные, плодотворные равнины, в которых можно позаботиться о своих ранах и отдохнуть. Для некоторых эти перины – это конец дороги, они позволяют себе с приятным вздохом опуститься там, чтобы больше не вставать никогда. Другие поднимаются снова, ведомые ничем иным, кроме тоски по дальним странствиям и боли внутри себя, которая грызет и шепчет, что это еще не конец.

Женщины не знают дороги такого рода. У них нет такой метафизической тоски. Поэтому они и странствуют и путешествуют тоже не так охотно, что является отражением этой тоски. Их прагматичная, ориентированная на мир земной природа предпочитает этапы, которые вполне обозримы и опробованы, которые уже прошло много успешных мужчин. Но также и это, собственно, только, после того как они эмансипировались. По своей сути женщина подвижна, но не обладает никаким направлением. Ее выражение – это сосуд, открытая чаша. Она не хочет стремиться, тем более вовсе не хочет бороться, а хочет принимать. И если она приняла, она чувствует богатство и изобилие и кружится вокруг принятого с никогда не утомляющейся тщательностью и любовью. Это ее дом, это ее дети, это ее муж. Она охотно сидит и внимательно слушает, когда он рассказывает о своих приключениях. Однако у нее нет потребности брать меч в собственную руку. Она принимает участие и этого хватает ей, так как ее жизнь разворачивается как раз в том, что в нее вливается. Если жизненное движение мужчины – это целеустремленное, линейное продвижение, женщина скорее кружится по кругу. Она кружится вокруг центра, который не является ею самой, который нужен ей как опора и сила ее существования. Это движение, которое выражает также оберегающее и окружающее заботой,

соответствует ее включенному бытию в циклические последовательности природы и проявляет себя не в последнюю очередь в ее органическом выражении, которое предпочитает полные формы.

Путь мужчины – это путь воина. Он вступает на него не для того, чтобы гулять, а потому что у него есть его цель, задание, миссия. Поэтому запрограммирован конфликт с тем, что становится на его пути. Есть также мирные виды конфликта, например, дискуссия, но если речь идет о жизни и смерти, он в большинстве случаев становится несколько острее. И речь идет о жизни и смерти.

Мужчина приносит для этого типично мужской мощный потенциал, который может выражаться, с одной стороны, насильственно и разрушительно, но также содержит в себе и мужество, решимость и изобретательность. В большинстве случаев первое осуждают, а второе хвалят, но нужно уяснить себе, что деструктивность и конструктивность это не две различные вещи, а только два аспекта одной и той же энергии. Это основная энергия мужчины, которая проявляет себя во всех признаках жизни. В ней есть что-то настоящее, бурное, мужчина с нею становится борцом и победителем. Как-нибудь он всегда хочет достичь свободы, он хочет проломить принуждения и преграды и достичь свободы, свободы любой ценой.

Этим самым он вызывает войну. Нужно признать, что война – это нормальная ситуация мужчины, в которой он нуждается и которую желает. Вытеснять ее или осуждать, означало бы лишить мужчину его жизненной силы, его настоящей мужественности. Но у войны мужчины есть много лиц. Естественно, это также битва, в которой бьют противника и атакуют вражеские позиции. Много мужчин нашли как раз в этой элементарной, самой жестокой форме то переживание, которое заставляло что-то внутри них зазвучать, изменило их внутренне. Почему во время мировых войн толпилось так много добровольцев на фронт, – неужели только из глупости?

В едва скрытой форме войну продолжают вести дальше на спортивных площадках, во всех командных играх, в которых нужно «задавить» противника, и мяч должен попасть в ворота, вырваться на свободу. Война происходит также на шахматной доске (шахматы – это мужское дело!) в профессиональной борьбе, в борьбе художника за совершенную форму, в мышлении философа. При этом решающая война мужчины происходит при всем том на другом уровне. Это борьба не против внешнего, а против внутреннего врага: преодоление ограничений маленького, скованного страстями и условностями «Я» в пользу более высокого. Это «Я», основной тон которого постоянно сопровождает нас, это хоть и продукт влитого в материю Себя самого, однако, это оглушенное, ставшее нечистым «Я», так как оно смешалось со случайностями потока жизни. Солнце «светит», но она светит только как отражение истинного и вечного Солнца в движущейся воде. Так принцип «Я» – это не

только проснувшись, воодушевленная форма, это одновременно оковы и оболочка, которая более или менее закрывает центр. Растворение этой оболочки, возрождение в более глубоком, охватывающем единстве с тем, что мы такое, часто равняется переживанию смерти. Прежде всего, если оно происходит как подрыв, как внезапное инициатическое открытие. Все же и если оно происходит многие годы или десятилетия, оно диктуется суровым требованием «Умри и стань». Плавление и преобразование привычного «Я» всегда сопровождается страхом за существование, так как тут касаются непосредственного, самого ценного для человека. Особенно мужчина оказывается пораженным в его пра-страхе, так как он, который подчиняется бытию, старается по возможности в целостности спасти свою якобы суверенная личность, через перемену времен. Потеря себя Самого, своего «лица», – это основной страх мужчины. Одновременно как раз там кроется и его самая сильная потребность, так как прорыв собственной маски только предвещает полную свободу и неограниченный суверенитет. Так разнообразные воинственные действия мужчины, которыми он принуждает самого себя к преодолению своих страхов, заставляет себя дойти до своих границ и преступить их, в буквальном или символическом смысле взглянуть смерти в лицо, можно понимать как бессознательное сближение со своим духовным призывом, который находит свое законченное решение в сознательной трансформации «Я» в изобилие самого Себя.

Не случайно, что во многих духовных системах «Воин» образует ведущую фигуру. Герой индийской «Бхагавадгиты» – это воин, учение дзен-буддизма тесно связано с Бусидо, путем воина, так же, как дзен испытал на себе влияние японского искусства меча (кендо). Также на европейское рыцарство повлияли ордена, которые основывались на праидеале «солнечной духовности». Действия и бои рыцарей Грааля, которые отправляются в путь для того, чтобы найти ценную вещь – (невидимый) камень или чашу, могут пониматься просто как приключения, но так же могут толковаться как последовательность трансцендентного превращения до королевского завершения.

Особенно отчетливо это соответствие выражается в исламском понимании «малой» и «большой» Священных войн (джихада). Малый джихад – материальная война, которую ведут наружу против враждебного народа, другой же джихад внутренний и духовен. Оба могут становиться единым, а именно тогда, когда внешние обстоятельства военных действий провоцируют внутреннего «врага», который становится заметным как страх, бездеятельность, страсть, самоупоение и т.д., и которого воин должен победить в тот же момент, когда он отправляется на поле сражения, чтобы преодолеть и победить внешнего врага. Наполненный осознанием правоты Малый джихад становится как бы ритуальным действием, которое выражает и подтверждает правду «Большой Священной войны».

Если мы теперь обратимся к пути мужчины в деталях, то показанное сплетение воинственных действий и духовного развития образует по нашему мнению подходящую путеводную нить, по которой мы и хотим ориентироваться.

Некоторые психологические процессы как раз непревзойденно представлены боевым оружием – особенно мечом, в которых они символически уплотняются.

Nota bene: путеводная нить – это не рецепт. Было бы совершенно неверно предлагать здесь технику для обучения «более высокой мужественности». Каждый должен лично находить свой путь. Мы указываем лишь на определенные принципы и элементы структуры, которые обладают, однако, обязательной силой действия. Как и в какой мере они осуществляются, зависит от личных обстоятельств. Кроме того: мы тут имеем дело с процессами, которые считаются инициатическими. «Initiare» означает посвящать», «открыть ворота к тайному». Но тайного нет в распоряжении.

Следующий ниже обзор разделен на самые важные психические способности, которые мужчина должен брать с собой или приобретать на своем пути. Они подчинены четырехкратной заповеди древней, воинственно инициатической традиции: знание – дерзновение – желание – молчание.

2. Знание

«Факты – это враги правды»

Сервантес

2.1. Знание как «иметь» и «быть»

Знание – это начало и конец пути. Знаем ли мы, однако, что значит знание? Знание бывает такое и другое, и одно мало связано с другим.

Под знанием мы сегодня большей частью понимаем знание «о» кое-чем, собрание данных и фактов, которые обязаны собой объективному познанию противостоящего «Я» объекта.

Расщепление связки субъект-объект как предпосылка для приобретения знания, ясное отделение наблюдателя от объекта наблюдения с античных времен сформировало западноевропейское мышление и, наконец, вызвало естествознание и технику, при которых объективное сознание играет, как известно, самую важную роль. Возникло понятие знания, в котором значение имеет только познание, которое независимо от личности отдельного человека принципиально доступно всем: либо через научный эксперимент, либо

через признанные засвидетельствованные, логично-формальные шаги познания.

Демократический принцип действует не только для естественных наук, он простирается на все современное образование. Правда только тогда является правдой, если ее могут узнать все, у кого есть определенный уровень образования. Но также и оно открыто школами и учебными программами для всех, даже навязывается. Уже Хеббель насмехался, что сегодня (тогда, в 1850 году) больше нет ни одного дурака, который не выучился бы чему-нибудь.

Этим знание становится товаром, который предлагается повсюду и сравнительно легко может приобретаться. Можно засунуть их в свою голову как какой-то предмет в мешок и засчитать как «объективное» имущество.

«Знание – сила», говорят также, и еще: «То, чем обладают черным по белому, можно уверенно нести домой». Если кому присвоение знаний удавалось только с трудом, то ему помогало примирительное изречение: «Мы учимся не для школы, а для жизни». Все же, это изречения вчерашнего дня.

В конечной фазе либерализма «товар»- знание не только эндемически опухло и стало невыносимым даже для узколобых специалистов в самом маленьком поле деятельности, оно также подлежит быстрой девальвации. Один из наших депутатов недавно заявил, что знания устаревают каждые пять лет, потому нужно привыкать к учению на протяжении всей жизни. Он умолчал, что через пять лет знания будут устаревать уже за один год, и гражданам придется учиться еще и ночью. Шутки в сторону, но уже сегодня происходит так, что специализированные книги, печатная краска в которых еще не высохла, уже снова должны отправиться в макулатуру и под пресс для переработки.

Тут нельзя избежать вопроса, может ли этот вид знания вообще еще считаться знанием. Этот вопрос должен был бы напрашиваться, хотя он, вероятно, скорее вытесняется, так как инфляционное распыление знаний является только обязательным следствием идейного направления, которое приписывает право абсолютности «объективным» правдам. Все западноевропейское духовное состояние, следовательно, было бы поставлено под сомнение.

Существуют культуры, например, восточные, которые признают объективное познание, но уделяют ему гораздо меньшее значение. По их пониманию, такое познание исследует только поверхность вещей, не продвигаясь к их сути. Это помогает только светской ориентации, однако, не ведет к истинному познанию. Настоящее знание неотъемлемо связано с опытом. «Я» должно быть готово преодолеть барьер между объектом и субъектом, принять уча-

стие в объекте, объехать его, узнать его на опыте, не изменяя его заранее своим разумом.

Однако это значит, что предмет исчезает как таковой. Действительно его нельзя узнать, до тех пор, пока воспринимают его как «другое», отличающееся от себя. Только в «нахождении Внутри» сверкает познание, только тогда, когда о вещи больше не думают, а когда являются ею.

Это состояние «активной идентификации» может появиться внезапно, неожиданно, но может также и реализоваться в постепенном сближении. Это состояние, в котором человек полностью совпадает с действительностью, которую он воспринимает, в котором он полностью сознает ее и полностью охватывает их. Он сознает ее – это значит не мозг, который определяет цвет, собаку, человека своей функцией разума, но он, весь человек, осознает это, его «Я» вплетено в объекте, сплавлено с ним, и объект, который больше не является таковым, открывается во всей его «надпредметной» полноте.

Это непосредственное зрение или знание называется на востоке «Satori» или «большой опыт». Однако, это не специфически восточное достижение, также на западе существовала соответствующая духовная позиция, однако, из-за господства материализма она здесь всегда подавлялась и изгонялась. Ряд тех, которые ставили под сомнение реальное сознание, охватывает такие имена как Гераклит, Платон, Данте, Леонардо да Винчи, Майстер Экхарт, Гёте, Новалис. Гёте обозначал отделение субъекта и объекта как дезориентирующее и из своего общего обзора разработал естествознание, которое он неуклонно защищал против продолжающего традиции Ньютона естествознания того времени, предписывающего только измерения и взвешивания. За прошедшее время ему это простили как причуду поэта. В одном девизе он писал одновременно метко и скрытно:

*«Вы должны, рассматривая природу,
Всегда уделять Одному то же внимание, как и Всему:
Нет ничего внутри, нет ничего снаружи;
Ибо то, что внутри, то и снаружи.
Так вы без упущения охватите
Священную открытую тайну».*

Итак, нельзя привязать описанный духовный вид к определенным культурам или эпохам, но его можно и нужно рассматривать, тем не менее, как наследие сильно разветвленного духовного патриархата. Мы говорили сначала о том, что к сущности патриархата относится направлять сознание «наверх» и включать людей в учреждения, в которые вышестоящие способы бытия становятся прозрачными и «сопричастными». Также целостное познание можно также понимать как возвышение через поверхностную реальность материального и случайного: связь проходит не горизонтально, от одной вещи к

другой и таким образом внутри мира вещей, а вертикально: через каждую отдельную вещь насквозь вплоть до последних глубин и высот, на которых видится и понимается ее происхождение и сущность. При этом речь не идет – чтобы разъяснить важное различие – о пассивной потере себя или о погружении внутрь, т.е. о доинтеллектуальном, нагруженном чувствами состоянии, которое сегодня обычно продается как «эзотерика», а об «активной» идентификации, состоянии сверхрациональной, сфокусированной на сущности ясности. Это весьма решающее различие, даже если оно не обнаруживается непосредственно для тех, которые там, где речь не идет ни о вещах, ни об абстрактных понятиях, видят только долгую, черную ночь, в которой как раз все кошки серы.

Но различие, которое преимущественно занимает нас здесь, это различие от нормального, реального (материального) сознания и знания. Инициатическое знание – это всегда знание опыта. Это означает, с одной стороны: оно элитарно, его нельзя передать, оно должно быть воплощено. Поэтому к античным мастерам шли не для того, чтобы «учиться», а чтобы «достигать». И именно вследствие глубокого впечатления, священного опыта. Этот опыт вызывал сущностное преобразование сознания, что, в свою очередь, давало основу для новых, идущих дальше опытов. С другой стороны: инициатическое знание наступает непосредственно. Это не знание, а уверенность. Вещь, в то же самое время является познанием вещи, что делает всякое абстрактное размышление и обсуждение излишним и бессмысленным. «Просто это так и есть».

Абсолютная надежность и присутствие прожитого знания заставляет обычное знание улицы, которое каждый может подхватить и изменить, проявиться как незнание. Это система понятий, связей и гипотез, которая обнаруживает не характер познания, а абстрактный характер. В большинстве случаев это даже не она, а пустые слухи, который отдельный человек вовсе не может проверить. Большое количество информации, которое выливается на него, он должен просто проглотить с большей или меньшей степенью веры.

Так, хотя человек и «имеет» знание, но он не «является» им. Можно набить им свой мозг, но при этом остаться пустым. Сколько бы человек не проглотил знаний, знания не превращают, не «возвышают», человек всегда остается тем же. Это цена демократии знания. Знание, которое претендует на то, чтобы быть для всех, в конечном счете, не существует ни для кого. Оно становится плоским, поверхностным, выхолощенным, превращается в «оболочку знания», ему не хватает силы личностного проникновения. Тем самым у него отсутствует также власть над тем, на чем оно основывается.

Западное человечество все еще полагает, что его знание обладало властью, особенно техническое знание, которое вызвало известные материальные достижения. Но оно жестоко ошибается. Настоящая власть непереносима, она

личностна, духовна. Она обязана собой активной идентификации, обозрению сущности, что ведет к абсолютной причине явления, так что на нее можно воздействовать на тонком уровне. В сравнении с этим научно-технический подход подобен оглушающему удару по голове. Ограниченный поверхностно материальным аспектом вещи он является механическим и неорганическим, из-за чего современный человек гораздо больше подчинен обстоятельствам, чем он сам подчиняет эти обстоятельства себе. Он играет роль ученика чародея в освобожденном за прошедшее время хаосе нерациональных сил, который заставляет фата-моргану его исключительно материальной власти выглядеть уж слишком преходящей.

2.2. Самонахождение

Давайте соотнесем теперь инициатическое знание с индивидуальным развитием. Здесь должно начинаться «искусство» или «великое произведение», так как именно сегодняшний человек разделен не только с вещами мира, а, прежде всего, также с самим собой.

Не принесет много пользы, если вы хотите прогрессировать во внешнем мире, создавать в нем или изменять его, если внутренний мир темен. Вы подобны слепому, который упадет в ближайшую яму. По мере того как мужчина достигает, однако, контакта со своей собственной сущностью, сущность сияет также из «предметов». Он становится способным правильным образом положиться на свой жизненный мир, действовать стихийно и уверенно, и через лучи его появление, в котором бытие является прозрачным, придавать таинственный импульс для порядка и формы.

Но что должен сделать мужчина, чтобы узнать свое собственное, самое внутреннее бытие? Средство неожиданно простое, но также и сложное: он должен раскрыться ему. Открытость – это состояние, которое сегодня обладает выдающимся качеством. Точно так же как наш ландшафт забаррикадирован и забетонирован позитивизмами «объективного» познания, так и человеческий дух душиется слизью этих выделений никогда прежде не существовавшим образом. Лавина манипулируемых мыслей, чувств, мнений, желаний, понятий ежедневно накатывается на наши умы бушующим потоком картинок и шумов. Чтобы вообще выдержать это гротескное требование, многие люди еще дополнительно одурманивают себя: наркотиками, кабельной путаницей или кажущимися мирами их компьютеров.

В такой ситуации открытость также может быть опасна. Тот, кто хочет быть открыт сегодня, должен убедиться на парадоксальном опыте, что ему следует тщательно запереться. Он должен создать свободное пространство, куда ничто не проползет. Дорога к полноте сначала ведет в пустоту. Мужчина, который отправляется в путь, должен постараться, чтобы как минимум 20-30 минут в день проводить с самим собой.

Он должен создать себе защищенное помещение, в который ему никто не сможет помешать, как только возможно: огражденное от шумов окружающего мира, от телефонных разговоров и требований женщины и детей. Исходя из опыта, для этого лучше всего подходят ранние утренние часы и вечерние часы.

При медитации он должен не ложиться, а сидеть прямо. Это предотвращает, с одной стороны, дремоту и служит также циркуляции тонких материй в позвоночнике, который особенно важен для работы. Если возможно, он должен принять на подушке для сидения, по меньшей мере, наполовину позу лотоса, т.е. достать правой стопой левого бедра или наоборот. Эта поза, даже если она причиняет вначале боль, оправдывается в любом случае, так как она придает особенную стабильность и тело не так легко оседает в себе, как случается на маленькой скамье или на стуле. Цель в том, чтобы достичь длительной и абсолютной неподвижности, при которой, наконец, человек забывают свое тело.

Если вы создали так внешние связи для углубления, следует внутреннее углубление, полное отделение от всего, что держит под арестом наше битком набитое картинками, понятиями и эмоциями сознание и препятствует доступу к причине сущности. При этом целью ни в коем случае не является создать «бессознательное состояние», речь идет скорее о бодрствующем присутствии в другом, ориентированном больше не на материальное, а на «сознание в себе», отрешенное от мира.

Упражняющийся знает, что очистка и опустошение нашего спутанного сознания составляет самую трудную часть работы. Обычно проходит немного времени, пока при сидении появятся всякие мешающие мысли. Часто они нападают на неопытного человека как рой ос, который из-за напряженного изгнания становится поистине мятежным. Можно говорить здесь о динамике сознательного или полубессознательного содержаний, которые не хотят переносить непривычную дисциплину и предпочитают продолжать свою неотчетливо-запутанную игру. Но настоящая причина помрачения сознания состоит в том, что упражняющийся человек не принимает свою работу всерьез. Бодрствующее бытие кажется ему слишком утомительным, ему хотелось бы расслабиться и бесконтрольно влачить жалкое существование. Против этого есть хорошее средство.

Представьте себе, что за вами стоит кто-то с обнаженным мечом. Он бдительно наблюдает за вами. В самый маленький момент рассеянности он неизбежно срубит вам голову. В этой ситуации у вас не появятся никакие мешающие мысли, даже если вы не никогда еще не медитировали. Каждый умеет это, если для него действительно серьезно достичь того состояния сознания, от которого здесь это зависит.

Медитация это никогда не самоцель или «отдых», она имеет скорее практический, оперативный характер. Это основное упражнение, которое сопровождает мужчину сквозь все его развитие. Как таковая она преследует различные частичные цели, стоит, однако, всегда на службе чувства самого себя.

Сначала важно, что мужчина узнает вообще, что он там. В общем, он очень хорошо знает, что он живет, что он существует, однако, он не знает, что он действительно там. Он может утверждать это только тогда, когда он произвел связи со своим бытием, своей правдой, которая как истинная вечная правда воодушевляет космос.

В звездных часах он иногда догадывается, что в нем есть что-то, что великолепным образом сопротивляется внешнему миру, что не устает и не заболевает, а также не может умереть. Все же, это в большинстве случаев коротко высвечивающиеся знаки, которые снова исчезают, подобно снам. Дело в том, чтобы он действительно почувствовал пламя Святого огня, узнал себя как светящуюся непобедимую точку в космосе. Только тогда он сможет практически гарантированно преодолеть духовные кризисы и проверки, которые неизбежно появятся на его пути.

В той же мере, в какой мужчина привязывает себя к своей правде, полагается на нее и все глубже чувствует ее внутри, изменяется и его отношение к окружающему миру. Ситуации и задания оцениваются по-новому. Это может начаться с того, что он забывает утром читать газету, не чувствуя себя при этом менее ценным человеком. Или он больше не глотает все, что выливается на него из телевизора, а смотрит то, что он действительно хочет смотреть. Наконец, он вовсе откажется от газет и телевидения, потому что ему больше чем хватит того, что он увидит на крупных заголовках газет в киоске, мимо которого он обычно проходит по утрам. Так это и продолжается. Задания и обязательства, которые он раньше принимал очень всерьез, так как они давали ему самоутверждение, теряют свое значение. Он видит насквозь условности и понимает, что они полная чепуха. Мужчина начинает размышлять над жизнью. Жил ли он действительно десятки тысяч дней и больше или только из этих десятков тысяч (и больше) дней однажды лишь один единственный день? Почему он так много лет занимался бесконечными, маленькими делами? Почему он вкалывал как сумасшедший и унизил себя до машины для пустяков?

Внезапно это пропадает как привидение, он глубоко дышит и поднимает свои глаза к горизонту. Может быть, что его теперь окружает глубокая, пугающая тишина. Шумы его деловитости, его постоянного бегства от самого себя замолкают, и ощупывающий впереди взгляд проваливается в белое Ничто. Он растерян, жизнь кажется ему теперь бессмысленной.

Время перелома, в эзотерической психологии также называемого «devastatio», «опустошения», может продолжаться дни, недели и месяцы. Оно – время смерти. Что-то должно умереть в человеке, чтобы новое смогло вырваться. Этот процесс болезненный, но еще более неприятно оставаться заключенным в старом закостеневшем корпусе своего «Я».

«Потому что пока у тебя нет
этого Умирания и Становления,
Ты только мрачный гость
На темной земле»

... сказано у Гёте. «Опустошение» – это время проверки. Мужчина, который привык действовать, быть «активным», будь то даже его охота за тенями, впервые совсем ничего не может делать. Стены старого мира рухнули, новый мир еще закутан в туман. Он не может ускорить процесс его превращения в видимое, он может только ждать, терпеливо ждать. В это время неуверенности, ожидания и сомнения важно, что он остается на курсе. Он не может сбежать назад в старые, узнанные им как бессмысленные образы жизни. Он не может заглушить свою боль. Он должен приготовиться к Ничто, к пустоте, он должна впустить ее и широко раскрыть для нее сердце.

Это не значит, что он всегда должен только медитировать. Он должен и обязан дальше заниматься своей профессией, выполнять свои задания, свои обязанности. Однако он должен делать это так, как будто он подметает свой дом в солнечный день, отстраненно, безучастно. Он принимает эти вещи не слишком всерьез, он не позволяет себя одолеть. Так он держит себя открытым для того, что хочет сообщить ему его собственное «Я».

Индейцы, когда они становились взрослыми, отправлялись на «поиск видений». Они поодиночке удалялись в дикую глушь, чтобы освободить свой дух и приготовить себе для вдохновения их жизни. Мужчина, который хочет найти самого себя и цель жизни, всегда должен идти по пути, ведущему в «дикую глушь». Пусть он даже ведет только к духовно-психическому полю под паром. Если он стойко и спокойно выжидает там, он заметит, что эта внешне столь пустынная область таит в себе неожиданности. Всюду светятся огни: очищенный, ставший спокойным дух будет восприимчивым ко всяческому толчкам, впечатлениям, видениям, частично из внутренней части, частично из внешнего окружения. Да, теперь также внешний мир, который прежде казался незначительным, становится прозрачным для бытия и, кажется, хочет деятельно и энергично с помощью соединений, указаний и встреч помочь направить проснувшегося к существованию в определенном направлении. Под полями застывших структур сознания это начинает произрастать. Поэтому «опустошение» это не только беда и смерть, но одновременно и очень плодотворное время; оно – прибытие, по христианскому выражению: время адвента. Сначала послания, которые приносят события, ве-

роятно, скорее окутаны. Почувствуйте себя в них. Попробуйте проникнуть сквозь стерильную поверхность будней во все новом соприкосновении с их глубинной структурой. Звук бытия вибрирует всюду, в нас и вне нас, и если мы внимательно прислушаемся к нему, он станет основным аккордом всего существующего. Если мы все яснее и все более отчетливо воспринимаем знаки и подписи, в которых жизнь отображает свою законность, свой порядок, то также «закон, по которому мы приступаем», «идея», жизненная формула нашего существа придет в наше сознание, и представится нам как дорога, по которой мы должны идти ступень за ступенью. Да, ступень за ступенью. Ведь только в самых редких случаях наша цель жизни обнаруживается нам внешне и в определенной окончательности. Жизнь совершается обычно в кругах смысла, плотно замыкающихся друг вокруг друга как чешуя в луковице. Наше задание и смысл нашей жизни осознанно проникнуть через эти круги в направлении центра. При этом в равной степени вредны как поспешность, так и нерешительность. Каждый круг, как бы далеко он не простирался «наружу», обладает своим оправданием и необходимостью. Только если он полностью пережит, он может быть «снят» и сделает нас готовым к следующему слою смысла, с исполнением которого мы снова подходим ближе к ядру нашего бытия. Так, наверное, кто-то должен годами мчаться по трассам, чтобы получить переживание в опьянении скоростью, проломать свои ограничения. До тех пор пока он не обнаружит однажды, что его независимость, как бы быстро он ни ехал, стоит уже у цели и ждет его как в сказке о зайце и еже. Тогда он, вероятно, станет летчиком реактивного самолета или даже залезет в космическую ракету – чтобы, наконец, приземлиться как монах в буддийском монастыре. Путей много. Если мы проникли через все слои и живем только лишь из нашей самой глубокой правды, то мы достигли цели нашего земного существования.

До тех пор наша жизнь – это бытие в пути, постоянное «Умри и стань». Передышки не существует.

В отличие от обычного человека, знающий или просыпающийся никогда не останавливается. Он не цепляется за обманчивую надежность полюбивших привычек. Это не значит, что ему все безразлично, наоборот. Абсолютно точно он знает, какая деятельность и какие задания поддерживают его, и помогают достичь соответствующей цели, и какие не делают этого. Он должен освободить способность и сконцентрироваться на важном. Он делает это важно стопроцентно и удерживает его обеими руками. Он очень интенсивно переживает его круг смысла. До момента, когда более высокое «Я» говорит ему: «Откажись от этого и следуй за мной». И он знает, что должен повиноваться этому голосу, потому что в противном случае он истратит свою жизнь зря. Может быть, что у него самого нет ни малейшей догадки, с чего ему придется начать в ближайшее время. Вероятно, он бросил свою работу, и денег хватит лишь на несколько недель. Такие перспективы не пугают его. С уверенностью и доверием вступает он в эту новую фазу незнания и ждет ви-

дения, которое снова откроет ему его смысл жизни. Циклы жажды деятельности, за которыми следуют фазы погружения в себя, прислушивания к бесконечности, очень естественны для мужчины, который воплощается в своей правде.

Чем более часто он переживает их, тем более сильное доверие испытает он к своему внутреннему руководству, и даже сомнительным ситуациям он воспротивится в сознании того, что он никогда не должен делать ничего другого, кроме как следовать своим собственным путем.

2.3. Стрела

Если мы в заключение свяжем усилия ради истинного знания с боевым оружием, которое символизирует части инициатического пути, то нужно подумать о стреле. Узкий, оперенный стержень, который пронзает воздух и внезапно попадает в цель, подобен духовному познанию, которое сверкает беззвучно и во внезапной решительности.

Мифологическим лучником в чистом виде был принятый греками и поднятый на вершину Олимпа Бог Аполлон. От него, «попадающего в далекую цель», исходит, однако, не только меткая стрела, но и «меткая» песня. Приписываемые ему как атрибуты стрела и лук и соответственно лира и лавры раскрывают общие духовные ситуации: Разобщение «непосредственного», тяжелого как земля, связь с идеями порядка и закона, наконец, спокойствие и веселье, которое подразумевает все усилия ради духовной концентрации. Аполлон воплощал прообраз возвышенной мужественности для греков и потому неудивительно, что с шестого века до н.э. его почитали как «Гелиоса» (Солнце), как Бога Света.

Всюду в стране ему строили места оракула, причем он вошел в определенное соперничество с Дионисом.

Именно Аполлон и Дионис были единственными греческими богами, культы которых содержали инициацию и «экстаз». Но если экстаз Бога виноделия – по меньшей мере, в его низкосортных формах – был обусловлен бьющим ключом витализмом, открытием для мира элементарных инстинктов, то дар его «конкурента» отличался особенно светлым, так сказать, одухотворенным видом опьянения. Он пробуждал во вдохновленном Богом провидческие и магические силы, занятие которыми вело, в конце концов, к «мудрости», позиции веселого, радостного спокойствия, постоянства и непоколебимости в движениях пульсирующей жизни.

Учение Аполлона обучение было просто выдолблено в храме в Дельфах и ведет к резюме этой главы: «Познай самого себя».

2.4. Медитация

Сядьте в тихом, несколько затемненном помещении на стабильное основание (стул, подушка для сидения или маленькая скамья). Обратите внимание на то, что вы во время упражнения должны держать верхнюю часть туловища прямо: ухо, плечо и пуп стоят вертикально друг над другом. Покрутитесь немного в разные стороны, но с все меньшим размахом колебаний, так что ваше тело, в конце концов, самостоятельно будет спокойно стоять в центре. Тогда вы твердо укоренялись в центре вашего тела, и дух может концентрироваться.

Положите ваши руки на таз, при этом всуньте внешние ребра ладони в паховую область. Обратная сторона левой ладони покоится на правой ладони, большие пальцы выпрямлены и соприкасаются кончиками. Рот закрыт, язык лежит на небе. Глаза немного открыты, но опущены, так что ваш взгляд падает в точку, лежащую примерно в метре от вас (эту точку можно отметить, например, кнопкой). Решающее значение теперь у правильного дыхания. Речь идет не о художественном дыхании, как при йоге, а о естественном дыхании, как оно приходит и уходит. У естественно протекающего дыхания есть смысл движения превращения. Поднять его в сознание способствует постепенному уменьшению преобладания фиксирующих на предметах «маленьких» «Я», которое в большинстве случаев идет вместе с переносом правого центра тяжести «наверх». Если вы сопровождаете дыхательный ритм в полной концентрации, кроме того, у вас есть предмет, к которому привязывается беспокойное и изменчивое сознание.

Выдох должен ощущаться как «освобождение», как освобождение от всего прошлого и загрубевшего. Он стихает с «опущением» на дно таза, после чего следует «единение» с абсолютным, момент, который сопровождается короткой, возможно, с помощью брюшной мускулатуры поддержанной паузы. Тогда дыхание внезапно само возникает снова (оно не поднимается!), что воспринимается как освежающее обновление общего самочувствия. Если дыхание течет в своем естественном, здоровом ритме, вдох использует примерно одну четверть времени всего дыхания. Вы испытаете, что концентрация постепенно переходит в состояние, из которого исчезает напряженность на одно содержание и наступает «настроенность», в которой дыхание самостоятельно заполняет все сознание. Это зависит от этой настроенности. Звук бытия раздастся немедленно. Дело в том, что мы как инструменты настроены таким способом, что он отражается в нас. Только тогда мы – также «лицо» в собственном смысле слова: «persona» от глагола «personare» = звучать насквозь.

Что может принести медитация тому, кто ею занимается, может узнать только тот, кто с самой большой регулярностью упражнялся минимум 6-8 недель.

Рекомендованный срок упражнения составляет примерно 30 минут, по меньшей мере, один раз в день.

3. Дерзновение

«Небо никогда не помогает тем, кто не хочет действовать».

Софокл

3.1. Освобождение и нападение

Если в главе «Знание» говорилось об опыте своего «Я» как непосредственной уверенности, то тема «Дерзновение» касается его испытания согласно «проверке себя на деле» и «опыту проверки себя в деле».

Градация понятна: только если знаешь, что ты на самом деле «есть» и развил таким образом трансцендентное доверие, можно рискнуть спуститься в бури мира, заметьте, не решиться на «что-то», так как речь всегда идет о дерзновении с риском для собственного существования. Кто не знает, кто он есть, и чего он, собственно, хочет, так как «различные души живут в его груди», может при этом оказаться листком, который сметет ветер. С другой стороны – также здесь можно поменять местами «рискнуть и знать», потому что есть и люди, которые «становятся умными благодаря опыту». Они нуждаются, возможно, в травматическом столкновении с реальностью, не для того, чтобы укрепить и увеличить уже имеющуюся у них силу, а чтобы пробудить такую силу. Но это, однако, такие случаи, где только тонкая мембрана в человеке разделяет принцип бытия от простой человеческой индивидуальности.

С другой точкой зрения можно заметить, конечно, что «знание» и «дерзновение» вообще нельзя точно разделить друг с другом. Наконец, «приключение духа», готовность взглянуть в свою собственную пропасть, – это самое большое рискованное предприятие, и мы видели, что при этом автоматически изменяется отношение к внешнему миру. Об этом мы поговорим ниже.

Мы хотим интерпретировать дерзновение сначала в движении освобождения. То, что значит «освобождение» в медитации, уже говорилось: высвобождение от всякого рода мыслительного блокирующего мусора, от образов, страхов, мыслей и эмоций. Но медитация, чем более часто ею занимаются, вырывается из тихой маленькой комнатки в ежедневную жизнь со всеми ее водворотами. И это ее смысл и цель: не оставаться запертой в искусственно созданном гетто, а как приобретенная здесь основная позиция приносить плоды во всех областях существования. Мужчина, который на длительный срок

хочет жить из своего самого глубокого бытия, должен заниматься своим освобождением радикально, не только как духовным строительством в замкнутой рамке, а в пропасти мира, среди крови и слез, и со всеми жилками жизни.

Уже неоднократно было сказано и за прошедшее время превратилось в банальность нашей эпохи, что западный мир и принадлежит между тем к банальностям нашего времени, что западный мир вместо «быть» предпочитает «иметь». Это понятие «иметь» соответствует понятию «прилипнуть», фиксации на вещи, которые во всех религиях понимались как исконные грехи человека. При этом речь идет не только о материальных вещах, а обо всем обнаруживаемом и доказуемом, о понятом и изученном, о страстях, манерах поведения, ценностях и логических моделях, обо всем, что подпирает нас изнутри и снаружи, и придает уверенность. Люди, которые женаты на своем автомобиле и находят свой личный блеск подтвержденным в отражениях света на краске на металле, – здесь это только верхушки айсберга и не должны занимать нас, так как к ним, пожалуй, любая помощь уже опоздает. Все же, у каждого из нас есть «машина», на которой отражается эго, каким бы невзыскательным оно ни было. Тромб «Иметь», который закупоривает духовно-психические кровеносные сосуды, часто можно найти только в радикальном задавании вопросов самому себе; он – знаменитое «бревно в собственном глазу». Чтобы сразу разобраться с возможным недоразумением: желаемое здесь отделение не должно иметь ничего общего с удалением от мирской суеты или аскетизмом. Аскетическая жизнь – это крайняя форма, которая подходит только немногим людям и часто выбирается по ошибочной мотивации, вследствие чего она приносит больше вреда, чем пользы. Отделение никак не связано также и с отречением или нуждой. Мы не освободимся от вещей, если просто отвернемся от них и далее подспудно будем их желать. Мы действительно свободны тогда, когда мы изменяем нашу позицию по отношению к вещам. Из этого получается измененная точка зрения, которая гарантирует свободу в смысле внутреннего отделения. Только через независимость мы избавляемся от нашего прилипания, даже если владеем при этом многими вещами. Мы можем обладать так многими вещами, как мы хотим

- но при условии, что мы с легким сердцем можем от них отказаться. В этом смысле пишет Майстер Экхарт: «Мы должны иметь, как если бы мы не имели, и, все же, владеть всеми вещами. Нет собственности у того, кто не жаждет иметь еще ничего, ни в себе самом, ни во всем том, что лежит вне его».

Почему это отделение имеет такое решающее значение? Потому что прилипчивость к вещам преграждает нам дорогу к собственному «Я». Мы, как известно, прилипаем потому, что связь, идентификация с тем, что у нас есть, что мы можем и знаем, дает нам чувство надежности существования. Однако,

эта надежность только мнимая, потому что, за что мы, в конечном счете, можем держаться?

Все материальное распадается, так же и наше здоровье, наша память, и уже завтра все может быть совсем иначе, чем сегодня. Все, за что мы держимся, лишает нас жизненной силы. Не только потому, что позволяет поглотить нас миру мнимой необходимости и ответственности, но и потому, что наши фиксациии, которые образуют неразрушимый сплав с миражами и проекциями маленького «Я», душат живое ядро как почти непроницаемая оболочка, и отрезают нас от живого потока силы и действительности.

Поэтому выдрессированный до потребительского идиота современник – самое слабое и самое жалкое из всех существ. Его призрачное существование опирается на бесчисленные протезы, и даже самое слабое дуновение нужды уже заставляет его вздрагивать от страха. Потому мужчина, в котором жива еще искра своего «Я», всегда презирал сытое удовлетворение, связь с безопасностью и комфортом. Стремление мужчины к свободе – это ничто иное, как безошибочный инстинкт проломать шлаки всей той чепухи, которая унижает и кастрирует его, в борьбе за свое подлинное «Я». Чем больше он освобождает себя, добровольно или под ударами судьбы, тем больше он получает обратно отнятую у него энергию, в то время как другие, слишком ослабленные, вероятно, гибнут уже окончательно.

Как бы жестко это не звучало: мы можем только тогда узнать наше настоящее «Я», если мы готовы отдать все свое, включая свою жизнь. Кто отдает все, тому все возвращается как божественная действительность, которая всегда была скрыта как вечное «Я есть» за явлениями, за которыми гонится человек.

Теперь понятно, что «освобождение» не имеет ничего общего с бессильным соскальзыванием вниз или с «плаванием по течению», а связано с активной волей, которая полностью стоит под знаком дерзновения. Уметь освободиться – это также предпосылка для каждого вида экстравертного риска, для того, что обычно прославляют как «мужественный поступок». Но прежде чем мы займемся этим, нам нужно вкратце исследовать особенную тему прилипания, а именно подчинение коллективной морали и нормам. Этот вид прилипания особенно презренный, так как он исходит равным образом от страха и от глупости и достигает каждого уровня рабской зависимости, хотя у него никогда и нет конкретного объекта, а только абстрактный, до смешного туманный образ, а именно бледное привидение духа времени.

Подчинение анонимной тирании – «говорят», «имеют», «делают» – кажется, все больше продвигается вперед. Легко увидеть связь с присвоением, засасыванием индивидуума с помощью настроенного на тотальное удовлетворение потребностей общества потребителей. Самоотречение и «вознагражде-

ние» с благословением потребительского мира постоянно увеличиваются в коварной циркуляции. В такой атмосфере каждое отклонение будет вызовом безликому демоническому коллективу.

Насколько принуждение к равенству обострилось только за последние годы, особенно резко видно в «молодежной культуре». Быть «в моде» или «выйти из моды» стало тут божественным приговором, который как палец римского цезаря решает помиловать или проклясть. Все больше денег и усилий используют люди, чтобы «продержаться», не отставать. Горе тому, кто уже в возрасте ученика начальных классов не носит правильные дорогие шмотки. К этому добавляется правильная музыка, правильный язык, правильная клика, чтобы быть «окей» и иметь право быть причисленным к желаемой общности из «Никого». Индоктринация, в самом плохом виде также и идеологическая, начинается уже в детском саду.

Так как мы предполагаем, что наши читатели выросли как из детского сада, так и из «сцены», а также проявляют определенную дистанцию к более поздним чуждым определениям, включая «политкорректность», нам не нужно дальше расписывать это убожество.

Но важен вопрос, как отдельный человек, «освобожденный», должен вести себя по отношению к коллективу. Проблема эта была известна уже античности, и Сенека давал совет: «Во всем, что мы думаем, мы отличаемся от пошлой толпы. Будем похожи на них только внешне!» Не нужно выставлять напоказ свое инобытие. Склонность к оригинальности показывает лишь незрелость и выдает поврежденное самоуважение. Люди, которые действительно оригинальны, по возможности скрывают это. С другой стороны, становится все труднее считаться «нормальным» и не выдавать себя самого. Для этого уже недостаточно держаться особняком, сегодня нужно принимать активное участие в общем деле, чтобы не бросаться в глаза. Уже несколько лет суп «открытости» переливается через социальную жизнь, сильно приправленный вынюхиванием интимных подробностей, неуклюжей назойливостью или простой наглостью. Уже больше недостаточно делать свою работу, а потом возвращаться в частную жизнь, от человека требуют как во время работы, так и вне ее постоянной вульгарной готовности к контактам (не подлинно связывающей дружбы – заметьте!), которая при приеме на работу уже играет более важную роль, чем даже усердность и компетентность. Французский романист и тореро Монтерлан оценил это так: «Частью наших «Я» мы должны платить дань обществу, но лучшей частью только нам самим». Каждый благоразумный человек, пожалуй, согласится с ним.

«Давайте кесарю кесарево», говорится уже в Библии. Там, где император требует слишком много, королю вменяется в обязанность поставить его на место. Здесь тогда вступает в силу то, что как спокойное возражение, в случае необходимости как удар, который попадает в цель, потрясает всякий об-

наглевший авторитет: непреодолимое действие проснувшегося к своему «Я», свободно и стихийно действующего суверена.

Мы вступаем тем самым на поле гражданского мужества или мужской чести. Честь – это обязательство человека по отношению к трансперсональному «Я» и может определяться как верность собственному пути, собственной норме. Никто не может нарушать ее, кроме самого этого человека. Если это происходит, это узнает каждый признавшийся мужчина для себя и с непосредственной ясностью.

Решающий позитив мужчины, вес, который он бросает на чашу весов и в любой ситуации бьется за него, называется уверенностью в себе. Это внутренняя основа, постоянная прочность и согласие с самим собой, которая возникает в освобождении от подчинения чуждым предписаниям. Мужчина, обнаруживший свою «личную силу», идет по жизни свободно и независимо, не беспокоясь о следующем дне. Он не живет в беспредметных мечтах. Он делает то, что нужно делать, но он не беспокоится. Меньше всего о мнении других.

Заурядный человек всегда беспокоится, что другие думают о нем. Он стремится к подтверждению, по крайней мере, в глазах тех, которые «важны» для него. Когда он подчиняет себя их критериям и пожинает одобрение своим приспособленчеством, он достигает его вида уверенности в себе. Школа, образование и профессия систематически воспитали в нем это диктуемое ему чужими поведение. Странно только, что как раз люди, которые находят наибольшее подтверждение, как раз те, которые за ним не гонялись.

Тот, кто любит сам себя, не требует любви от других. Тот, кто находится в согласии со своим неиспорченным мышлением, чувствами и желанием, сам несет в себе собственное добро и зло. Для него не имеет какого-либо значения, как ближние принимают его действия. Единственный авторитет, перед которым он должен отвечать за свои поступки – он сам. Он не становится от этого хулиганом, который преднамеренно нарушает социальные нормы. Как раз вследствие того, что он берет ответственность за себя самого, он в высшей степени дисциплинирован, потому также его отношение к своим ближним отличается дисциплиной и ответственностью.

Давайте поговорим теперь о «дерзновении» в узком смысле слова, о дерзновении в его подвижной, действующей, атакующей форме, при которой столкновение с внешним миром заранее запрограммировано.

Сюда относится то, что восхваляется как смелость, как мужественные или совсем отчаянные поступки. Характерно, что тут тоже можно перестараться. Это происходит тогда, когда дерзновение соскальзывает в области легкомыслия, озорства, необдуманности или самопереоценки. Дерзновение – это

готовность к риску, но к калькулируемому риску. Немецкое слово для понятия «дерзновения», «решимости» – *Wagen* – находится в непосредственной связи с весами, со взвешиванием – *wiegen*. В легендах о святом Граале поддерживают проверку только те воины, которые свободны от озорства, больше того, которые считают, что они ничего не могут делать.

«Лучше убежать, чем предпринимать что-то, что превосходит собственные силы», сообщается в одном герменевтическом труде. Дерзновение не подразумевает слепого «штурма с криками «ура!»», оно требует рассудительности, обзора и сознания. При таких предпосылках, однако, возможно очень многое, даже такая партия, где речь идет о жизни и смерти. Нужно только знать, на что ты идешь.

Чувство реальности важно потому, что сущность и ценность дерзновения состоят в том, что обозначается как «самопреодоление». Самопреодоление происходит только тогда, если противника или ситуацию принимают всерьез. Дерзновение – это всегда следствие победоносного конфликта с собственным страхом, в широком смысле с «маленьким Я», который обычно игнорирует, прежде всего, то, что грозит его прочным структурам. Постоянное дерзновение – это предпосылка для продвижения по внутреннему пути. Человек может только тогда вырасти над собой, если он готов уничтожить ограничения, которые он возложил на себя самого, в крайнем случае, взорвать рамки. Если он уже с помощью «знания» вступил в контакт со своим более высоким «Я», опасность может приобрести особенное обаяние: она испытывается не столько как угроза, сколько как вызов, не столько как преграда, сколько как шанс к росту и отстаиванию своих прав на более высоком уровне.

Теперь, однако, опасная ситуация столь же охотно может быть как переоценена, так и недооценена. И многие люди в испуге отшатываются даже от ситуаций, которые абсолютно безвредны. Они опасны только в их фантазии и чем дольше они медлят и размышляют, должны ли они связываться с ними, тем сильнее раздувается ужасное привидение угрозы. Для таких людей, конечно, особенно важна решающая сущность, хотя они и не принадлежат преимущественно к той группе, к которой мы здесь хотим обратиться. В большинстве случаев это страхи социального вида, от которых они страдают, и ясно, что весь комплекс нерешительности – стеснительность – покраснение – неосознанное бытие и зажатое бытие маловажно для сравнительно цельных людей. Однако, целостность – это условие, если хочешь вступить на путь к самотрансцендированию. Тот, кто страдает от стеснительности, должен признаться самому себе, что он еще полностью стоит в начале своего развития. Он еще не открылся сам, он в зависимости от картины, которую делают другие о нем или который он предполагает в других о себе самом.

Тот, кто хочет избавиться от таких страхов, несет все-таки в себе непреодолимый компас: «Где страх, туда и нужно идти». – Он должен, таким образом, целенаправленно искать ситуации, которые потребуют от него позиции и мужества. Тот, кто не может обратиться ни к одной женщине, должен пойти в город и пригласить женщину в кафе (причем абсолютно неважно, пойдет ли она с ним, важно лишь то, что он смог заговорить с ней). Кто боится «скомпрометировать себя», должен в трусах залезть на дерево и с удовлетворением кивать оттуда пешеходам, возможно, еще строить рожи и бросаться бананами. У возможностей изгнать страх нет никаких границ. Каждый может придумать себе личную программу тренировки и увеличивать ее постепенно.

Задание выполнено, если можешь переносить его неоднократно друг за другом без сердцебиения. К сопровождению может подойти одна из многочисленных книг с советами для ободрения, которые занимают в книжных магазинах полки под «помощью в решении жизненных проблем» или «психологией», разумеется, там не показывается никакой принимаемый всерьез фон, даже если они делают вид, что в них содержится «больше».

На этот пункт еще нужно обратить внимание. Вовсе не незначительно, в каком духе занимаются самопреодолением. Если оно – как обычно – стоит на горизонте банального оздоровления жизни в духе дарвинистской «борьбы за выживание», оно произведет мужчин и женщин, которые являются «уверенными в себе» и крепкими, но одновременно плоскими как лягушки, которых переехал грузовик. Такими типами и так все кишит. Тот, кто рассматривает их, едва ли сможет утверждать, что их нестесненность основывается на духовном углублении; скорее она обязана собой их систематическому притуплению.

Можно быть таким же свободным как они – во много раз свободнее – только звук совсем другой, если точка опоры лежит на более высоком уровне. В связи с нею даже примитивные социальные «испытания на смелость» вполне могут дать толчок для самопознания и самоиспытания.

3.2. Жизнь как вызов

Кто уже вступил на свой путь, тот больше не должен заниматься «упражнениями по плаванию на суше». Сама жизнь дарит ему в достаточном изобилии возможности, в которых он может испытать свои растущие силы. Также здесь, однако, остается требование, что увеличиваемая мужская настройка не должна перейти в затвердевание, самовеликолепие и в изоляцию, как это наблюдается у так многих «сильных» мужчин, которые выдрессировали из себя роботов. Кто неподвижен и негибок, может легко разбиться, и, прежде всего, он больше не может отбить или даже заметить мячи, которые бросает ему жизнь. Тем самым он лишает себя неповторимого шанса к дальнейшему

развитию, так как только при этой предпосылке, в этом «пуститься на что-то», происходит настоящий «риск жизни».

Виктор Э. Франкль, один из немногих принимаемых всерьез психологов, определял бытие человека как быть ответственным. Человек давал бы отчет, отвечая на вопросы, которые ставит ему жизнь. Мы находим эту позицию также у духовного воина. У Карлоса Кастаньеды его индейский учитель Дон Хуан говорит: «Основная разница между нормальным человеком и воином в том, что воин принимает все как вызов, в то время как нормальный человек понимает все либо как одобрение, либо как проклятие» (IV, 121f).

Но это не нужно теперь понимать так, что человек жизнью вытесняется в оборонительную, ограниченную чистым реагированием роль. Наоборот: Все, что наносит удар по нему, может пробудить скрытые силы, которые приведут его к самому себе, по словам Франкля: дать воплотиться внутренним и внешним ценностям. В этом смысле мы говорим о вызовах. Жизненный кризис может растормошить человека из его рутины и показать ему, как выглядит действительность вне этой рутины. Потеря может привести к опыту, что он вовсе не нуждается в потерянном, что это была преграда и что жизнь стала для него намного свободнее. Известны случаи, что люди активировали свою силу как раз в результате самых тяжелых страданий, которые повлекли за собой фундаментальное превращение ее личности.

Другие портятся, конечно, уже при незначительном требовании, вместо героев и святых становятся преступниками, социальными падениями или ожесточенными чудаками. Дело как раз в том, есть ли уже в человеке латентная сила, и высвободится ли она сразу в результате травматического удара. В этом случае правильна фраза: «Что не убивает меня, делает меня сильнее». В общем можно сказать, что мужчина нуждается в вызовах. Он растет и развивается с помощью вызовов – в отличие от женщины, которая развивается скорее в результате похвалы. Мужчины, которые рождаются с «золотой ложкой во рту», в большинстве случаев мало чего достигают сами. Внешне, вероятно, успешные «солнечные мальчики» в своих душах жирны и парализованы. Хотя и есть значительные исключения, как например, принц Сиддарта, который стал первым Буддой. Наконец, богатство и счастье – это тоже вызов, который нужно использовать. Каждый день, в принципе, приносит нам множество толчков, которые указывают нам, над чем мы должны работать, чтобы определенное содержание смогло стать осознанным. Решающий вопрос только в том, узнает ли мужчина большие и маленькие толчки как вызовы и примет ли он их.

Что значит принять вызов? – Мы принимаем вызов, когда мы то, с чем мы сталкиваемся, принимаем осознанно, когда мы нечто, как бы ни было оно нам неприятно, рассматриваем в качестве чего-то, что было определено для нас, и за что мы поэтому должны отвечать. В этом активном принятии одно-

временно решено и преодоление этого. Мы не терпим этого, мы не переносим его, мы прямо идем на него в сознании того, что следуем собственным путем.

Это в наивысшей мере мужская позиция становится полностью совершенной в формуле «amor fati», любви к судьбе. Все то, что происходит с нами, мы также заслужили. Мы поэтому не должны принимать это, а хотеть от всего сердца. Не потому, что мы верим, что «благоклонный Бог» стоит за этой судьбой, а потому что мы знаем, что это, в конечном счете, при удачном использовании должно служить нам, потому – будь, что будет!

В действительности, мужчина с сильным характером и ясной целью может превращать и преодолевать даже самую неблагоприятную судьбу. Он может сделать ее своим союзником, упряжной лошадью своего самоисполнения. История полна личностями, которые были обязаны своей известностью как раз этому поведению.

Страдающий расстройством речи Демосфен набивал себе рот камешками и на берегу говорил против бури – и стал самым знаменитым оратором Афин. Сервантес в тюрьме с трудом писал на кожаном ремне – и создал бессмертного «Дон Кихота». На буддийских странствующих монахов часто нападали разбойники и убивали. Так как они не могли владеть оружием, они были желанной добычей. Что они сделали? – Они защищались «голыми руками» и развили такое мастерство, что из этого возникли блестящие приемы рукопашного боя, которые еще сегодня, 2500 лет спустя, изучаются как «карате». Милтон Х. Эриксон, пожалуй, самый способный психотерапевт, который когда-то существовал, из-за двукратного заболевания полиомиелитом был прикован к инвалидной коляске. После первого заболевания в возрасте 17 лет он был почти полностью парализован и был «списан» как безнадежный. Но после точного наблюдения за своей сестрой, которая как раз тренировалась в беге, ему удалось прочувствовать моторные последовательности таким образом, что он, наконец, снова мог передвигаться. Дальнейшие детальные наблюдения за людьми его окружения, их поведением, их манерой говорить, стали основой его поразительных лечебных успехов. Д-р Эриксон был убежден, что все источники энергии, в которых нуждается человек, содержатся в истории его жизни. Задача терапевта могла бы состоять только в том, чтобы вместе с пациентом открыть эти ресурсы заново. Эриксон выработал настоящее мастерство в этом, делая полезным для этой цели все, что исходило от пациента, включая его слабости и сопротивление. Без собственного горького жизненного опыта у простого сына фермера едва ли мог бы развить свои гениальные способности, которые привели его в согласие с мудростью воина.

Дон Хуан видел ответ воина на вызов в способности сделать наилучшее из всех жизненных обстоятельств. Жизненные ситуации принципиально «не об-

ладают ценностью». Мы должны были бы принимать их как вызов и реагировать наилучшим образом.

Франкль подчеркивал, что нет судьбы, которая была бы неизменна. Я «хочу» и Она «ведет», однако, мы никогда не являемся просто «ведомыми». Плавание под парусом состоит же не в том, что лодку можно просто предоставить ветру, чтобы тот ее гнал. Искусство плавания под парусом началось только тогда, когда человек начал использовать силу ветра, так чтобы можно было идти под парусом против ветра. «Охватывай твой кубический сантиметр возможности», учил индейский воин. У нас никогда нет причины, чтобы чувствовать себя жертвой. Даже если у нас отобраны все возможности действовать, если мы больше не в состоянии активно формировать нашу судьбу, мы, тем не менее, можем формировать. Мы можем принять позицию: смелость в выдерживании страдания, достоинство даже в закате и в смерти.

3.3. Меч

Различные качество дерзновения символизируются в образе меча. Меч – это оружие, которое получает выдающееся значение в сказаниях о героях. Часто оно золотое, украшенное драгоценными камнями и несет собственное имя. Меч короля Артура называется Экскалибур, мечи Дитриха Бернского называются Нагельринг и Экезакс, а Сигурд называет свой меч Грам. Как с трудом достигаемая ценность меч иногда можно найти только после долгого поиска в скрытом тайном месте.

Меч олицетворяет силы резания, деления и разделения. Тем самым он становится символом энергичной решимости, мужества и инициативы. При каждом рискованном предприятии, при каждом героическом действии речь идет о разделении, о резании, требуется сила решения: бороться или капитулировать, признать свой флаг или скрыться в бесцветном, остаться в старой, обманчивой надежности или взорвать рамку привычного. Тот, кто решается, уже тем самым достает меч из ножен.

Самым значительным «ударом меча» был, пожалуй, тот, с помощью которого Александр Македонский «развязал» гордиев узел. Вместо того чтобы заняться его распутыванием и застрять в этом, как ожидали, пожалуй, его противники, он незамедлительно разрубил сложное сплетение. Было ли это «позволено»? – Большинство людей даже не осмеливаются представить себе гениально простое решение. Приспособленные и испуганные они хотят справиться со своими проблемами как-то «незаметно», обычным способом, и запутываются вместе с тем в них все дальше. В буддийской философии человеческое существование видится как нечто вроде «гордиевых узлов»: как сеть мучительных соединений и сплетений, в которую мы пойманы и запутаны пауком обмана, тщеславия, импульсивности и несознательности. Если мы рассмотрим узел немного острее, мы увидим также, как вспыхивают кольца

змеи. Меч тем самым становится оружием более высокого сознания, которым можно сломать земное принуждение. С помощью освобождающего поступка меч может прорубить нам путь из лабиринта нашего существования, в котором мы часто бесцельно слоняемся. Это требует полной концентрации сил на данное мгновение, «добродетель меча», которая составляет секрет успеха бесчисленных победителей во всех областях жизни. Действовать безупречно, делать самое лучшее, все равно, что ты делаешь, требует воин Дон Хуана. Тот, кто заслужил себе меч, располагает силой и непосредственностью во всех решениях. Он идет прямо, не оглядываясь назад и по сторонам.

В упомянутом и среди всего упомянутого меч – оружие для убивания. Так как мы при каждой конфронтации с внешним миром, однако, выступаем сначала против нас самих, меч в его духовной функции указывает на собственное «Я». Наша собственная жадность, страх, возбуждение, слабость, одним словом, наше человеческое несовершенство должно быть убито, прежде чем мы окажемся настоящими победителями. При этом спираль дерзновения достигает своего последнего оборота, который сводится к противостоянию со смертью.

3.4. Смерть как вызов

Самый большой вызов для мужчины – это смерть. Не только потому, что она грозит ему физически, а, прежде всего, также метафизически. Бытие и идентичность, причина и цель его стремления безжалостно ставятся под вопрос.

Женщина легче может договариваться со смертью, так как она когда циклически привязанное существо живет в преходящем непостоянстве. Если смерть уносит человека, которого она любит, тогда она страдает, но не возмущается. Мужчина тоже страдает, но одновременно он чувствует себя так, будто его ударили по лицу: То, что было, того больше нет. – Но, все же, это было. Как тогда этого больше не может быть? Абсурдность, нелогичность и вместе с тем также аморальность смерти может поразить его вплоть до сотрясения его существования. Речь идет, заметьте, об опыте, который идет рядом со скорбью за любимым человеком. Часто вызов смерти ощущается также и без конкретного повода. Большинство мужчин оставляют его без ответа, они пытаются вытеснить его, чтобы продолжать жить своей обычной жизнью. Другие принимают ее вызов, борясь со смертью в своих мыслях, или даже ищут ее близости. Третьи пытаются интегрировать смерть в свою жизнь символическим путем, с помощью игр, соревнований, ритуалов.

Взгляд на мифы и религии показывает нам, что плодотворный конфликт со смертью для мужчины решительно важен. Он часто встречается в мотиве спуска героя в ад, который называется Аид, преисподняя, потусторонний мир или также царство духов. Гильгамеш ищет в аду траву бессмертия. Геркулес должен в качестве последнего поставленного ему задания вытащить из цар-

ства Аида адского пса Цербера. Одиссей отправляется к душе пророка Тирезия, чтобы узнать свою дальнейшую судьбу. В шаманской традиции шаман отправляется в путешествие в Потусторонний мир, чтобы найти пропавшие части душ. Христос после проповедования символа веры спустился в империю мертвецов, прежде чем вознестся к небу. О Гаутаме Будде сообщается, что он рекомендовал бы его ученикам, чтобы они месяцами задерживались среди мертвецов и умирающего и медитировали среди разлагающихся трупов, чтобы прочувствовать своеобразие и преходящесть человеческого существования. – Если обобщить разнообразные причины в большинстве случаев очень опасного спуска вниз, в царство мрака и смерти, то можно сказать, что герой через опыт смерти должен достичь нового сознания, познания, которое он не мог бы приобрести никаким другим способом, и которое является предпосылкой для повышения или углубления его собственной жизни.

О чем конкретно речь идет? – Занятие со смертью может помочь нам различать, что имеет смысл для нашей жизни и что неважно и так же, где мы действуем самостоятельно, и где наши поступки определяются чужим диктатом. Оно может помочь нам сделать вывод, чего мы действительно хотим, что является нашим самым подлинным определением и призванием в жизни. Представим себе разок, что нам осталось жить только один год. Будем ли мы делать то же, что делали до сих пор? Что мы будем делать иначе? Много людей считают такие мысли вредными и преувеличенными. Смерть для них – это что-то далекое и неизвестное, они думают, что у них еще осталось неограниченное время. При этом они ежедневно испытывают, как смерть поражает других: в кругу их знакомых, на улице и десятками и сотнями способов в ужасных кадрах телевидения. Их позиция действительно нереалистична. Она – защитная позиция. Люди не хотят допускать возможность, что смерть ждет их, ежедневно, ежечасно, при каждом случае. Они закрывают глаза, так как они думают, что тень, которая сопровождает их, делает их жизнь бессмысленной. – В этом они правы. Но только тогда, если они не принимают вызов смерти, если они продолжают плескаться в малозначительном и откладывают любое важное действие до бесконечности.

Кто осознанно разбирается со своей смертностью, тот заметит, что жизнь становится не бессмысленной, а, наоборот, ценной. Он чувствует себя вынужденным отвечать за жизнь перед смертью. То, что раньше казалось ему очень важным, становится теперь неважным, то, на что раньше не обращали внимания, неожиданно оказывается в поле зрения. Решения становятся ясными и простыми, так как смерть не оставляет времени, чтобы цепляться за что-то. Как ни парадоксально, сознание того, что перед лицом смерти нет времени, никогда не ведет к беспокойству или панике. Освобождаясь от нерациональных страстей и забот о будущем, человек становится вместо этого способным жить здесь и сейчас. Спокойная невозмутимость наступает у него. Это также следует из высказываний смертельно больных, которые смогли

принять свою приближающуюся смерть. Они часто говорили, что они только теперь начали жить правильно, что они узнали часы наивысшей интенсивности и стали спокойнее, внимательнее, более мирными и даже веселыми.

В последней последовательности встреча со смертью ведет к прекращению личности, к «смерти «Я»». Когда ценности переоцениваются, когда заботы, обязательства, страхи и страсти, которые определяли нашу жизнь, становятся незначительными, то становится незначительным также и эго, которое было связано с собой идентификации как раз с этими вещами. Наша важность, наше имущество, знание и мастерство теряют значение, гордость, честолюбие и жажда власти выявляются как вызывающие болезненные ощущения миражи иллюзии.

Смерть «Я» ощущается такой же реальной и угрожающей, как и физическая смерть. Поэтому спуск в царство мертвых является «адским путешествием», опасным приключением, которое выпадает не каждому. Здесь наступает час «большого страха» и приходит «момент истины». «Я», как бы ни было оно раньше готово пожертвовать собой, отчаянно защищается, как только чувствует нож у своего корня. К этому добавляется, что в глубинах нашей личности угрожает встреча с устрашающими, оттесненными комплексами, «тенью» аналитической психологии, которая является ничем иным как липким постаментом, на котором пыжится «великолепие» нашего честолюбивого эго. Тогда возникает вопрос, имеется ли еще инстанция, которая в состоянии изгнать освобожденный хаос ледяным взглядом или тосковал ли бы выводок призраков, воющий грязи, страха, жадности и невероятной пошлости будет носиться над умирающим «Я», не оставляя за собой ничего, кроме сожженных крыльев.

Смерть «Я» как раз для мужчины является особенно болезненным испытанием. Не потому, что его тень была особенно длинной (женская после эмансипации несколько не уступает мужской!), а потому, что мужчина как обращенное к себе существо искушаем, опрометчиво и на недостаточном уровне реализовать неизменное. Крушение его маски характера, его построенных на напряженном самодисциплинировании «триумфов» делает падение вниз особенно глубоким.

С другой стороны, мужчина чувствует в пропастях своего сознания как бесконечно важно проломать свою якобы прочную личность. Все его существо, кажется, шептывает ему постоянно, что он должен идти дальше, дальше над самим собой, в те ненадежные зоны, где его нынешнее «Я» сгорает и из пепла поднимается его подлинное, освобожденное «Я». Так получается, что как раз то, что пугает мужчину больше всего, является целью его самого большого стремления. С тех пор как существует пол, мы видим его, в странном очаровании кружащегося вокруг смерти и вызывающего ее. Смерть может, как у итальянцев, стать «дамой», аристократически-таинственной сущью, ко-

тору ю ждут, почему также определенные латиноамериканские террористические группы хвалятся как «обрученные со смертью». В одной песне ландскнехтов смерть не только скачет на «вороном коне», но уже во второй строфе едет на «белой лошади, прекрасной как херувимы неба».

Так как основным полем мужского самопостижения и самоиспытания всегда была война, эта тематика еще раз особенно отчетливо указывает, в чем действительно состоит суть при конфронтации со смертью.

Как в германской, христианской, исламской, так и в дальневосточной традиции война могла принимать сакральный характер и становиться таким образом «путем Бога». Она давала мужчинам шанс в горячке битв «Малой священной войны» осуществить «Большую священную войну». Последняя состояла в вынужденном благодаря давлению условий подавлению «внутреннего врага» и открытию к трансцендентности. Тот, кто выдержал крещение войной, чистилище кровавой битвы, больше не цеплялся за жизнь и не боялся смерти. Он получал духовное состояние по ту сторону жизни и смерти, которое часто испытывалось как светящийся ясный взгляд, как светлое, обворожительное опьянение. «Сраженный Аполлоном» героический воин узнавал, что внушающая страх дорога – хоть и спуск вниз и смерть, но, в то же время, она ведет наверх. Погружение в область смерти вызывало новое рождение, смерть выписывала свидетельство жизни, в которой обнаруживалась форма бессмертного бытия.

Кто превзошел смерть, не будучи парализованным ею, тот обнаруживает в себя новую невинность и жизнерадостность. Он пробует все и наслаждается всем, но все же, ничто и никто не может овладеть им. Примером могут быть пилоты-камикадзе, которые, зная, что в любой момент им может быть приказано вылететь в самоубийственный полет, занимались своим образованием и удовольствием, не погружаясь в мрачное настроение. Исламская мудрость, что «земная жизнь – это только игра и шутка», составляет вместе со смущающей фамильярностью по отношению к смерти основную установку очищенного воина. Она отражается в солдатских традициях и обычаях у всех народов и задокументирована в письмах и сочинениях. Так в стихах забытого патриота Курта Эггерса, которые нашли, когда он сгорел в своем танке:

*«Мы не сетуем о том,
Если один из нас падет.
Каждый однажды падет.
Бей, барабанщик!
И мир прекрасен.
Однажды я тоже паду».*

«Борьба как внутреннее переживание» была литературно обработана мужчиной с самого переднего края, Эрнстом Юнгером. В его книге «Странствие

по лесу» (1951) Юнгер вспоминает: »Человеческий страх – это всегда страх перед уничтожением, страх смерти... Преодоление страха смерти является в то же время преодолением любого другого страха». Каждое «настоящее руководство» опиралось бы на эту правду, так как только после «перехода через черту» человек получил бы доступ к «сверхъестественной полноте», произошла бы «встреча человека с самим собой, это значит: с его божественной силой».

Мужество для Юнгера это «нападение идеи на материю, не задумываясь над тем, что из этого может выйти». Обладать мужеством значит «дорости до любой судьбы».

В действительности, кажется так, что поистине мужественный человек, которого мы называем героем, может победить не только людей, но и богов. Захватывающим способом это было продемонстрировано Наполеоном Бонапартом, который шел в огонь, не дрогнув даже ресницей, и даже в самой отчаянной ситуации, осаждаемый могущественными врагами, оставался хладнокровным и уверенным. Вследствие этого он становился непобедимым. Как говорили, Наполеон мог бы заменить сто тысяч солдат. Таинственным образом его мужество вливалось в души его солдат, которые благодаря этому могли подняться на непредвиденные высоты и совершать сверхчеловеческие поступки. Все же, не только солдаты бросались по его первому взгляду на смерть, не только армии убегали или сдавались без боя, также и ветер менялся в решающих ситуациях, спасал его от английского флота или волшебным образом заставлял запотевать стекла подзорных труб англичан.

*«Всем силам назло
себя сохранять, никогда не склоняться,
проявлять силу,
притягивало бы руки божества».*

Гёте

Только когда Наполеон изнежился под грузом императорской мантии, стал слаб и равнодушен, начала колебаться также и его звезда.

Знание того, что преодоление смерти как вызов в самом чистом виде готовит наивысшую победу, дремлет в каждом мужчине – также еще и сегодня. Раньше, когда мир еще нужно было завоевывать, мужчина противостоял мужчине, и ценились героические идеалы, было много возможностей встречи со смертью. Сегодня, во время заласкивания и изнеженности, каждый настоящий вызов кажется запретным. Это тем более знаменательно, что возникают новые, «искусственные» формы, в которых мужчины осуществляют свою элементарную потребность. Назвать нужно так называемые экстремальные виды спорта, как альпинизм на едва ли преодолимых стенах, мотогонки на пустынных песках, гребя на каноэ с полетом свободного падения, но также и

дерзко-акробатическое обращение молодых людей с их скейтбордами и полностью открытые виды встречи смерти, которые в джунглях метрополий горят мерцающим безумным светом как мода: прыжки с мостов на канате, который тянет человека назад в нескольких сантиметрах перед ударом, гонки по встречной полосе, цепляние руками на движущихся поездах метро и т.д., на самом низком уровне, наконец, оживление с помощью фильмов ужасов и триллеров, видеоигр или жестоко воздействующих рок-групп.

Из всех этих предприятий, какими бы извращенными и «эрзатными» бы они не были, звучит крик об опыте смерти – или опыте жизни, который, как мы видели, произрастает от корня смерти.

Опыт смерти и возрождение возможно на самых различных уровнях и в разных степенях. Каждое рискованное предприятие, каждое продвижение в неизвестность окружает их, так как всегда, когда мы взрываем ограничения, мы на мгновение теряем землю под ногами, чувствуем Ничто, пропасть, дрожь – и всегда, когда мы снова находим себя, мы стали уже другими, ибо что-то умерло в нас. Мы стали легче. Вечная цепь страха, который делает нас мелкими и пошлыми, которую мы часто с таким трудом тащим за собой, как каторжник на галере, теряет вес. Наконец, мы настолько легки, что мы можем танцевать – весело танцевать прочь от ужасов и бездны, перед которыми другие отступают с дрожью, и которые ничто иное, как лишь театральные кулисы для игры, которую мы называем жизнью. Наша личность – это только форма, второстепенная вещь. Важно только то, что поднимается и опускается под покрывалом наших движений. Страх или то глубокое сознание, которое подобает только мужчинам: то, что материя является ничем и дух всем, не обманчивое ощущение бессмертия, которое позволяет нам подняться до героев, королей, богов.

О па непревзойденного тореро Хуана Бельмонте, которые тоже были подобны танцу, да, даже объятию с его быком, говорили, что они выжимали слезы умиления у зрителей. Кто обходится со смертью так небрежно и величественно, как будто бы она ничего не значит для него, переносит силу, которая поднимает всех, которая дарит участие в том, что окружает человеческую жизнь в неразрушимой ценности.

Прорыв к свободе, к божественному бытию – это непреодолимая движущая сила мужчины. Мужчина, который достоин быть мужчиной, будет идти до границ, которые поставили ему его природу или условия жизни – а потом переступит за них.

- Возможно ли пройти по горной тропе? – спрашивал Наполеон своих офицеров, которых он отослал для разведки внушающего ужас горного прохода Сен-Бернар. – Это находится, вероятно, – последовал ответ после паузы, – на грани возможного. – Ну, тогда вперед, – сказал маленький капрал.

4. Желание

«Для мужчины, который умеет желать, нет ничего невозможного».

Мирабо

4.1. «Стань тем, что ты есть»

Если мы под дерзновением понимаем прием вызовов, переход грани в смысле самопостижения и самоиспытания, то теперь следует рассмотреть желание как ориентацию и целеустремленность. И то и другое нужно собрать для себя на жизненном пути.

Есть мужчины, которые решаются на очень многое, но не продвигаются ни на шаг вперед. Они похожи на корабли, которые сопротивляются опасностям океана и постоянно совершают рискованные маневры, но потеряли, к сожалению, компас. С другой стороны, есть мужчины с «быстрым, как стрела, автомобилем», вооруженные самыми лучшими картами, которые тоже застревают, потому что у них кончается горючее – им не хватает предприимчивости.

С желанием как сознательным направлением воли обязательно связано представление о цели, к которой стремится воля. Если мы отложим в сторону обязанности и задания рутинных будней, которым мужчины целеустремленно посвящают себя и которые после определенного времени отбрасываются и заменяются на новые, для просыпающегося мужчины есть только единственная цель, которая остается независимой от всех ситуаций: исполнение его более глубокого бытия согласно античной формуле: «будь самим собой» или «стань тем, что ты есть». Исходящему из этого концентрирующему желанию, тем не менее, требуются ясные предпосылки: мужчина уже должен узнать правду собственного бытия, по меньшей мере, догадываться. Он должен знать.

То, что собственно совершенно ясно, все же, требует как раз в сегодняшнее время, когда «самоисполнение» становится навязчивым и преследуется почти исключительно дезориентированными женщинами, особенного подчеркивания. Право быть самим собой предполагает, что вообще можно говорить о собственном «Я» как о чем-то определенном и узнаваемом. Однако для современного среднего человека, который состоит либо из нескольких расплывчатых личностей, либо вообще из никакой личности, это в наивысшей мере проблематично, так что нужно согласиться с Ницше, который рассматривал соблюдение правила «будь самим собой» как «разрешенное только немногим». Решающим является то, двинутся ли в таком предприятии действительно взмахом крыльев своего более высокого «Я» или только ветрами вытесненных затаенных обид.

Если слышат действительно большой разум, который никогда не говорит «Я», а только является «Я», использует дух и ум только как «инструмент и игрушку», за таким разумом нужно следовать без промедления. Мужчина, который слышит призыв своего истинного бытия, отправляется в путь, не оглядываясь назад. Шаг за шагом, ступень за ступенью, слой за слоем, проникает он через круги смысла его жизни и оставляет их у себя за спиной без сожаления. Он примет ясные решения и тогда шагнет к поступкам, в которых он применит свои лучшие силы. Он будет делать все необходимое, чтобы всегда снова завоевывать свое трансцендентное видение, стабилизировать его и основывать жизнь на нем. Все прочее, работа, жена, дети, удовольствия, второстепенно в сравнении с этим стремлением – если это нельзя интегрировать в осмысленность его самого глубокого, самого соразмерного бытия.

Мужчина, который открыл самого себя и решил, что будет следовать за своей внутренней правдой, взваливает на себя не подлежащий отказу долг. Он создает себе самому закон, он сам будет себе законом. Честь – единственная настоящая честь мужчины – состоит в том, чтобы оставаться верным созданным самому себе нормам. Не бывает обстоятельств, которые освобождают его от этого. В своей книге «Англичане, французы, испанцы» испанский писатель и дипломат Сальвадор Де Мадариага охарактеризовал это понятие о чести особенно удачным способом. Хотя описание опирается на его земляков – испанцев двадцатых годов, она могло бы также обратиться к народам и временам, у которых есть потребность наверстать упущенное относительно этого: «El honor», честь испанца, состоит в том, что у него есть субъективное правило этикета, которое стоит выше всех объективных предписаний. Это правило – это «наследственная доля души», властное ощущение, которое однозначно сообщает благородному мужчине, что он должен делать в каждом конкретном случае. Самое серьезное желание испанца – спасти свою душу: Стихийность и невредимость индивидуальной деятельности, идей и страстей. Он охотнее принудит вещи, чтобы они следовали за законом его личности, чем, так сказать, рассмотрит самого себя объективно.

4.2. Желание между свободой и долгом

Теперь уточним, выяснив сначала один открытый вопрос. Здесь подчеркивалось стремление мужчины к свободе, элементарный импульс, чтобы преодолеть все, что его ограничивает и суживает.

Не находятся ли долг и закон в резком противоречии к этому? Ответ: только внешне и только по укоренившейся точке зрения общественности.

Обычные люди, если они говорят о свободе, о «своей свободе», всегда подразумевают свободу «от» чего-то. Обычно от властей и обстоятельств, которые ограничивают более или менее инстинктивные порывы как секс, развле-

чение, вождение машины, потребление и т.д. Если они беспрепятственно могут предаваться этим потребностям, у них есть чувство свободы. Превосходящий человек знает наряду со свободой «от» чего-то также и свободу «к» чему-то. – Свобода к задаче, возможности, которая ведет его к самому себе. И может быть так, что он бунтует таким образом против возложенных на него цепей только потому, чтобы бесповоротно смочь привязать себя к этому.

Тот, кто умеет жить только «почему», не только выносит каждое «как» (Ницше), он берет вместе с тем на себя также обязанность. И здесь лежит второе распространенное недоразумение. Обязанность, долг – это не принуждение. Он всегда основывается на свободном выборе.

За долгом всегда стоит желание и обязанность, но никогда не долженствование. У раба нет обязанностей, он должен делать то, что от него требуют, чтобы не получить удары. Так же у животного нет обязанностей, оно может следовать только за своими инстинктами, оно должно.

Только свободный индивидуум может иметь обязанности. Иными словами: есть обязанности только по отношению к себе самому, никогда не по отношению к другим. Кто обязан, тот не должен давать никому отчет, кроме одного себя.

«Разрушитель всего» Кант был тем, кто сделал это обязательное понятие фундаментом его проникнутой бескомпромиссно мужским духом этики. «Две вещи» наполняли, как известно, его душу, «всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Что, в конечном счете, соединилось для него в одно. Никакого диктата с чужой стороны, никакого прогибания перед внешним авторитетом, стало быть, не подразумевается под исполнением долга.

Тесное, живое взаимодействие свободы и долга выражается в том, что долг не только предполагает свободу, но и создает на свободе. Так как тот, кто следует за своим долгом, следует за самим собой; он приближается все больше к жизненному творческому центру своей сущности и непрерывно снимает с себя с помощью этого оковы чуждого диктата, до тех пор, пока он не стоит в безмятежном своеобразии, нескованный, беспрепятственный, смелый и настоящий. Так человек может быть только тогда приблизительно свободен, когда он уже вступил на путь завоевания своей внутренней части. Не бывает свободы без ответственности, без осознания своего долга. Поэтому шотландский мыслитель Карлейль прямо говорил: «Послушание освобождает». – Не «рабское повиновение», а послушание по отношению к самому себе, к своему лучшему «Я» – или по отношению к превосходящему нас человеку, за которым мы следуем по доброй воле. -

«Гордиться тем, что нашел мастера».

Штефан Георге

У нас есть право повиноваться и обязанность приказывать (нам самим). Не наоборот.

Кто понял, что свобода хочет быть получена как подобие осознанного исполнения долга, не сможет отделаться от определенного неприятного чувства перед лицом государства, которое хвалится, что это оно дарит людям свободу. Как деградирует свобода, если она выделяется извне несвободным мас-сам, которые знают только закон своего брюха, мы все более отчетливо видим каждый день. Однако это мы заметим только попутно.

4.3. Меч, жезл и фаллос

Символ желания – это среди прочего снова меч, но не рубящий, а тихо направленный в небо меч. В державшемся прямо мече присутствует основная форма жезла. В нем связаны различные аспекты желания, потому он – символ элементарной, почти магической силы выражения.

Уже маленькие мальчики чувствуют захватывающую власть жезла.

Они любят брать в свои руки жезл, посох или палку, особенно в чужой, зловещей окрестности, например, в темном подвале. Палка укрепляет мужество и доверие к себе, дает опору и уверенность. Его действие состоит, однако, не только в лучшей обороноспособности. Она сообщает, прежде всего, как непосредственный прирост власти. В нем скрыта настоящая, «магическая» тайна жезла. Тут возникает мысленная связь с «волшебной палочкой», но также и с посохом пастуха («Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня», Псалом 23), с дирижерской палочкой, которая умирляет хаос инструментов и со скипетром, который символизирует честь короля.

Тайна творческого потенциала жезла явствует из значения «прямого». У человека прямая поза очень сильно связана с самосознанием, идентичностью и способностью к волевым действиям. Маленький ребенок, когда он поднимается, осуществляет вместе с тем действие, изменяющее мир и сознание. Он начинает ориентироваться, исследуя и оформляя, руки становятся свободными для испытывающего действия. Когда он учится ходить, он освобождается от зависимости от матери, наталкивается, однако, более отчетливо на границы между собой и объектами окружающей среды. Вместе с тем ребенок осознает сам себя или свое тело все больше как центр своего существования. Активированный, прямой жезл, например, уткнувшийся в землю, объявляет: «Это мое место, здесь есть я, здесь я стою». Не случайно буква «I», похожая на вертикальный жезл, в английском языке обозначает слово «Я».

Но аналогия движется еще дальше, если подумать, что также первое число, «1», олицетворяет жезл, и она, как мы уже видели, выражает определенно мужское число, единство, тождество и неизменность. Связь жезла с мужским демонстрируется также очень непосредственно в том, что оно выражается в символике графических знаков вертикальной линией (|), в то время как горизонталь (-) означает «женское».

Вместе с тем символ жезла указывает за грани простой человеческой индивидуализации в области героического, где необходимы «стойкость» и верность по отношению к себе в более высоком смысле. Предпосылкой является упорядочивающее, творческое сознание и решительная воля, качество жезла, которое уточняется в поднятом мече. Иератическая или королевская неподвижность мужчины, который полностью укреплен в своем бытии, выражается, прежде всего, в скипетре.

Динамичный, «победоносный» компонент содержит трансцендентное мужское бытие в символе фаллоса. Более глубокое значение фаллоса выходит далеко за пределы популярных и внешних аспектов о плодородии и мужской силе зачатия. Только так, кстати, его особенная сила очарования также понятна и для женщин. Фаллос воплощает не столько естественное, сколько именно сверхъестественное, «магическое» бытие мужчины, которое становится бодрствующим и действующим, избавившись от материальных оков.

В этом смысле ему во всем мире были сооружены священные монументы: В Бретани, где гранитный фаллос из каменного века возвышается на высоте девяти метров над землей, в горных пещерах Гималаев, которые окружают гигантские культовые места, в африканском буше или влажных джунглях Африки и Южной Америки. В Греции и Риме он часто использовался на надгробных памятниках, как знак возрождения. Также у египетского Бога Осириса он был символом не плодородия, а возрождения после смерти. В Индии еще сегодня аскеты носят фаллос как знак на шее, так как он олицетворяет силу *viṅya*, сверхъестественного мужского бытия.

При этом следовало бы упомянуть несколько соответствующих содержаний, которые резонируют в символике жезла. Они уже встречались нам как замечательные формы выражения истинного мужского бытия. Приведенный к общему знаменателю жезл объявляет фундаментальную формулу мужского желания: «Будь самим собой» или «Стань тем, что ты есть».

4.4. Действовать безупречно

Теперь пришло время показать, как желание производит «свободное» или «чистое» действие, поистине мужское действие, и что это значит. Пожалуй, можно без преувеличения сказать, что сегодняшней мир «чистого действия» – единственный, который заслуживает это имя – не имеет об этом больше

никакого понятия. В соответствии с лунатическим состоянием, в котором большинство людей бредет по жизни, состоянием, которое один знающий наших дней (Г. Гурджиев) описал как «засасывание рутинными вещами», их действие также только поверхностное, часто подобное рефлексу реагирования на раздражители внешнего мира. Редко действие берет начало в глубинах собственного бытия и даже если это так, то оно деформируется, как только проходит сквозь пояс эгоизма, и изменяет свое направление. Нагруженное страхами, эгоизмом и так называемыми опытами оно не однозначно, а многозначно, с завистью глядящее в сторону признания и эффекта, полная противоположность того, что демонстрирует. Так или иначе, приторможенное, расчетливое или в рефлексивное, действие «пленено», так как оно разделено с основой бытия. Это не акция, а всегда только реакция, вовсе не безусловное действие и поэтому даже при подчеркнута активистской окраске не «активно», а – терпя самого себя – пассивно. Д'Аннунцио: «Действие не является сестрой мечты и даже мысли».

Что же ведет к действию, которым является оно само, к «чистому» действию, которое выражает себя свободно и энергично? Уже говорили, что опыт смерти может вести к ответственности, которая не оставляет времени для малодушных или бесполезных действий, что в конечном счете опыт смерти «Я» ведет к бесстрашию, освобождая действие от всех человеческих осложнений.

Если поставить действие под императивом желания, то из этого выводится принцип, следование которому приносит тот же результат. Традиционный мир называл это «действием без желания», или «действием без того, чтобы смотреть на плоды этого действия».

*«Ты можешь управлять только действием, но не его плодами.
Не живи ради плодов твоих действий,
Но не цепляйся за бездеятельность».*

Бхагавадгита

Выражение «плоды» относится к любому возможному последствию действия. Мы должны действовать без того, чтобы обращать внимание на победу или поражение, успех или неудачу, прибыль или потерю, так же мало как на желания или боли и, естественно, также не на одобрение или неодобрение со стороны окружающих. Если это удастся, действие «чисто».

Чистое действие, чтобы избежать возможного недоразумения, не означает слепого действия. Слова о том, чтобы не видеть последствия (плоды) действий, касаются личных движущих сил, но не знания обстоятельств, которое вообще необходимо, чтобы разумно проводить действие. Действие может не удалиться – это второстепенно. Все же, неудача не может быть вызвана незнанием предпосылок для успешного действия.

Несмотря на это, такое указание странно для нас, европейцев. Мы всегда действуем потому, что мы хотим чего-то достичь или избежать, наше действие целенаправленно, и цель, ради чего мы это все начинаем, направляется большей частью на личное преимущество. Разумеется, мы едва ли сознаем, что эта для нас такая естественная позиция оказывает непосредственное воздействие на качество нашего действия, которое наносит ответный удар по нам, его виновникам. Иначе обстоит дело в традиционном мире. Вплоть до средневековья (Майстер Экхарт) было живо знание того, что направленное на цель действие вызывает отчужденность. Как только человек действует потому, что это что-то ему обещает, вознаграждение или также только хорошая удача, он больше присутствует не в действии, а заглядывает вперед, за него, в будущее. Он больше не действует с полным вниманием, а улаживает вещь, до тех пор, пока ее цель не выполнена. Действие как средство с целью в соответствии с этим понималось не как «быть активным», как это делают сегодня, а только как «быть деятельным». Это было действие в подчиненном смысле. Как действие, последствие которого будет его причиной, ведет к внутреннему отделению и лишению души, становится особенно отчетливым, если оно совершается только ради желания прибыли: есть мужчины, которые завязывают связь с женщиной, потому что она приятна им, потому что они чувствуют живой обмен. Когда-нибудь, вероятно, взаимное притяжение приведет к апогею сексуального соединения. С другой стороны, есть мужчины, у которых только «одно» в голове, как изолированная цель, ради которой используется все прочее – слова, улыбки, цветы.

Если «чистое» действие – это безличное действие, возникает вопрос, какая инициатива тогда несет его. Ответ в том, что это определяется собственным внутренним, естественным законом. Это определено долгом воплощать самого себя в действиях. Мужчина, действие которого исходит из собственного бытия, найдет пренебрежительным вопрос, что это приносит ему и узнает ли он от этого, пожалуй, благодарность. Он радуется, когда его действия увенчаются успехом или признаются, однако, он не зависит от «плодов». Он действует в первую очередь, потому что «так это должно быть», ибо он оправдывает самого себя своим действием, так как он хочет привести себя самого в «форму». Это «bhakti» арийских индусов, верный принцип, который привлекает мужчину к действию, даже если он знает, что это действие бессмысленно, что оно не будет иметь успеха. В любом случае, он пойдет дальше и, в крайнем случае, будет действовать против себя самого, против своих интересов, если это единственный для него путь, чтобы сохранить свою честь.

Можно было предположить, что «чистое», безличное действие, которое не интересуется желанием и выгодой, остается сухим и без вдохновения. Но это не так. Наряду с желанием, которое возникает из-за удовлетворения индивидуальных потребностей или инстинктов, был с давних пор известен другой вид желания или счастья, которое сопровождает чистое действие с более высокого уровня. Мужчина, который действует из своего самого внутреннего

бытия, полностью отправляется в соответствующую ситуацию. Никакие ожидания, никакое нетерпение, никакие заботы об успехе действия не сбивают его с пути. Для него нет ничего интересного, кроме того, что он как раз делает в этот момент. В то время как он осознанно вступает в Здесь и Сейчас, он связывается со своими собственными силами, со своей целостностью, которая радостно проникает в его действие и «воодушевляет» его как огонь особенного рода с начала до конца. И при этом совсем безразлично, каково содержание у действия. Речь может идти о героическом задании, на которое решился мужчина, и за которым он следует настойчиво и целеустремленно. Речь может идти о маленьких, временных заданиях или об очень незначительной рутинной деятельности. Любая, даже самая «неважная» работа, связанная с внутренним источником силы, может стать поводом глубокой радости и медитации. «Я несу дрова и черпаю воду, как это таинственно, как чудесно», говорил один монах дзен.

Главное не то, что делают, а как это делают. «Улаживают» ли дело, так как оно – только средство и цель, или активно, с полным сознанием в него погружаются.

Активное действие – это вместе с тем в то же время вопрос стиля, и как у каждого стиля тут тоже есть эти характерные признаки.

«Быть целым во фрагменте, прямолинейным в согнутом», так звучал один древний принцип. Мужчина, который решается на дело или задание, решает на него полностью, не малодушно, неохотно или с оговоркой. Он хочет того, что он делает, и он делает то, чего он хочет. Он полностью, со всем его бытием внутри действия. Это составляет его неизменное, неподражаемое качество и непреодолимое воздействие. «Быть как происходит» говорит равным образом из скромной работы ремесленника, как и из точной механической работы, из выстрела мастера лучника, как из команды капитана, из приветствия как из надлежащего действия в опасной ситуации.

Выражение бытия вовсе не выделяющееся и не высокопарное, но простое, естественное, и всегда точно подходящее к ситуации, так как бытие состоит в согласии с вещами. В этом и лежит вся тайна. Действия, которые исходят из ядра, ничего не показывают и не втираются в доверие, они покоряют.

Прежде всего, они покоряют женщин, у которых есть тонкое чутье на судьбоносное. Все же, это другая тема, которая при всем том ведет к заключительному замечанию: Можно делать все, воля может стремиться ко всему, при условии, что человек способен отказаться от всего в той же самой мере. Как только действие подпадает под инстинкт и больше не под желание, его великолепная, суверенная и непреодолимая сила пропадает.

5. Молчание

«Что такое шлепки одной руки?»

Изречение дзен

5.1. Молчание как дисциплина и как бытие

Мы делаем различие между молчанием как дисциплиной и молчанием как выражением бытия. Первое сопровождает путь мужчины с самого начала, последнее является исполнением дороги и лишь для очень немногих достижимо в своем совершенстве.

Молчания как дисциплины требуют во всех указаниях по медитации, и это основное упражнение на инициатическом пути. Приверженцы старых школ освящения подлежали самому строгому обету молчания. Но это не столько потому, что боялись, что какие-нибудь тайны могут просочиться во внешний мир, а скорее для защиты адептов. Опасность, что инициатическое знание могло бы попасть в некомпетентные уши, вовсе не была так велика. «То, что я знаю, я не могу сказать, и то, что я говорю, я не знаю», так звучит изречение мистерий. Мы говорили о том, что настоящее знание не может быть сообщено, а должно быть «воплощено», так как речь всегда идет о чистом опыте, о непосредственном познании. Сообщение такого «знания» потерпело бы неудачу не только от недостаточности средств нашего языка, но, прежде всего, от того, что другие, кто по своему бытию не стоят на той же самой ступени, ничего не могли бы с этим сообщенным знанием поделаться. Передача обязательно привела бы к снижению уровня и искажению знания, даже и для самого «знающего». В медитации молчание служит самоконтролю и открывает дорогу к внутренним опытам. Дух должен быть тихим, чтобы самое внутреннее существо могло быть услышано. Привычные к шуму мира и внутреннему непрерывному звучанию наших забот, чувств, страстей и стремлений, мы часто убегаем от тишины. И тем самым мы убегаем от встречи с нами самими.

Молчание – это также выражение самообладания в ежедневной жизни. Мужчина должен уметь выдерживать напряжения, не вытесняя их или не начиная сразу жаловаться. Болтливый мужчина по праву презирается повсюду. «Pobre en palabras, pero en obras largo» – Бедный словами, богатый делами, так звучал девиз старого испанского дворянства. И Мольтке создавал мужской прусский стиль с указанием: «Мало говорить, много делать и больше быть, чем казаться».

5.2. Молчание как бытие

Молчание как бытие связано с представлением о соответствующей бытию пустоте. Пустота бытия – это не вакуум, а отсутствие конкретного, упразднение всего бывшего, очевидного и вместе с тем преходящего в первопричине всемирного целого. Вечное бытие говорит к нам с помощью «молчания» – молчания космоса и того, что космос несет в себе. Тот, кто предполагает за этим только тишину, будет очень поражен, какое смертельное выражение активности может вырваться из «молчания».

5.2.1. Пустота, изобилие, сознание

Как «молчание» заглушает всякую громкость, так же «пустота» превышает всевозможное изобилие. Божественное бытие – это высшее проявление всей реальности; в нем покоится все конкретное, прежде чем оно разворачивается в мире становления, основанное на неразделенном единстве. Это источник времени и пространства, начала и конца существования, вездесущности и всечувствования, всепроникающее, вечное поле всемогущей силы духа.

«Наше сердце беспокоит, пока оно не отдыхает в тебе», говорил Святой Августин. Зов его внутренней части – это могущественный, нерушимый импульс на жизненном пути мужчины. Как заложник бытия, плененный в окончательной форме и затянутый оковами бытия своего «Я», мужчина страдает от его ограничений, намного шире границ его понимания.

Его воля самоутвердиться, его заботы о действующей форме потому охвачены мотивом проникнуть сквозь слой за слоем, форму за формой, чтобы во всеохватывающей целостности осуществить подобающий ему способ бытия.

Форма, в которой проявляется наивысший способ бытия мужчины, – это сознание. Одновременно это наивысшая «магия», которую мы знаем. Бытие и сознание – это одно, потому что бытие это чистая сила духа. Можно быть сознательным на различных ступенях, в более тесном или более широком кругу, более поверхностно или глубже. Абсолютное сознание это непосредственное восприятие всемирного целого, качество сознания жизни как такое.

Сознание обычных людей едва ли выходит за грани познания их низшего эгоизма. Что касается женщины, то она живет в связи со всемирным целым, но так как она только его часть, она не может принять в себя Всё. Поэтому ее надличностное восприятие ограничивается интуицией, пассивным чувствованием, подвергается влиянию. Обычный мужчина чувствует меньше чем женщина, однако, так как он подчиняется бытию, потенциально несет всемирное целое в себе.

Более высокое сознание начинает становиться активным, если мужчина помимо своего земного «Я» добывает опыт своего неизменного «Я», пусть даже этот опыт поверхностный и фрагментарный. Это «Я» не «его» «Я», а первопричина всех явлений. Поэтому чем дальше он продвигается вперед в своей внутренней части, тем светлее и прозрачнее будет также внешний мир. Вещи мира превращаются; их чуждость и случайность уступают место глубине, в которой странно доверительно отображаются подписи вечности. Наконец, может появиться «большой опыт», «tat-twam-asi» индийцев, падение маленького, предметного сознания перед обширным «Это тоже ты», сияющим навстречу пробужденному из каждого цветка, из каждого камня и из каждого человека. И все же это только начало. Блаженное переживание единственности должно снова отойти, восхищению не дарован продолжительный срок. Через ряд духовных кризисов взрослый должен научиться обрабатывать опыт целостности в себе. По мере этого, так как это ему удастся, больше нет ничего исключительного и «фантастического», а только лишь действительность, в которую интегрировано эмпирическое «Я» как часть этой действительности. Личность, ее способ точки зрения и опыта, не растворилась, она остается. И, все же, все стало другим.

Это подобно тому, как если бы характер субъекта «Я» принимался другим, более охватывающим субъектом и вследствие этого релятивировался бы. Опыт бытия не несет больше качество «совсем другого», вещи просто «такие, какие они есть». Луг снова зеленый. Но он светится более глубокой зеленью, чем раньше.

У проснувшегося к бытию и к жизни есть чувство только теперь на самом деле быть самим собой. Он узнал, что нужно потерять, чтобы смочь владеть, что нельзя иметь, если удерживаешь, что нельзя быть сильным, если не освобождаешь. В законченном виде вся вселенная предстает оживленно и прозрачно в надпредметном изобилии. Он в настоящем смысле слова Лицо: его форма прозрачна для сущности, для большого бытия, который звучит насквозь через него (personare), как звучал голос через маску (persona) античного актера. Эта прозрачность проявляется в блеске его переживания и в излучении его появления. Атмосфера, которая окружает самого живого из всех людей, заряжена пульсирующей энергией. Это энергия, которая придает ему объем, который невольно входит в пространство и завладевает пространством. Как только он приближается, другим навязывается ощущение сверхъестественной силы, силы, которая пугает и одновременно принуждает к почитанию, которое одолевает и разоружает без боя, которое хотя и полностью контролируется, но всегда готово к разряду.

Элементарная мощь такого существа с первого раза создает естественную иерархию. Люди, которые меньше черпают из полноты бытия, невольно чувствуют притяжение к тому, который воплощает эту полноту в себе. Они питаются и укрепляются из источника его заряженного силой существа, ищут

поддержку и ориентацию, и готовы жертвовать собой и следовать за ним, чтобы в этой обширной жизни найти смысл собственной, настоящей жизни.

Люди, заряженные мощью своего бытия, это прирожденные властители и короли. Что означает королевская власть по сути, можно прочесть в предствлении индусов о чакраварти (вращающемся колесе). Почему вращается колесо? «Тридцать спиц соединяются в одной ступице, а употребление колеса зависит от пустоты между ними», говорил Лао-цзы в «Дао дэ Цзин».

Согласно Конфуцию, предопределенный для господствования человек в противоположность обычному обладает «принципом прочности и спокойствием вместо беспокойства». От движения он сместился в состояние, которое неподвижно как истинная причина движения. От избытка он перешел к «пустоте», чем добрался до самого внутреннего ядра избытка, также как в пустоте втулки основаны прочность и движение колеса.

Несколько основных символов королевской власти первоначально выражали эту мысль: В первую очередь скипетр, который воплощал твердую прочность зафиксированного в бытии властителя, затем трон, «возвышенное место», полярная функция которого еще подчеркивалась неподвижным сидением на нем. Скипетр и трон образовывали по традиционной символике «ось мира» и король как «вращающий колесо» не только владел силами собственной, низкой природы, но вместе с тем также автоматически жизненными функциями и образами жизни подданных его державы, которым он своим собственным мощным существованием, даже если оно было скрыто в уединенности святого пространства, передавал благословение и порядок. Об этом у Конфуция можно прочесть так: «Тот, кто правит в силу своей небесной добродетели, подобен Полярной звезде. Он твердо остается на своем месте, но все звезды вращаются вокруг него». (Lun-yü, II, 1)

5.2.2. Действие без действия

В тесной связи со способностью совершенного воздействовать только одним своим присутствием, будь оно оживляющим, будь оно уничтожающим, находится часто кажущееся парадоксальным «действие без действия», Wei-Wu-Wei даоистской философии жизни. При этом только обыватели думают про пассивное безделье. На самом деле это самый сильный и самый активный вид действия, который вообще возможен. «Все может быть сделано недействием», говорил Лао-цзы.

Речь идет о действии, которое незамедлительно исходит от ядра бытия, бодрствующее и без едва заметного оттенка между мыслью и деянием. Действительно в этом отношении это недействие, так как мы на Западе «действуем» всегда с определенным усилием, мотивируемые требованием встретиться и подавить сопротивление, чтобы самим чувствовать себя при этом

лучше. Недействие означает конец игры с сопротивлением и самоутверждением, которая лишь уводит нас дальше от истока. Вещи не насилуются, чтобы они «вписались» в определенную умственную схему, зато их делают союзниками, приспособляют свои действия к закону природы и, следовательно, добиваются успеха. Картина опытного всадника может служить для иллюстрации. Действительно опытный всадник не применяет насилия к природе лошади. Хотя он, сидя в седле, является господином лошади, лошадь двигается, не чувствуя принуждения, в полной гармонии с ним. Лошадь забывает о человеке, и человек забывает о лошади, они образуют духовное единство и больше не разделены друг от друга. Для зрителя лошадь и всадник появляются как будто из единственной отливки. Это ощутимый пример недействия или неподвижного движения, которое является предпосылкой для этого. Сердце должно прийти к спокойствию, всякое «прилипание», с чем бы оно ни было, должно раствориться, каждый момент должен стать глубоким как источник, в котором отражаются звезды и внутри них – вечность.

До тех пор пока мы движемся беспокойно, сомневаясь, мотивированные ненавистью или страхом, отображение вещей в нашем сердце также взволнованно и часто неясно, искажено до неузнаваемости. Тем самым и наше действие тоже становится неясным. Если мы противостоям противнику в борьбе и спрашиваем себя: «Должен ли я сделать это теперь так или лучше эдак?», наше поведение заблокировано и рассеяно. Если нас одолевает страсть, мы слепо колем и рубим все вокруг, но попадаем при этом не в противника, а в искаженную картину, которую мы получаем от него, мы поражаем сами себя. Если мы не чувствуем ни радости, ни скорби, ни страха, ни гнева, то сердце абсолютно пусто и не нагружено совсем ничем. Из состояния полного спокойствия и отсутствия желаний просыпается свобода к спонтанному, естественному действию, которое всегда точно попадает в центр: метко, как стрела, точно, как удар резца мастера, уничтожающе, как удар меча и беспрепятственно и легко, как взмах крыльев. По словам Лао-цзы: «Хорошему борцу не нужна никакая сила, хороший победитель не сражается, хороший вождь не направляет, хороший странник не оставляет следов».

5.2.3. Щит

Молчание, пустота, необъяснимость бытия находят свое символическое выражение в оружии, которое служит не нападению, а защите: щите.

Большинство людей презирают искусство борьбы со щитом, так как оно противоречит их естественному стимулу. Они не хотят закрывать себя, не хотят удаляться, они хотят стоять твердо, хотят, чтобы их видели. На основе непреодолимого инстинкта они хотят, чтобы «знали», кто они – или кем они полагают себя быть; то, чтобы знали, когда они действуют, что это они действовали, и чтобы об их качествах как действующих отзывались с большой похвалой. На языке Дона Хуана это стремление значит стать достигаемым. Кто

ставит свое «Я» на передний план ставит, кто кичится своей значимостью, тот становится достигаемым, осязаемым, прозрачным – и вместе с тем зависимым от своего окружения. Обычный человек – с мобильным телефоном или без него – может быть достигнут постоянно, потому что он «прикреплен» к тысяче точек, которые выдают его. Если его знают некоторое время, то заранее знают, как он реагирует на определенную ситуацию и могут воспользоваться его предсказуемыми манерами поведения.

Иначе у совершенного. Когда он полностью удалился в центр, он совсем разрушил зависимость по отношению к людям. То, что они говорят или думают о нем, правильно ли они его оценивают или ошибочно, просто не интересует его больше. Неверное слово, несправедливое действие, даже пощечина не могут вывести его из себя. Он вовсе не существует.

«У бесконечно большого квадрата нет углов, у бесконечно большого резервуара нет объема, у бесконечно большой картины нет формы», говорит Лао-цзы. Пусть те, кому это доставляет удовольствие, пробуют или даже верят, что они могли бы схватить воздух. Совершенный выдернет у них землю из-под ног, да так, что они этого и не заметят. Он может перейти к делу, так, чтобы они не заметили, откуда было произведено действие, да, даже не заметят вообще, что действие было. Если они захотели бы победить его, они не почувствовали бы уязвимого места, не нашли бы сопротивления и, несмотря на это, почувствовали бы силу, против которой они ничего не могут сделать, и которая в первую очередь лишает их даже самой малой возможности для нападения. Совершенный непостижим; он как пропасть, туман, но туман застилает глаза тех, кто наблюдает за ним. Никогда неизвестно, что он делает и что он может делать. Как только поверят, что поймали его, то на самом деле держат лишь его пустое пальто, и он стоит за одним. Вот что значит, сражаться оружием щита.

Щит, наряду с качеством делать недостижимым, может выполнять еще другую функцию. В рассказе о Персее, солнечном князе, у щита есть дар отражать, как зеркало, и он используется, чтобы сломить превращающий в камень взгляд Медузы-Горгоны. Совершенный является зеркалом Вселенной, predetermined для того, чтобы открывать бытие в существовании. Однако, он отражает мысли и намерения того человека, который противостоит ему. Так как его «Я» свободно от омрачений и движения, он может вплоть до самого тонкого волокна отражать добро и зло, откровенность и ложность того, кто приходит. Это не так, что результат был бы представлен как мысль. Тогда его «Я» опять было бы запутано, и его действие несвободно. Это лишь зеркало «себя» внешнего мира, свет, проникающий внутрь, который ведет не к мысли, а к прозрачному знанию и обосновывает безошибочную, точно подходящую реакцию. Мысль и деяние – это одно, и носитель щита никогда не позволит впутаться в действия и эмоции, которые хотел бы навязать ему противник, с помощью которых тот хотел бы подчинить его себе. Он участву-

ет в игре, но только в своих играх, но ясно, дистанцированно и абсолютно безлично, и только он устанавливает правила игр.

5.2.4. Власть

Тот, кто твердо и неподвижно зафиксирован в бытии, чувствует сильный прирост власти. На него не воздействуют, как на обычных людей, зато он воздействует сам. Он существует не при условиях, а безусловно и вместе с тем при каждом условии. Он может достичь всего, чего он только хочет.

Власть, которую так однозначно приобретают, обычно понимается неправильно, из чего иногда следуют опасные выводы. Поэтому к этому пункту еще несколько примечаний.

Сначала: власть не имеет ничего общего с насилием. Здесь царит большая (специально направленная) путаница в понятиях, которая, среди прочего, привела к «негативному имиджу» силы, власти и авторитета. Применение насилия – это всегда признак слабости, бессилия. Тот, у кого есть власть, обходится без насилия, без материальных средств для проведения его власти. И уж точно без денег. Он располагает безличной силой, которая признается бесспорно, которая притягивает, зажигает и побеждает.

Дальше: власти нельзя достичь или к ней стремиться. Инициатический принцип гласит, что «ты не можешь искать власти, а власть должна искать тебя». В традиции власть женственна. Она ищет центр, и тот, кто может дать такой центр в ее распоряжение, собственной неподвижностью, своим отказом, своим господством над собственным «Я», с тем она связывается и тому повинуются, как своему господину. Так же, как вода образует водовороты у опоры моста, которая твердо стоит в потоке, так и аура власти стихийно стягивается вокруг того, кто движется вперед как безличностная сила и не обращает внимания на себя самого. Бытие – это предпосылка для власти. Неподдаваемость впечатлениям, которая не оглядывается в поисках власти, это то, что ее притягивает. От жадности к ней она уклоняется так же, как и женщина уклоняется от преследований отчаянно-жадного любовника.

Тут также становится понятным вид опасности, с которым связана власть. Владение властью, которое он больше не может отвергнуть, представляет собой последнюю большую проверку для мужчины перед его окончательным совершением. Каждая власть для «Я» это как вихрь силы тонкой материи, который фиксируется и связывается перед его качеством «центра». Если «Я» удастся соблазнить властью с корыстными целями, то центр ослабляется и власть вырывает «Я» с собой. Власть и силы превращаются в сущности, которые владеют попавшим под них. В обращении с властью поэтому важен высокий уровень ответственности, а именно, в первую очередь по отношению к самому себе. Совершенствующий себя должен хранить непоколеби-

мость своей середины, в которой воплощается порядок бытия, и которая призывает его стать носителем, хранителем и беззаботным провозвестником более высокой жизни.

6. Opus Magnum – магическое деяние воплощения

Мы хотим еще раз абсолютно ясно показать, что действительно означает магическая мужественность, и как отдельный человек может пробудить ее. При этом нужно обобщить и дополнить практические указания.

Читателю уже должно было стать понятно, что магия, о которой говорится здесь, не имеет ничего общего с тем связанным с ведьмами волшебством, которое обычные люди связывают с их представлением о магии и которое частично поощряет их, использовать для себя те «силы», от которых они ожидают исполнения самых разнообразных желаний.

Разумеется, испокон веков существует также этот вид магии, тем не менее, такая магия ограничивается ремеслом без духовного значения, потому она достаточно часто соскальзывает также в «черные» области. У настоящей полноценной магии (как она традиционно также всегда понималась как «Высокая магия») ее отправной пункт не в голом использовании сверхъестественных сил, а в превращении собственного «Я». Это превращение ведет тогда также к овладению самыми различными силами и способностями, все же, они рассматриваются скорее как побочный продукт процесса, так как они прекращают интересовать в тот момент, когда они становятся ощутимыми. Это тем больше, чем выше развило себя упомянутое лицо, ведь он полагается все же все больше на те области, в которых его привлекают и очаровывают страсти и человеческие-слишком человеческие цели. Для посвященного же польза от его магической операции лежит в совсем другом месте.

Если рассмотреть образ мага в традиции, то бросается в глаза, что при всех иных интерпретациях он поддерживал идеал духовной мужественности. Под этим подразумевается представление о господствующем превосходстве, которое связывало мага с традицией инициатической королевской власти, но также и с духовным полом воина и героя. Не случайно в герменевтике говорят о «Королевском искусстве», которое приводит к завершению «Великое деяние». Что скрывается за этим, указывает как образец свидетельство итальянского герменевта Делла Ривьера, издавшего в начале семнадцатого века

книгу с характерным заголовком «Il mondo magico de gli Heroi» (Магический мир героев). В этой книге магия используется как наименование для искусства тех мастеров, которые умеют открывать себе дорогу в рай, чтобы получить долю от «Древа жизни», которое там стоит в центре. Очевидно, это намек на восстановление природного состояния, т.е. совершенное познание

и самый внутренний контакт с личным центром, как он представляет собой цель истинной и настоящей инициации.

Это полностью соответствует стремлениям герметичной алхимии, где говорится о постоянном очищении, промывании, умерщвлении или сложном превращении неблагородно «запятнанных» металлов в «благородное золото» или «чистое солнце». Шифрованный текст металлургии не хочет описать ничего другого, как то, чего требует древний китайский текст «Золотого цветка»: «сохранение середины» или «поиск господина», который сравнивается с «полярной звездой», «вокруг которого кружится небо».

Задание настоящего мага, таким образом, состоит в том, чтобы раскрыть самого себя, стремиться к своей подлинной природе. «Познай самого себя», «сотвори себя заново в силе солнца», так звучит неопровержимое требование.

Солнце, центр нашей личности, укутало себя «тенью» в состоянии материального тела. Это «дымовые клубы незнания», которые по индийскому учению, как змея, затемняют «чистый огонь атма». От этой тени, волшебного притяжения окружающей его и пронизывающей земной оседлости, оно может и должно освободиться. Но речь не о том, чтобы осуждать тело или индивидуализацию, как это делает определенный вид аскетизма, и не о том, чтобы убежать от телесности, чтобы раствориться в бесформенной, безграничной нирване. Высокая магия хочет лишь создать определенное, правильное отношение к материальной форме проявления. «Я» не может быть рабом тела, когда оно сливается с его потребностями, желаниями и глухим отчуждаемым сознанием и теряет тем самым свое настоящее сознание. Оно не может, как Нарцисс, погибнуть «смертью» в «воде», когда тот склоняется над собственным отражением и, влюбившись в самого себя, от этого гибнет. Мы бесконечно больше и могущественнее, чем маленькое ограниченное эго, с которым мы постоянно путаем себя, которое хоть и является отражением более высокого, но как раз только отражением, неоднократно искаженным и сломанным в среде этого мира. И задача в том, чтобы заново открыть первоначального, «прямого» человека перед «созданным водой изображением», ограничениям которого он покоряется в состоянии идентификации, и снова восстановить его преимущество, которое принадлежит ему как определяющему принципу.

Это означает то же самое, что и снова восстановить господство светлого принципа Янь в виде света, потерянное под влиянием «нижней воды». Образ, который используется в трактате о «Золотом цветке» для возвращения к себе, – это как раз образ властителя, который после своего свержения возвращается на трон, оканчивая этим незаконное правление мятежного полководца, который воспользовался его слабостью, после чего подданные снова ему охотно повинуются.

В «Великом деянии» самая тяжелая часть состоит в том, чтобы разорвать оковы, из-за которых само подлинное «Я» страдает от болезни «Я», того состояния духа, который так сильно идентифицируется с конкретным телом и его преходящим своеобразием, что оно при изменении сознания реагирует криками и страхом смерти. В действительности, преодоление «Я» – это убийство, активное разбивание того, что человек считал центром своей жизни. Для перехода от внешней временной к внутренней и вечной природе часто используется символика судоходства – пересечение «Великого» или «Красного моря». В египетской традиции говорили о «солнечной барке», которая пересекает «праокеан» и направляется Гором, Богом воскресших.

Чтобы перенести изменение без опасностей, необходимо, чтобы «Я» во все новых глубинах связалось с лежащим в его основе «Самим Я». Медленно, но все интенсивнее должны укрепляться силы центра. Личность должна разрабатывать силу, которая позволит ей проломать саму личность. Это предпосылка. Если ядро связано еще не твердо, развязывание ведет не над, а под то состояние, из которого исходили, и заканчивается нередко в смерти, безумии или одержимости.

Инициатическая традиция в этой связи говорит о «мягком огне», который должен быть пробужден, огне, который горит, но не сгорает. Под этим подразумевается «энтузиазм духа», который собирается в себе самом как в одном обвитии, одном размышлении, одном кормлении, одном кипении и одной «любви». Однако огонь должен «готовить» медленно и очень постоянно, чтобы «убийство» и откровение света смогло произойти. Всякая поспешность пагубна и приходит, как говорили древние, «от дьявола».

Тем самым соединение с дисциплиной предлагает свои услуги определенности и ясности. Метод медитации как тихого сидения для опорожнения духа уже обсуждался. Дальше нужно упомянуть метод йоги, прежде всего, хатха-йоги. Йога значит «иго» и указывает на обратную связь человека с его божественным происхождением. На протяжении веков скрытая практика, которая передавалась под печатью самой строгой скрытности только устно от мастера к ученику, считается наиболее основательно исследуемой дорогой к более высокой ступени сознания. Конечно, йога дает каждому только то, к чему он уже готов внутренне. Когда на Западе йога практикуется как что-то вроде фитнес-программы, как средство для повышения производительности, что, в конечном счете, однако, только глубоко впутывается в злосчастье будней, которых пытаются избежать, то это прекрасно подходит для «эзотериков» подобного рода. Ценность йоги находится совсем не там, и при правильном занятии упражнения йогой это не меньше, чем гимнастика, но своего рода медитация.

Решающую роль тут тоже играет совершенная концентрация, а именно на каждой фазе движения. Существенная часть принимаемых поз (Asanas) – это

пребывание в абсолютной неподвижности, которое не должно вызывать ни малейших усилий. Йога – это чисто духовная дисциплина, которую можно доводить до совершенства всю жизнь. Целью является абсолютное господство духа над телом. Ничто не производит более сильное впечатление, чем наблюдать за настоящим мастером хатха-йоги во время его упражнений. Ни перерывы, ни спешка не мешают последовательности его движений, которые подобны спокойно протекающему потоку. Дыхание идет легко и без труда, приводимое в самые сложные позиции не мышечной силой, а только силой духа.

Для начинающего следует рекомендовать курс «Ришикеш», преподаваемый Свами Сивананада, состоящий из девяти точно следующих друг за другом поз. Так как ошибки могут привести к разным нарушениям, йогу нужно учить не по книгам, а в школе (где, правда, тоже можно потерпеть неудачу).

В этом месте нужно описать дыхательное упражнение, связанное с определенной визуализацией, которому учат довольно редко, но оно может обладать сильным инициатическим действием. Примите полностью или наполовину позу лотоса или сядьте с прямой спиной на стул. Сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов через нос. Остановитесь с дыханием на половину высоты и дотянитесь правой рукой до носа. Большой палец и безымянный палец вытянуты, указательный и средний палец загнуты. Большой палец кладется в правую ноздрю, так что при теперь происходящем выдыхании воздух выходит только через левую ноздрю. Втяните воздух посредством брюшного дыхания той же ноздрей снова, до тех пор, пока пространство груди не наполнится примерно на три четверти. Остановите дыхание примерно на четыре секунды и закройте безымянным пальцем также другую ноздрю. Мускулатура заднего прохода и таза слегка сжимается в этой фазе, чтобы кислород оставался как можно более полно в теле и смог оживить все клетки. Срок остановленного дыхания может продлеваться с некоторым упражнением до 12-16 секунд. Во время задержки дыхания представляйте себе светлое, сияющее солнце в первой чакре в нижнем конце позвоночника. Потом уберите большой палец и глубоко и медленно дышите через правую ноздрю. Правой ноздрей снова вдохните, нос держите закрытым, еще раз вообразите солнце в корневой чакре и выдохните левой ноздрей. Выдох дольше вдоха и должен сопровождаться представлением о полной очистке тела.

Левой ноздрей снова вдохните, закройте нос, мускулатуру заднего прохода и таза и вообразите солнце во второй чакре на высоте крестца или в нижней части живота. По очереди солнце поднимается всеми чакрами, в следующий раз в солнечном сплетении (шириной в два пальца над пупком), потом в сердечную чакру (середина груди), тогда к горлу, в середине головы (между бровями) и, наконец, к макушке или на ширину ладони над нею. Каждая чакра активируется от двух до трех раз.

Целью этого упражнения является освобождение мужского Янь из нижней области тела, местонахождения страстей или тупой вегетативной жизни, в которой оно, согласно учению йоги, пленено как в тюрьме.

Не падайте духом, если вы сначала можете воображать солнце только слабо или вовсе не можете. Способность представлять его образно и пластично, по прошествии некоторого времени становится настолько сильным, что вы даже чувствуете его тепло. Как известно, йоги могут упражняться при самом жутком морозе и заставляя снег вокруг себя таять. Важно знать: Воображение – это не самогипноз. Воображать значит сотворить. Если удастся точно зафиксировать состояние сознания, то первый шаг для его исполнения уже сделан. Дух становится материалом и принуждает материю в любом направлении. Попеременное дыхание нужно проводить либо утром, при восходе солнца, либо вечером, при заходе солнца. В эти времена вы принимаете «живущее», насыщенное силой Янь дыхание, тогда как в течение дня атмосферу определяет преимущественно «мертвое» дыхание Инь. Лицо должно быть повернуто в направлении всходящего или заходящего солнца. К подкреплению вашего Янь-потенциала вы также можете заниматься карате. На первый взгляд насильственные движения толчков и ударов в их завершении становятся такими же легкими и простыми в исполнении, как «асана» и только вследствие этого развивают полноценное воздействие.

Если мастер демонстрирует Kata (проводимую в ходе движения комбинацию различных техник нападения и защиты), это выглядит так, как будто ничего на свете не могло бы уже затормозить его. И так это и есть на самом деле.

Как следующее мы можем рекомендовать упражнение, о котором сообщил барон Ханс Хассо фон Фельтхайм-Острау в своем замечательном труде «Дневники из Азии». Оно – в какой-то мере магическое основное упражнение. Возьмите кусок белого картона минимум 40 x 50 см и нарисуйте в его середине круглое черное пятно примерно 6 см диаметром. Укрепите картон на стене, перед которой вы сидите на расстоянии примерно одного или полутора метров, немного выше уровня глаз. Сядьте прямо и с расслабленными мышцами. Сконцентрируйтесь сначала на вашем дыхании, которое должно быть медленным и глубоким. Затем, продолжая равномерно дышать, посмотрите на черное пятно и попытайтесь моргать как можно реже. Отпустите все мысли. Смотрите внимательно на черное пятно и выжидайте, изменится ли оно. Сначала упражнение не должно длиться больше четверти часа. Фон Фельтхайм-Острау пишет: «Успех упражнения сообщает о себе через несколько дней или позже посредством того, что черный цвет пятна меняется на другой цвет. Если изменение произошло, то нужно рисовать новое, вдвое меньшее круглое пятно и разучивать снова то же самое, до тех пор, пока не произойдет другое превращение черного цвета. Затем нужно продолжать каждый раз уменьшать размер пятна вдвое, пока не останется лишь только

крохотная точка... Она превращается... сначала в светящуюся звезду, потом во что-то, что могло бы сравниться с восходящим солнцем...»

Это упражнение служит для того, чтобы собрать Янь, который в состоянии зависимости от внешнего мира направлен к нему и «рассеян», в то время как позволяют ему вращаться вокруг себя самого. Ориентировать самого себя на становящуюся все меньше точку – это вспомогательное средство, ведь точка это тот образ, в котором разнообразие еще не проявилось. Пролом уровня демонстрируется в «открытии» точки, в которой обнаруживается кристаллизация света собственной внутренней середины.

Успех этого упражнения, как и у всех других медитационных и созерцательных упражнений существенно зависит от того, что нельзя искать успех. «Действие в недействии», как говорят на востоке. При этом также важен терпеливо выполненный ритм, постоянное повторение. Только если мозг потерял интерес к уже известному и повторенному представлению – без того, чтобы концентрация ослабела – в нас может начинаться спуск. В состоянии тишины дух падает глубоко в себя самого и узнает себя.

Следующее упражнение происходит из рунной магии. Его предметом является первая и самая важная руна, руна Is. Как вертикальный жезл она воплощает магическую силу личности. Каждый мужчина – это живая руна Is, знает ли он это или нет. Лучшее время – это также здесь час восхода солнца. Станьте прямо, ладони слегка прижаты к телу. Полное дыхание – при вдохе сильное представление, что вы принимаете силу солнца. При короткой задержке дыхания представление, что сила вращается в теле и принимает все шлаки. При выдохе представление, что насыщенная сила покидает тело во всех направлениях и уносит все нездоровое с собой.

Упражнение может усиливаться тихим произношением «Ииииии» при вдохе и выдохе. Высота и чистота звука тут не имеет значения. Следующее усиление – вытянуть правую руку вверх, указательный палец распрямлен, остальные пальцы скрючены вокруг согнутого большого пальца. Если после нескольких повторений достигается заметный нагрев пальца, это показывает, что упражнение удалось. При этой позиции входящий поток энергии самый сильный. Солнцу, конечно, не требуется сиять обязательно с безоблачного неба.

В заключение рекомендуется пение мантр. Мантры это слоги или звуки, которые связывают нас с уровнем тонкой материи. В мантрах раскрывается сама суть вещей (которая не охватывается в ее материальной форме и обычном наименовании!). Особенно действенен святой слог «ОМ», пра-слово, причина сущности всех вещей. Сядьте в позу лотоса. После глубокого вдоха задержанный воздух вытекает и приводит голосовые связки к колебанию с помощью звука «ом». Звук должен быть как можно более глубоким и равномерным. В последней трети выдоха закройте рот и напрягите брюшную му-

скулатуру, чтобы извергнуть последние остатки воздуха со звуком «мммм...». Это «мммм...» должно гудеть в черепе. Сконцентрируйте ваш дух на звуке, которым были созданы миры. Но не стройте иллюзий. Письменные источники свидетельствуют, что можно повторить мантру хоть миллион раз, но если это происходит механически, она остается безрезультатным движением губ. То, что ставит мантру под энергией, это духовная сила ее произносящего, которая связывается с его собственным потенциалом, что увеличивает силу и таким образом вызывает «скачок уровня» во внезапном озарении «я понял».

Пока этого хватит. Дорог много, но центр один единственный. Отправляющийся в путь отыщет еще следующие «магические упражнения», но лучше хранить верность двум или трем из них, чем нетерпеливо прыгать от одного к другому. Впрочем, мы повторяем, что магическая мужественность тоже вовсе не может быть «разучена», а может быть только пробуждена. Всех упражнений касается, что определенно говорилось о мантрах: то, что их нужно рассматривать как «повторяющееся торможение спящего, пока тот проснется».

Здесь выбранная дисциплина будет дополняться при случаях открытия, которые предлагает сама жизнь: через мужественный конфликт со всеми страхами, общим ключом которых является страх перед смертью. Не уклоняться от неприятных и роковых ситуаций, а искать их. Особенно если это требует чести, глубокого и беспристрастного чувства смочь быть честным самому себе только таким путем. Жизнь как вызов. «Наслаждаются самим собой лучше всего в опасности», говорил Наполеон. Это значит: человек «опьяняет» себя в собственном божественном, перед лицом смерти бессмертном «Я». Если это даже лишь приближение к себе, стремление к центру: само изменение, настоящее, всегда будет скачком. Это «укус гадюки». Ставшая тонкой стена тумана разрывается, и природа Солнца или золота пробивается в своем полном великолепии. – Прекращение иллюзии. Проснувшийся видит свою самую внутреннюю сущность и вместе с тем судьбу всей сущностей и вещей. Центр свяжется с универсальной, не-становящейся природой и будет тянуть из этого божественную силу, которая выражается в чудесных силах. Тот, у кого есть «сила», может воспринимать вещи в их непосредственной действительности и владеть вместе с тем всей природой. Это и есть «магическая мужественность»: спуститься в глубины собственного существа, узнать искру вечного света и действовать и творить от имени силы божественной искры.

III ГЛАВА. ОТНОШЕНИЕ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

1. Эротическое притяжение

Из того, что мы говорили о пути мужчины и природе полов, само собой вытекают некоторые последствия для создания живого и наполненного смыслом отношения мужчины и женщины.

Сначала важно понять, что вообще притягивает мужчину и женщину друг к другу. Что такое собственно человеческая сексуальность, эротика – как осуществляется таинственная, приносящая счастье, непреодолимая сила притяжения, которая настаивает на соединении двух тел и кует узы сексуальной любви? Странно и снова характерно, что при всем научном обсуждении и обсасывании этой темы вплоть до самых отдаленных ее сторон этого самого интересного вопроса избегают, и этот недостаток, по-видимому, даже вовсе не замечают.

Хотя напрашивается подозрение, все же, что ответ на этот вопроса мог бы бросить мощный луч прожектора в джунгли человеческих отношений, в которых все больше проявляющих готовность к соединению людей заблуждаются настолько сильно, что недавно один немецкий информационно-политический журнал вполне в серьезном тоне размышлял, подходят ли вообще мужчины и женщины друг к другу.

Как было сказано, решающий вопрос не задают, по меньшей мере, его больше не задают заново. Довольствуются биологически обусловленными моделями объяснения, созданными в прошлом веке. Машинально даже сегодня говорят еще об «инстинкте размножения», как будто мужчина и женщина соединяются только потому, что их захватывает идея произвести на свет ребенка, или носятся с гормональной теорией, которая объясняет сексуальное возбуждение только как последствие выброса гормонов. В последнее время сексуально-специфические душистые вещества выводятся на передний план. Однако, физиологическое объяснение, как бы по-научному оно ни звучало, – это только кажущееся объяснение, ибо она не делает различия между тем, что стимулирует сексуальность («увеличение гормонов» или душистые вещества) и тем, на чем она основывается, что составляет ее определяющее содержание.

Что касается условий в смысле простого стимулирования, то роль гормонов могли бы играть также определенные другие субстанции, начиная с алкоголя. Но с этим настоящее в сексуальном переживании не охвачено. Производить причинную связь с биохимией так же наивно, как будто утверждать, что открытие шлюза является причиной появления воды, выливающейся через отверстие.

Теории либидо, к которой аналитики охотно возвращаются, нужно отдать должное в том, что она понимает сексуальность как самостоятельный, психический и элементарный импульс. Связь либидо с физиологическими процессами не рассматривается как неизбежная. С другой стороны, она не умеет объяснять специфический элемент «желания» (похоти) иначе, чем будто это осуществляется как действие-реакция. Желанием это просто чувство облегчения, которое возникает из-за прекращения напряжения, разгрузки накапливающей энергии либидо. Этот момент, конечно, не несущественен в сексуальном переживании, однако, он тут представляется в качестве решающего, телесное соединение снижают, так сказать, до мастурбации вдвоем, при которой каждый партнер наслаждается сам для себя и не уважает реальность другого. Такие грубые формы любви, естественно, тоже существуют, прежде всего, во время, когда люди торопятся и стремятся к личному преимуществу.

Тем не менее, тайна Эроса не может быть объяснена такими объяснениями. Она не объясняется ни механистическими, ни биологическими воззрениями, наоборот, она испаряется, так как Эрос живет на той стороне человеческой жизни, которая является невидимой и поэтому не достижима для чисто научного подхода. Элементарному импульсу, который притягивает мужчину и женщину друг к другу, должна присуждаться собственная независимая от простой биологии реальность.

По древнему учению, которое было представлено на Западе вплоть до эпохи Возрождения, при встрече индивидуумов обоих полов возникает особая энергия, нематериальный «флюид», который в восточной традиции также называется «цин». Этот флюид ничто иное, как энергетическое напряжение, которое вызывается полярностью между Инь и Янь. Все естественные силы устремляются между двумя полями. Северный полюс и Южный полюс Земли создают магнитное силовое поле, положительный и отрицательный полюса штепсельной розетки или батареи делают возможным электрический ток. Тем же способом мужской и женственный полюс между двумя людьми сотворяют поток сексуального чувства. Напряжение выглядит тем сильнее, чем в большей степени индивидуумы воплощают в себе свой пол, мужчина принцип Янь и женщина принцип Инь. Уже присутствие человека противоположного пола, особенно в закрытом помещении, может пробудить силу «цин», которая испытывается как своеобразное колебание, как диффузное опьянение или желание. Почти каждый знает эти состояния из своего опыта. Сила может принимать различные ступени и интенсивность, увеличивается обычно при физическом соприкосновении (от рукопожатия до момента поглаживания или поцелуя) и достигает своего временного апогея в переживании телесного соединения. Однако в нем и наряду с ним существуют еще следующие ступени, которые более или менее принадлежат к области сексуальной магии в специфическом смысле.

В остальном можно в самом общем плане говорить о магии пола, так как притяжение осуществляется «сверхъестественным», не осязаемым и, тем не менее, абсолютно действенным способом. Эта магия также является предпосылкой лично созданной любви. И если у науки есть, возможно, также трудности с этой точкой зрения, то, все же, она, безусловно, подтверждается мудростью народа и переживанием отдельных людей. Если отсутствует флюид, «определенное что-то», то знаменитая «искра» не появляется, это общепризнано. Так же говорят, в большинстве случаев не понимая это слово, об «очаровании», которое исходит от мужчины или женщины – чем подхватывают обычный в древности термин, обозначающий колдовство или чары. Универсальный язык любящих тоже очень давно знает, о чем тут идет речь: «Ты у меня в крови», «Я чувствую тебя в моей крови», «Я всегда думаю о тебе», «Я безумно влюблен, потерял голову от любви» – все это известные, почти стереотипные выражения, которые выражают факт, который гораздо существеннее и положительнее, чем все то, что рассматривает общепринятая сексология: мощное, стойкое, также происходящее вопреки воле психическое привязывание к человеку, магнетическое притягивание.

Естественно, при любви или влюбленности играют роль также и другие факторы, кроме голы элементарной силы стихии, которая притягивает мужчину и женщину друг к другу. Это особенно касается «цивилизованных» обществ. На эротическое притяжение здесь влияет множество индивидуальных и социальных факторов, от расположения к определенному «типу» так же, как и принадлежности к определенной расе, классу, вплоть до правильной машины или правильной моды. Все же, как и при гормонах, здесь нужно делать различие между тем, что обуславливает и тем, что определяет. Если машина должна функционировать безупречно, она должна состоять из определенных дополняющих друг друга деталей – это условие. Где, однако, отсутствует движущая сила, там даже самая совершенная машина стоит без движения. То же самое действует для всей той обусловленности – от особенных духов до неотразимых глаз, от милых кудряшек до духовного сродства – которое ведет, наконец, к партнерству. Если притяжение отсутствует, искра не проскакивает, и любовь не осуществляется даже при исполнении самых оптимальных предпосылок, так что тогда, во всяком случае, получают симпатия или товарищество. Снова показательно то, что бывают случаи, в которых Эрос мгновенно взрывает ко всем чертям всю сложную надстройку культуры и индивидуальных фиксаций и как раз в этом демонстрирует свой истинный первоначальный характер. Шамфор относительно этого говорил о «божественном праве» любви, по которому истинно любящим позволено быть «против закона и человеческих условностей».

2. Бедствие Эроса в наше время

Теперь нужно согласиться с тем, что «божественное право» любви в нашем эгалитарном, зацементированном ровным слоем современном ландшафте все

больше побеждает только у редких индивидуумов и преимущественно предлагает до пошлости засахаренный материал определенной придворной литературе и героической литературе как и окруженным романтическим ореолом слезливым песням для собственного выживания. Помимо этой удаленной от мира крепости Эрос как все преодолевающая страсть или движущая сила для возвышенных действий, как он воодушевлял, например, рыцарей средневековья, представляет собой скорее (подозреваемый в патологии) единичный случай. Также как и у вдохновляющего доброго гения, который окрылял поэтов вроде Данте или Гёте и даже у самого посредственного юноши водил пером для нескольких корявых строк, его действие кажется сломанным. Сегодня «oiseau rebelle», «бунтарская птица», как воспевала его Кармен, стала похожа на ручную канарейку, тонкое оперение которой, даже если она его широко растопырит, не в состоянии разжечь любовное опьянение, то воодушевляющее восприятие Нового бытия и Бытия нового в мире, которое было издавна связано с состоянием любви, символом которой не зря было пронзенное стрелой Амура – и тем самым освобожденное сердце. Естественно, и сегодня еще есть «любовь», но есть ли у нее еще та «божественная искра», которая делает мужчину героем или подлецом и уносит девушку в рай ее снов? – Здесь без сомнения совершилось изменение в формате. «Твой взгляд, содержат больше чем вся мудрость этого мира», говорил Фауст маленькой Грете. – Представьте их обоим сегодня за партой или в аудитории университета, то они найдут сухой материал профессора гораздо более волнующим, чем взаимные признания в любви. Еще 30-40 лет назад считалось чем-то вроде биологической судьбы, что девочки, которые в школе опережали мальчиков, в определенном возрасте отставали, так как становились жертвой мечтательных мыслей. Сегодня оба пола рвутся ради «пунктов», как будто они не знают, что они все равно никак не получают больше место работы. Кроме того, любовь также в более расслабленных ситуациях один из пунктов досуга среди многих других. Любовь не умерла, о, нет, просто она уже больше не сила, которая «схватывает» людей. Скорее, это ее саму схватывают и «делают»: после завершения работы для снятия стресса, для содействия кровоснабжению или пищеварению (от этого также становятся красивее) или просто для развлечения – «just for fun».

Это все очень практично и не должно осуждаться, только нужно понимать, что Амур, лишенный стрел и крыльев, уже не Бог больше, и что это как раз и есть та точка, в которой вопреки мнимой гуманизации и сглаживанию расширяющегося за пределы пола «зажигательного вещества» сперва загорелся – настоящий кризис в отношениях мужчины и женщины. Это становится понятным, если проследить за корнем опошления Эроса, который нужно видеть во все более сильном нивелировании полов. Если мужчина становится все более женственнее, а женщина становится все мужественнее, сильные чувства пропадают, так как вообще исчезает сексуальная сила притяжения. Однако исчезают не только любовь и страсть, непрерывно пропадает вся связующая масса, которая удерживает отношение. Так как отноше-

ние живет как раз «связью», энергиями, исходящими из живого поля напряжения, противоположными, но дополняющими друг друга. Каждая молекула, каждый атом удерживаются этим видом соединения. Если это «привлекательное различие» отменяется, если мужчины и женщины даже в мгновения интимности цепляются за «политкорректное» равенство, то больше нет никакого «друг с другом», а только «друг около друга», соглашение двух приятелей потереться половыми органами друг об друга в кровати. При первом порыве ветра это «друг около друга» превратится в безжалостное «друг против друга», что постоянно доказывают крахи развода с их борьбой за самые мелкие преимущества.

Однако, отношение людей без отношения (к партнеру и к собственной сексуальной природе) потерпело неудачу уже перед разводом. Чисто внешне это видно по «любовным интрижкам», которые и мужчины, и женщины практикуют сегодня все больше и радуются, что характерно, освежающей невинности. Пары в куче объявлений ищут «единомышленников», агентства предлагают подходящих ловеласов, и средства массовой информации по возможности помогают представлять «походы налево», которые служат только удовольствию, в качестве абсолютно нормальных – при условии тотального уничтожения Эроса так и есть на самом деле. Люди, которые больше не умеют вступать в отношения, также не способны к греху или к настоящей измене, достаточно только для мелкой испорченности, из-за которой действительно не стоит чувствовать угрызений совести.

Так получается, что наше время вопреки бесконечной свободе перемещения и устранению почти всех запретных барьеров, собственно, не является временем развратных излишеств и распутства. Их сексуальность не переворачивает и не захватывает с собой людей, как случалось в другие переломные времена. Страсти больше не разжигаются. Сексуальность во всех своих видах и вариациях является организованной, поддающейся расчету частью «квадрата плана жизни», потому что она, лишенная элементарной стихийной силы напряжения, теперь только обессиленная и хилая сексуальность.

Упадок ускоряется за счет ее промышленного оприходования. В тысячах форм секс владеет сегодня фильмами, рекламой, всей ежедневной жизнью современности. Витрина киосков трескаются от голого мяса, уже после обеда голые сиськи прыгают в телевизоре и ведущие «ток-шоу» соревнуются между собой за рейтинги с помощью скользких речей. Но постоянно жадное освещение, выставление на показ и забалтывание убивает секс, который по своей сути должен действовать с напряжением, скрытностью и тайной. Исходящее из этого требование все большего и все более острого обуславливает сексуальную распродажу.

Непристойное, нашпигованное всяческими техническими изощренностями продолжительное «опрыскивание» привело к настойчивому перенесению

секса на абстрактный уровень представления. Чувства притупились, но дух, фантазия постоянно в беспокойстве. Жертв этой интеллектуализации лишает покоя диффузного, хроническое возбуждение, почти независимое от каждого конкретного удовлетворения. Сегодня о сексе думают гораздо больше, чем в более ранние времена, когда сексуальная жизнь была менее свободной и можно было бы ожидать того плен духа, который характерен, однако, как раз для наших дней.

«Секс происходит в голове», говорят хорошо информированные и даже еще и гордятся этим увечьем. Уже Ницше думал, что голова холодна, но сердце должно быть горячим. Холодное сердце, в сочетании с порнографическим перегревом головы являются существенной составной частью сегодняшнего эротизма. Эротизм, который обещает все и не соблюдает никаких обещаний, потому что производит постоянную жажду, которая не находит удовлетворения.

Здесь лежит причина следующего типичного явления нашего времени, что именно желание удовольствия или удовольствие в желании сопровождается растущей сексуальной фрустрацией. Никогда еще не была потребность в тотальном эротическом переживании, в глубине и страсти столь неотложной, как сегодня. И никогда еще эта потребность не разочаровывалась регулярно так сильно. Тут как раз недостаточно менять партнера ввиду бесконечных ожиданий на другую модель, которая обещает больше. Собственную импотенцию человек таскает за самим собой. Также при странных расположениях, обещающих «ультимативный кайф», человеком овладевает пустота. Как раз там. Последствиями являются сексуальная досада, плохое настроение и недоверие по отношению к другому полу, который якобы оказался не способным.

Между тем, недоверчивы и замкнуты не только те, которые потерпели неудачу при гонке за сексуальным наполнением, но также и относительно цельные натуры (невинных сегодня больше нет). Странная заблокированность, открытая или латентная вражда полов больше не зависят от опыта отдельного человека. Она давно уже стала хронической и всеобщей. Как ядовитое облако висит она над индустриальными обществами, питает себя из собственного сексуального бессилия, как и из опыта, что «другой» не в состоянии предложить одному что-то существенное. Только из-за пустяка другой пол действительно становится «другим», а именно чужим полом, против которого направляется гнев разочарованной, глубоко засыпанной внутренней природы. Прежде всего, этот гнев приходится чувствовать мужчинам.

Сегодня в большинстве случаев на развод подают женщины, хладнокровно, часто даже не объясняя мужу причину этого. Женщины позволяют делать себе искусственное оплодотворение, или «используют» мужчину, чтобы родить ребенка, затем они посылают его к черту. Женщины становятся лесби-

янками, так как женщины «намного нежнее». Женщины взрываются, если мужчины делают попытки сближения или хотя бы говорят безобидный комплимент, который раньше льстил бы им (в латиноамериканских странах еще сегодня), женщины создают себе собственные книжные магазины, стоянки, бюрократии и автобусы для женщин. Они лезут вверх по карьерной лестнице и конкурируют за работы, принадлежавшие раньше мужчинам (только чисткой канализации они пока еще пренебрегают). – С такими и похожими действиями миру мужчин передается четкое послание: «Вы нам не нужны!» Иногда слышен даже высокомерный вопрос: «Зачем вы вообще существуете», вопрос, который весьма смущает фиксированного на зачатии самца.

Современная, эмансипированная женщина, таким образом, уклоняется от мужчины, психически и все больше также физически – что является еще одной чертой сексуальной среды нашего времени. В то время как она уклоняется, однако – и это тоже характерно – она въедливым образом остается. Наше время стоит под чарами секса, и женская холодность смиряется безжалостно с конвейером коммерческого потрошения. Однозначно именно женщина стоит в центре диффузной чувственности, факт, который необязательно является само собой разумеющимся. Возбуждающие мальчиков типы женщин, тщательно отобранные и всевозможными способами продемонстрированные, преследуют одну только цель: опутать разочарованного мужчину и отравить сексуально. А именно так, что в них не мнимая тень коммерческой эротики – все обещать и ничего не дать – бесстыдным способом поднимается до приносящей прибыль программы. Играют с открытыми картами: современный секс – это секс не для того, чтобы схватить, а чтобы возбудиться.

»Don't touch« – «не трогай!» называется высшим правилом. Это секс стриптиза, женского белья, рискованной и рафинированной презентации. Или стерильный секс пип-шоу, видео и киберпространство. Сам женский тип – это программа: Уже со времен «божественных» Греты Гарбо или Марлен Дитрих во все новых тиражированиях мы имеем дело с одним и тем же образом: бледной, белокурой и жестокой женщиной, производящей впечатление не своей очаровательной женственностью, а неприступностью и холодом. Этот тип представляют женщины, лишённые, собственно, излучения и в личной жизни большей частью фригидные. Только с огромными техническими издержками, которые ставят их на сцену на всех континентах, они получают тот нимб, душное действие которого видно уже по одной оценке того, чем они действительно владеют и что составляет их единственный жизненный смысл: бесстыдно выставлять себя на показ и соблазнять мужчин по всем правилам искусства.

Идолы обобщают дух времени подобно фокусу и этим усиливают его еще больше. Появляется все больше молодых женщин и девушек, главный интерес которых направлен на то, чтобы выставлять свои физические прелести

на показ, «цеплять» мужчин и предпочитать удовлетворение, которое они получают от этого, удовлетворению от нормальных и конкретных сексуальных переживаний. Этот перенос сексуальности, который может идти рядом с бесчувственностью или даже невротическим отвержением по отношению к физическому акту, связан с тем, что психоаналитики обозначают как аутистские разновидности либидо. Насколько модным стало полное наслаждения «вращение вокруг самого себя», можно наблюдать на каждой дискотеке. Оставаться равнодушными и наслаждаться своим действие также имеет отношение к очарованию власти. Прежде всего, до тех пор, пока мужчины участвуют в игре и не предпринимают ничего, чтобы вернуть женщин назад на землю сексуальных фактов. В этой игре мужчины, из похоти которых извлекают пользу, это «свиньи», которые хотят «только одного», тогда как женщины берут на себя чистую и благородную роль. В видеоклипах какой-то «девичьей группы» можно видеть мужчин, сидящих за решеткой, которые бессильно протягивают руки к пробегающим мимо «девочкам», или мужчин, которых, привязанных к доскам, грузят на крышу машины девушек и куда-то увозят. Все это только игра и шутка, или все же скрытый смысл?

3. К положению женщины

Уравнивание полярности мужчины и женщины не только растворило соединения и извратило сексуальную жизнь, оно вызвало также женское движение, которое подняло «борьбу полов» на идеологическую основу.

Вообще господствует представление, будто в случае западноевропейской «эмансипации» речь шла об освобождении женщины из мужской зависимости и порабощения, о достойном одобрении события нахождения женщинами самих себя. Насколько сильно это не выглядело бы так на первый взгляд или вообще было справедливо в единичных случаях, с энергетической точки зрения положение выглядит все же несколько иначе.

Как доказано, женщины захотели «освободиться» только тогда, когда упадок мужского доминирования был уже окончательно предрешен в ходе промышленной революции. Предрешен не внешне, а в субстанции, которая оставляла пустые формы и пустой пафос. Только ослабление мужской энергии, которая больше не могла наполнить свои права – не говоря уже об ее непреодолимой силе – вызывало реакцию женщин. Причем с естественной закономерной неизбежностью. Как только один полюс изменяется в магнитном напряжении, другой полюс изменяется автоматически. Утрата мужественности современного, материализованного мужчины должна была повлечь за собой роковое усиление мужских долей на стороне женского мира. Как происходит также в каждой двойной связи: Чем слабее становится мужчина, чем больше он теряет энергию и инициативу, тем более энергичной будет женщина. Не бывает одинаково слабых партнеров.

При всей неизбежности развития «победы» женского движения приобретались дорогой ценой, что постепенно начинает ощущать теперь также современная, психически расшатанная женщина. Они приобретались ценой отказа от самой себя, ценой излишнего проникновения мужских элементов в собственную сущность.

То, что праздновалось как победа, было, собственно, панихидой.

Так называемый феминизм, выдающий себя за освобождение подавленной личности, не мог дать женщине никакой другой личности, кроме плохой копии мужской. «Традиционная женщина, абсолютная женщина, находила удовлетворение в преданности, в жизни не для себя самой, а в том, что она в простоте и чистоте хотела быть всем для другого существа». (Юлиус Эвола) Вследствие этого она осуществляла себя саму, у нее был «ее собственный героизм и она стояла, в принципе, даже выше чем обычный мужчина. Современная женщина разрушила себя саму, когда она захотела быть для самой себя», должна была стать для самой себя. Ибо мужчина промышленного общества, гонящегося за результатом, больше не был достоин доверия. Он больше не был мужчиной, который покоился в себе самом, в глазах которого отражалось небо, пашня, ремесло и гордость нетребовательного, однако независимого существования. Он стал придатком машины, механизированный и прирученный мужчина, и как таковой не мог предложить места для развития. Никогда у женщины, которая может доверять силе мужчины, которая чувствует себя удерживаемой, в надежности и сексуально удовлетворено, не бывает желания эмансипироваться. Ее стремление к самостоятельности – это последствие разочарования. Только сомнительность мужчины приводит женщину к тому, чтобы мериться силами с ним, захотеть превзойти, обставить его, чтобы достичь силы, которую она не находит у него. То, что в случае с мужчиной, с которым она соревнуется, речь больше не идет о настоящем мужчине, а о мужчине из реторты, о марионетке стандартизованного общества, она сознает лишь в недостаточной мере. И таким образом она бросается в ту же яму наемной работы, зарабатывания денег, бескровного интеллектуализма и преувеличенной практичной активности, в которой уже погубил себя ее «конкурент». Мужчина со всей безответственностью наблюдал за этим и наблюдает дальше, он даже в большой степени помогает вытолкнуть женщину на улицу, в учреждения, на фабрики, в университеты и всех этих гнусные очаги инфекции современного общества. Результат – непрерывный упадок женского своеобразия при проглоченных с жадностью способах бытия и поведении другого пола. При способах бытия и поведении, которые, вообще, относятся к низкопробным, неполноценным: мелочном рационализме, притязании на владение, жажде прибыли и жесткости делового «пробитования» и ходьбы по трупам. Здесь находится, заметим по ходу, также причина женской фригидности, который стала настолько всеобщей, что у женщин можно почти приравнять фригидность и «современность». При этом речь не идет о том, что современная женщина не может время от времени «достичь»

оргазма, а об ее принципиальной замкнутости, о судорожных попытках высоко поднять «личность», которая не является таковой.

Маскулинизация, которая (особенно у женщин с высшим образованием) дошла вплоть до физических признаков (жесткий, «критический» взгляд, сжатые губы, вообще странная язвительность всего внешнего вида) оправдывает и самовосхваляет себя мифами, согласно которым «сильная женщина» – та, которая все держит под контролем, или нахальная «герлá», сейчас самые популярные. Но эти мифы нереальны и окружают лестью и ореолом славы то, что сигнализирует об упадке и об ускоренном распаде. Не бывает «сильных женщин», есть только «разоренные», лишённые силы женщины, и чем больше женщина строит из себя сильную, тем больше она теряет силу, субстанцию. Просто обратите хоть раз внимание на взгляд бедных, достойных сожаления существ, которые шатаются по политической сцене.

Как говорилось, эмансипированные женщины теперь медленно чувствуют, что они сами себя потеряли. Но они не могли иначе, взятое ими направление было логично после провала мужчины и потому было неизбежно. В подсознании женщины знают, кто виновен в их убожестве. Поэтому мужчин, хотя (или как раз потому что!) они были так усердны, они презирают, ненавидят и высмеивают. Как раз независимые и успешные женщины упрекают мужчин, что они стали слабыми и бессильными и что они больше не могут доверять им. «Раньше были мужчины, сегодня только лишь слабаки», говорила одна созревшая дама, которая раньше работала во Франкфуртском женском совете. – Такие и похожие отзывы заслуживают внимания, тем более, что они не могли бы легко даваться эмансипированным женщинам. Ведь они ставят под сомнение, все же, все женское движение, лучше сказать, они представляют его как то, чем оно есть на самом деле: никакой не победой над сильным мужчиной, а капитуляцией перед слабым мужчиной.

Положение утомленных от борьбы полов (или судорог) женщин незавидно. Оно почти безвыходно. С одной стороны, женщина тоскует по твердому порядку, который ставит каждого человека на его место. Она тоскует по сильному плечу, к которому может прислониться, по мужчине, который знает, чего он хочет и говорит ей, что делать и куда идти. С другой стороны, она не может преклонять колена перед недостаточным и умолять его: «Мужчина, стань же сильным». Из этого просто ничего не выйдет, это не поможет ни ему, ни ей. Потому «освобожденная» женщина вынуждена продолжать борьбу, должна становиться все сильнее, все безнадежнее, потому что того, что она могла бы освободить для себя самой, там нет. Кроме того, она едва ли может признаться в своем желании быть женщиной, она даже должна ожесточенно отвергать его, чтобы не погибнуть в расхождении между кажущимся и реальным, между претензией и внутренней правдой. Так она дальше продолжает дуть в фанфару, и звуки становятся все резче и агрессивнее.

Все же, за всем шумом стоит беда оставшегося в одиночестве женского существа. Срочно необходимо, чтобы мужчина как-то расслышал, наконец, скрытое послание. Женщина только редко говорит прямо и в ясных словах, чего она, собственно, хочет. Это лежит в ее природе. Она придирается, критикует мужчину из-за того и другого и уже завтра требует от него противоположного. В действительности речь идет о совсем другом. Запуганный, беспомощный мужчина оказал женщине медвежью услугу тем, что последовал за требованиями феминизма. «Будь женственнее, занимайся самокритикой, ставь себя под сомнение!» – Как «слабак» он полностью заблудился в бесполом отдалении, принуждал женщину, чтобы та маскулинизировалась еще больше, и должен был в испуге заметить, что он теперь на самом деле испортил это в ней. Вероятно, насмешка и целенаправленные провокации – линия, на которую женщина поворачивает теперь – действительно лучшие средства, чтобы пронзить его непонятливость, разъяснить ему, чем хотел быть феминизм с самого начала: Вызовом – вызовом бытию мужчины в лучшем смысле.

4. Единственный выход из убожества – три требования к мужчине

Женщины знают это животом, но не головой, мужчины, похоже, еще не знают этого вообще. Единственным выходом из убожества, в котором оба пола стираются и теряют свое тождество, является тот, что мужчина должен решительно измениться. И это изменение может выглядеть только таким образом, что мужчина укрепит свойственную ему энергию. Только при оживлении сил Янь может снова быть построено полярное поле напряжения, которое вернет женщину на дарованное ей место. В виде обратной реакции это принесло бы пользу и мужчине тоже. Но он сам должен сделать первый шаг, женщина не сможет делать первый шаг, выстраивая свою женственность в Ничто. Женское – это пассивная, реагирующая часть в мировом процессе, и «активная» женственность – это противоречие самой себе.

«Женщина такова, какой ее делает мужчина», говорили еще наши отцы. Мнимая надменность изречения проходит, если осознать ответственность, которой оно требует. Ответственности, которая содержит последствие: женщина такова, какой ее заслуживает мужчина. Если сегодня женщина плюет мужчине на голову – как в единичном случае, так и в общественном согласии – то мужчина заслужил этого, точка. Сегодняшним пошло бы на пользу это знать – и сделать из этого соответствующие выводы.

Естественно, «Ренессанс Мужского» не может произойти посредством проекта закона. Он вообще не может происходить на широкой основе, так как для этого отсутствуют и социальные и индивидуальные условия. Единственный шанс лежит в пробуждении мужчин, которые способны к пробуждению. При этом речь пойдет только о немногих, но в этом нет вреда. Великие изменения всегда делали немногие или одиночки. Движение мужчин в духе «маскулинизма», которое отличалось бы к тому же еще и конспиративными встреча-

ми, группами взаимопомощи и совместной агитацией, было бы последним делом, и прямо-таки смешным.

Мужчина не стадное животное, а отдельный борец. Те, кто пробьются к передовой линии пробужденных, будут обладать силой притяжения магнитов, которые затем соберут утерянных и выпрямят ищущих. Их постоянная стойкость как раз в современном хаосе создаст непреодолимые области силы, которые постепенно, естественным путем, объединяются в мощную ауру нового мужского духа.

Что касается отношения с женщинами, пробудившийся мужчина должен иметь ясное представление об определенных принципах. Если он находится на «пути», он уже несет их в крови и сделает их действенными из себя. Они вытекают из сказанного выше и уже разъяснялись вначале, но так как они очень важны, их следует, тем не менее, еще раз сформулировать точно и дополнить к теме последней части. Их можно понимать также как требования, которые следует выставлять к новому независимому мужчине:

1. Будь самим собой
2. Владей своим сексуальным желанием
3. Будь главой и господином своей партнерши

4.1. Будь самим собой

Требование быть самим собой, после повторного открытия собственной божественной правды, уже описывалось как движущая сила на пути мужчины. Святая цель, которая более или менее отчетливо представляется ему, которому он посвящает знание, желание и дерзновение, которую он теряет на время в беспорядках мира, но никогда не может отрицать полностью, если он не хочет быть вычеркнутым из «Книги жизни», эта цель его самой глубокого страстного желания подвергается в отношении с женщиной особенной проверке. Женщина, в которой мир проявляется в своей естественной стороне, для мужчины «фармакон»: яд и лекарство, демон и ангел, ловушка и калитка в небеса одновременно. Она не такова на самом деле (нам несвойственно мистифицировать ее), однако, она – такая в том смысле, в каком мужчина принимает участие в ней. Женщина в жизни мужчины один из самых больших вызовов, и это хорошо, потому что как раз тут демонстрируется, состоит ли он по своей сути из золота или из пепла.

В принципе можно сказать, что отношение, которое заслуживает этого имени, предполагает определенную зрелость со стороны мужчины. Мужчина должен быть способен сохранить свое мужское тождество, он должен обладать мужеством идти своим собственным путем и жить своей собственной правдой. Это не значит не, что он должен быть эгоистическим и бесцеремон-

ным, это означало бы отсутствие зрелости. Однако, важно, что он остается в контакте с самой своей сущностью и из середины себя принимает ответственные решения, безразлично, нравятся ли они его партнерше или нет. Внутреннее призвание мужчины имеет высший приоритет и должно при всей любви побеждать претензии, которые стоят на его дороге.

Большинство мужчин боятся бескомпромиссного «быть самим собой». Они не хотят вызывать неудовольствие у других, не хотят становиться непопулярными. Они оправдывают свою слабость и уступчивость по отношению к женщинам лицемерным выражением толерантности. На самом деле они чувственно зависят от них и самым недостойным образом зависят от женщин в подтверждении их представления о самих себе благодаря женщинам. Это относится к последним «сексуальным» табу, отказаться от которого не заинтересованы ни мужчины, ни женщины: Современный неуверенный мужчина – это марионетка в женских руках. О масштабах определения его действий чужим диктатом вплоть до наивысшей политической ответственности можно только догадываться. Можно исходить из того, что не мужчины, а женщины, которые скрываются за ними, управляют ходом истории. Здесь еще раз показывается действие потери полярности: в той самой мере, в которой мужчина терял свое активное самоопределение, претензии женщины на формирование его возрастало и становилось все более дерзким. Не он, а она определяет его поведение в кровати, его характер (то слабак, то мачо, то безумная комбинация) или планирует его карьеру в договоренности с шефом. Жаждающий признания мужчина торопится угнаться за претензиями, делает подтягивания на карьерной лестнице или на перекладине, чтобы доказать мужественность или бежит к психиатру, чтобы освободиться от мужественности. Женские репрессии древние и происходят от воспитания детей: похвала и лишение любви. Они абсолютно эффективны, так как они точно целятся в израненную точку: слаборазвитую мужественность.

При всем том они оказывает, относительно мужчины, тонкое побочное действие. Его хоть и хвалят за его усердия и восхищаются им, но на самом деле его госпожа его презирает...

Женщины не ненавидят ничего больше, чем свою обязанность по отношению к мужчине играть роль запасной матери. Хоть их тщеславие и удовлетворяется, но их внутренняя женственность, однако, очень сердится. Женщина в женщине хочет мужчины, который столь же тверд по отношению к себе. Который не озирается на то, чтобы понравиться женщине и переделывает себя ради нее, а в первую очередь нравится сам себе. Королева красоты с Майорки так ответила на вопрос, чем отличается немецкий мужчина от испанского мужчины: «Немец спрашивает, когда он «кончил»: – Я был хорош? Испанец кричит: >Ole!<<

Пример вполне тривиален, указывает, однако, посредством контраста между полнокровным испанцем и бледным северянином, над которым тут смеются, что ожидается, в принципе, от мужчины: Сияющая мужественность, которая беспечно наполняет пространство и не зависит от реакций партнера, чтобы быть счастливой.

Излучение мужчины сильнее всего тогда, когда он достиг бодрствующего присутствия своего мужского сознания. Чистое сознание, яркое и ясное как кристалл, – это наивысшая ступень мужественности. Чувствовать это сознание, знание о собственной правде, связанное с решительной волей реализовать правду, доставляет женщине самое глубокое удовольствие. Это выглядит эротичнее, чем самая стальная мускулатура. «Счастье мужчины называется: Я хочу – счастье женщины называется: Он хочет», знал Ницше. Женщина снова и снова будет пробовать отговорить мужчину, с которым она связана, от его решений. Она будет просить его о том, о чем она знает, что это не соответствует его линии. Она будет разочаровываться, злиться и ругаться, если он не сделает того, что она требует от него. Но она будет вести себя так потому, что она хотела бы почувствовать его полное сознание, его надежную целостность. Она действительно не хочет добиться того, о чем просит его. Она хочет только проверить, настолько ли он слаб, что уступает ей. Или же он способен неуклонно следовать за своими наивысшими целями.

У мужчины должно быть ясное представление, что он не завоевывает доверия и расположения женщины тем, что выполняет ее требования. Он завоевывает и воодушевляет ее, если он твердо стоит по отношению к самому себе и, тем не менее, искренне любит ее. Если он приспособливается к ней ради себя, если он делает вещи, в которых он не совсем убежден и принимает вместе с тем целевую установку его партнерши, она будет некоторое время радоваться. – Но потом она накажет его презрением. Ибо она чувствует, что он стал неверным своей собственной правде, за которую он должен был бороться. Так как не он, а она образует центр его жизни. И так как она поэтому больше не может ему доверять.

У Эриха Марии Ремарка есть прелестная басня о большом каменном утесе, которого любила волна: «Она обдавала его пеной и брызгами, день и ночь целовала его, обвивала своими белыми руками. Она вздыхала, и плакала, и молила: «Приди ко мне, утес!» Она любила его, обдавала пеной и медленно подтачивала. И вот в один прекрасный день, совсем уже подточенный, утес качнулся и рухнул в ее объятия... И вдруг утеса не стало. Не с кем играть, некого любить, не о ком скорбеть. Утес затонул в волне. Теперь это был лишь каменный обломок на дне морском. Волна же была разочарована, ей казалось, что ее обманули, и вскоре она нашла себе новый утес». (Ремарк, «Триумфальная арка», Цюрих, Мюнхен, стр. 159).

Ницше говорил об «инстинкте второй роли». – Женщина не хочет господствовать, не хочет осуществлять власть, как бы сильно это сегодня ни казалось вид. Женщина хочет жертвовать собой. Так как она знает в самой глубине своей души, что только через преданность она может освободиться, отказать от своих человеческих границ и через воодушевление, размах, который поднимет ее над самой собой, получить долю от священного.

Естественно, всегда остается открытым вопрос, в какой мере современные женщины еще способны к взлету. Вытеснения, которым они обязаны ее феминистской идентичностью, все еще защищаются массивной обороной. К этому добавляется, что более новые поколения едва ли знают что-то иное, чем анти-картины мужественности. Матери сообщают своим дочерям уже одним живым примером, что мужчины существуют как постамент тупости для возвышенных прав женщин. Потому вполне возможно, что таким женщинам при конфронтации с настоящими мужчинами безнадежно не хватит сил. С другой стороны, на длительную перспективу это как раз они разбудят к жизни скрытый женский потенциал. Никто другой этого не сделает, и любой маятник, который сильно оттянули в одну сторону, жаждет спокойствия и равновесия.

4.2. Владей своим сексуальным желанием

Вопрос о «быть собой» или «быть с собой» снова ставится в обращении с собственной сексуальностью. Другими словами, он основывается в этой элементарной области, а именно так, что любая мужская построена целостность на песке, если инстинкты не могут контролироваться в достаточной мере.

Обычно считается, что мужчина играет в сексуальной встрече активную, а женщина пассивную роль. Его половой инстинкт кажется более живым и стремится к безотлагательному удовлетворению. Роль мужчины также еще сегодня – помогать и «захватывать», женщина скорее выжидает, медлит, возражает, во всяком случае, реагирует тем или иным способом на мужской удар. Как бы сильно это и не было верно на первый взгляд, это отношение при определенной точке зрения перепутано, по меньшей мере, что касается области обычной, «естественной» сексуальности.

По сравнению с чисто сексуальной потребностью, напирющей инстинктивностью мужчины, женщина всегда обладает решающим превосходством. Ее пассивность можно сравнить со спокойствием магнита, который втягивает приближающееся железо в свой вихрь. Разговорный язык намекает уже на это, если он прилагает к женщине свойство «притягательная». Своей силой очарования женщина пассивна активным способом, в то время как мужчина, который становится ее жертвой, пассивным способом активен. Его внимание будет «сковано» женственным обаянием, втянуто в ее чары, и развивающая-

ся из этого активность ограничивается, чтобы оставаться при том же сравнении, безвольным сближением с магнитным полем.

Женщины очень хорошо знают об активной силе ее сексуальности, так же как они разгадывают пассивные аспекты мужской сексуальности. Мужчина, к сожалению, немного наивнее. Он думает, что это он завоевывает и соблазняет, хотя на самом деле он сам соблазненный. Точно там, где он думает, что является мужчиной в наивысшей степени и владеет женщиной, так как он держит ее в руках и вливается в ее субстанцию, точно там он беспрепятственно уступает силе женского. Кроме того, женщина, а не мужчина решает, дойдет ли и как быстро до сношения. Поэтому американская поговорка удачно говорит: «The man chases the woman, as long as she catches him» – Мужчина охотится на женщину, так долго, как она ловит его.

Причину сильной активной сексуальной силы и силы соблазна женщины нужно видеть в том, что она представляет естественную сторону космоса. Она носительница полового элемента в этом мире и все, что имеет дело с отношениями, прежде всего, с сексуальным отношением, имеет существенный характер для нее, исполняет закон ее бытия.

«Tota mulier sexus», вся женщина – это сексуальность, так звучит древнее западноевропейское выражение. Индусы называют женщину kamini, что значит: «та, кто состоит из вожделения». Это основное существо становится ощутимым в воздействии женской наготы, которая очаровывала мужчину с древнейших времен. Речь не идет о «красоте» или о животном плотском обаянии, которое соблазняет его; в силе очарования женской наготы наличествует момент обмана, который подобен обману, вызываемому пустотой, бездонным. Это прасубстанция творения в двусмысленности ее небытия вырывается здесь и колдовским образом вызывает в мужчине явление Durga, великой богини, проститутки, матери и вечной девственницы в ее оргастичной неисчерпаемости. Действие мужской наготы на женщину, напротив, гораздо менее сильно. Оно преимущественно физическое и обусловлено фаллическим, и обязано собой, прежде всего, мускулатуре при банальном аспекте животной силы. Поэтому мужской стриптиз – это один из самых смешных и жалких видов деятельности и лишней раз доказывает, что исконное, естественное поле деятельности нельзя вслепую переносить на другой пол. Поэтому мужское тело нельзя назвать захватывающим, притягивающим, наоборот – часто даже непривлекательным, ибо мужчина не проявляет полового в материальном. Мужчина по сути «сексуален и еще что-то сверху», причем вот это «что-то сверху» и имеет решающее значение. Можно найти глубокий символический смысл в том, что сексуальные органы мужчины появляются как несколько резко очерченные, так сказать, оторванное и снаружи прицепленное, в то время как у женщины они входят в глубину самой внутренней плоти.

Чем сильнее теперь аспекты «самца», т.е. инстинктивные, насильственные и чувственные черты мужского бытия развиты в мужчине, тем меньше он «с собой», тем более он зависим в сексуальной области. Он может «ставить своего мужчину» и безусловно «функционировать», но и при всем этом он двигается, так сказать, на чужой территории.

В Средиземноморском культовом кругу Великой богини превосходство женщины над животной мужественностью было показано в образе госпожи над дикими животными, которая ездит верхом на быке или ведет быка на поводу. «Дурга», которая сидит на льве и держит змею в руке, – это ее индийское соответствие. Та же тема появляется во вдохновленной каббалой восьмой карте Таро, на которой женщина легко раздирает глотку яростного льва.

Естественно, женщины в ходе нашего культурного развития все больше утратили магическую женскую стихийную силу. Самая сильная близость с типом абсолютной женщины, кажется, сохранилось у индийских и восточных женщин, также черные женщины по силе чувственного очарования превосходят любую европейку, прежде всего, жительницу Северной Европы.

Несмотря на это даже уменьшенная сексуальная сила женщины с уверенностью гарантирует ей половое доминирование над обычным мужчиной, т.е. мужчиной, который является мужчиной только физически или в упавших составных частях характера. Такой мужчина всегда безнадежно поддавался тонким силам женщины, так как он не мог противопоставить ее магии никакой своей магии в смысле более высокого мужского бытия. Нередко он также чувствует это и из бессознательной компенсации страху или чувствам неполноценности по отношению к женщине демонстрирует подчеркнутую «мужественность», равнодушие, жестокость или презрение. Но эти вещи ничем не помогают ему продвинуться хотя бы на шаг и вообще ничего не изменяют в фундаментальной структуре ситуации.

При всем том многое говорит в пользу того, что ситуация половой зависимости мужчины достигла сегодня своей конечной фазы, в которой она сама выдыхается. Мужская сексуальность настолько опустилась до банального, пошлого и грубо животного, что она стоит в шаге от ее банкротства. Женщина больше не интересуется бесцветными домогательствами, страданием, нищенским попрошайничеством и тупым вожделием другого пола. Она высмеивает мужчину как «членуправляемого» или как существо, у которого мозг между ног. Более чем достаточно известная ирония над мужской сексуальностью, распространяемая ежедневно в средствах массовой информации, которая, если бы она коснулась женщин, вызвала бы шторм негодования, отражает коллективную женскую закулисную сторону неизмеримого пренебрежения. Такие состояния очень необычны и представляют собой выражение искаженного мира. В конце концов, ведь это женщина владеет сексуальностью как субстанцией, женщина мыслит «сексуально и находит в сексе

удовольствие», даже если она облекает свое желание в мнимую пассивность, которой она именно тогда привлекает мужчин. Но отказ современной женщины больше выражает не «безличностное» торможение, стеснительность ее природы, которое в полной мере может считаться вторичным половым признаком, а просто холод и отвращение. Мужчина, напротив, который должен был по существу стоять «выше» сексуальности, ведет себя плаксиво зависимо, в высшей степени страдает, если партнерша покидает его или если он как раз не владеет никем. Если сегодня десять человек прыгают от мук любви с моста, то девять из них «мужчины».

Человек привыкает ко всему. Мужчина за прошедшее время привык бесконечно болтать со своей партнершей о вопросах отношений, раскрывать свои самые интимные страхи совершенно незнакомым женщинам, например, психологам, одобрительно соглашаться, когда управляемая феминистками пресса клеймит его как идиота или закон о разводах снимает с него последнюю рубашку, усердно заниматься гимнастикой для беременных или скрывать гениталии под кухонным фартуком.

Каждый современный мужчина должен хотя бы однажды в спокойную минуту удостовериться в том, до чего он уменьшился сам как половое существо. Он либо уже стал существительным среднего рода, которое в состоянии только показывать «сильным» женщинам мягкое жалкое состояние, либо он определяет себя исключительно по своей потенции, что почти так же плохо. При этой неверной позиции, которая естественно древняя, осознание могло бы начаться. Что значит, если он хвастается или пусть даже только гордится, что «может» с такой-то частотой? Что это значит, если он заглядывается на каждую женщину и «всегда готов»? Что значит, если он переживает «неудачу» в постели как катастрофу, уничтожающую его уверенность в себе? Что значит, если женщина в любое время способна вызвать его катастрофу, например, презрительным замечанием, намеком на качество его предшественника или ироничной улыбкой? – Как раз последний пример мог бы ему показать, насколько беспомощна мужская сексуальность без заднего плана, как бы шумно она ни приближалась. Одно словечко может свалить ее...

Превосходящий мужчина никогда не определяет свою мужественность через сексуальную функцию. Он понимает, что она только одна возможность в широком диапазоне его половой силы выражения, причем еще – самая незначительная. Его сексуальность – дуга, которая в широком размахе перекидывается от неба к земле. Ширину этого размаха он постоянно сознает. И сознание этого приводит к принципиально другому отношению к сексуальности, чем ее проявляет животный мужчина, для которого ведущая вверх дуга скрыта во тьме.

С одной стороны, для превосходящего мужчины сексуальность менее важна, с другой стороны, многократно важнее, чем для обычного мужчины. Она

менее важна, так как он сознает ее относительность в половой структуре выражения. Он не обязательно привязан к соитию, чтобы развиваться как мужчина и хорошо себя чувствовать. Он может также заняться творческим трудом и в случае решения даже предпочтет эту возможность, как это доказали даже предрасположенные к инстинктам страсти творцы, например, Пикассо. Это не значит, что он меньше чувствует притяжение женщин.

Наоборот. Мужчины, которые полностью развили свою энергию Янь, чувствуют в себе особенно сильное притяжение со стороны женщин, по меньшей мере, тех, которые излучают соответствующую женственность. Но превосходящий мужчина отличается тем, что при всей интенсивности притяжения он полностью может контролировать свою половую жизнь. Он не «поддается», когда его можно сковать пассивно женским обаянием и в апогее восхищения он обрушивается бессильно перед женской стихийной силой, он скорее осиливает – в весьма общем понимании – сексуальный вызов типичным для него способом бытия с непосредственным присутствием и полнотой жизни и одновременной дистанцией. Даже сразу можно утверждать, что его способность к дистанции тем больше, чем сильнее и интенсивнее он воспринимает половое притяжение. Определенное соответствие оказывается в нормах поведения народов: Темпераментные южные страны соорудили – по меньшей мере, в их прошлом – сильные защитные механизмы вплоть до странных, смертоносных табу вокруг сил сексуальной жизни; север всегда был значительно «свободнее», несмотря на бесцветное пуританство, и, наверное, это не является случайностью, что секс-волна в начале 70-х годов охватила как раз те страны, жители которых располагали значительно менее горячим внутренним миром.

Отношение превосходящего мужчины к его сексуальности может сравниться с отношением опытного всадника к его породистой лошади. Даже если жизненная сила лошади пленительна, он полностью контролирует ее и с легким, едва ли ощутимым управлением может придавать ей одно или другое направление. И это владение ни в малейшей степени не имеет отношения к подавлению, если он доказывает, все же, именно при этом высокое уважение к своей сексуальности. Для него просто слишком жалко позволять своей силе пола нестись в каждую грязь или в каждое болото. Животный мужчина, который постоянно срывает поводья, делает именно это, и подсознательно он также это знает, как указывают ужасные слова, которыми он выражает сексуальное движение. Его вульгарный язык показывает, что он даже признает свою сексуальность грязью и считает как раз ценностью растрачивать ее любым способом. Он ведь не знает ничего иного, кроме как раз нижнего конца.

Действительно за внимательным обращением с силой пола стоит знание, которое современному, зафиксированному на материальном человеку, если бы он узнал случайно о том, показалось бы запутанным и суеверным, но для посвященного, тем не менее, оно присутствует как прожитый опыт.

Уже было сказано, что половая энергия мужчины, выходя за пределы сексуальной потенции, достигает выражения в духовно-творческой активности. Сексуальная функция обозначалась как самое незначительное выражение его половой силы. Теперь нужно добавить, что при всем том наивысшие возможности собраны в материальной субстанции силы пола, в мужском семени, как энергия тонкой материи. В индийском словоупотреблении мужское семя называется «virya». Это слово обозначает мужское бытие в его замечательном, сверхъестественном смысле, как оно встречается, например, в аскетизме и может выводить в круговороте смерти и возрождения.

Также непосвященный уже мог бы узнать, что сперма это больше чем связь воды, белка, фосфатов и других веществ. Он только не осознал для себя этот опыт. И, все же, он после каждой эякуляции чувствует, как резко изменяется энергетическое состояние. Возбуждение и наивысшая напряженность почти внезапно уступают усталости, в которой теряет силу любое желание активности. Прорыв в эту пустоту без желаний, внезапное переключения от напряжения в разрядке вплоть до кратковременной потери сознания переживается обычным мужчиной как исключительно приятный, когда он испытывает сексуальное счастье. Он может узнать также, что хороший регулярный секс гармонизирует жизнь. Ежедневная работа, обращение с другим человеком меньше нагружены стрессом. Чего он, вероятно, не замечает или не хочет замечать, это увеличившаяся посредственность, которую он приобретает себе для жизни. Мужество идти на профессиональный и духовный риск, уменьшается. Так же его творческие действия и воодушевление к достижению цели, которая выходит за пределы его самого. Он не становится бездейственным или летаргическим, тем не менее, он довольствуется тем, что делает ровно столько, чтобы управляться со своими делами и устраиваться в своем комфорте.

Перед этим задним планом сексуальную функцию можно понимать как отщепление от полноты сверхмогущественной древней силы пола. Она подводит энергию пола – в каком бы ни было объеме – к биологической специализации, что означает отчужденность энергии от сущности мужчины в его целостности. Мужчина, который не привык плодотворно использовать более высокие аспекты своей сексуальности, более или менее предоставлен воле текущего «вниз» потока. Она проявляется как напряжение, как мучительное скопление энергии, которая хочет освободиться наружу, в мир объектов. Привязанная к плоти и к естественному порядку энергия разряжается в зачатии детей: на место творчества приходит рождение, на место бессмертного творение приходит творение смертное. Знающий осознает эти отношения. Он знает о большой ценности своей сексуальной силы. Что вовсе не значит, что он сразу отказывается от половой жизни для себя. Хотя это тоже бывает: ради своего полового качества отказаться от сексуальности. Только нужно при этом следить, что последнюю не просто подавляют, а возвращают назад к праэнергии, так как иначе она блокируется сама.

Менее проблематично поэтому контролируемое обращение с сексом. Не женщина, а мужчина должен был решать, когда и как часто он эякулирует. Обычно мужчина позволяет этому происходить просто. Он предоставляет женщине, с ее сноровкой и умением высасывать и выкачивать его, и чем чаще, тем лучше.

Здесь необходима была бы перемена взглядов. Превосходящий мужчина может время от времени решать, что он эякулирует. Однако он примет решение сам и еще до того, как он посвятит себя половому сношению, не лишь в последний, неконтролируемый момент. Если он привык эякулировать при сексе, он, вероятно, сначала будет сожалеть о своем воздержании. Но он сможет убедиться на опыте, что и без эякуляции может прийти до полноценного секса, что как раз с помощью его полного, безусловного присутствия достигается такая интенсивность переживания, которая намного полнее наслаждением, чем короткое, судорожное вздрагивание, далее слабость и вялость. Полнее наслаждением, впрочем, не только для него, но и для партнерши.

Другая возможность контролировать и ответственно обходиться со своей силой пола, состоит в сознательном преобразовании эякуляции. При «нормальном» половом акте семя направляется «книзу» и выталкивается через половые органы. Но есть также путь направить течение спермы «кверху», причем направление нужно понимать не только физически, но и метафизически, так как при этом взрываются космические оковы, и отщепленная сексуальная сила возвращается к первоначальному единству. Это королевский путь интимного соединения, который может с помощью женщины привести мужчину к совершенству. Тот, кто однажды вступил на него, больше не покинет его, так как «нормальное» соитие покажется ему более или менее бесполезным. Так как он неразрывно присоединяется к описанному пути мужского самоисполнения, он должен быть разъяснен в позаследующей главе.

Как всегда мужчина принимает решение формировать свою сексуальную жизнь: Если он ответственно обходится с доверенными ему силами, если он учится владеть своей инстинктивностью, чисто животной сексуальностью, он почувствует, что освобождаются новые, живительные энергии, которые он может с пользой интегрировать в процесс его самотворения. Женщина – это персональное олицетворение мира появления; также и поэтому так важно привести отношение с нею в порядок. Если женщина может привязать мужчину к себе и сделать зависимым, другие обстоятельства также смогут это, тогда это не принесет ему совсем никакой пользы, даже если он внешне выглядит победителем с играющими мускулами. Если он падает перед тонкими силами соблазна, если она своими испытанными методами всегда, когда захочет, может извлечь самое лучшее из него, то его сила построена на песке; жизнь его тоже сможет опустошить без усилий. Женщина, впрочем, очень точно знает это. Она может наслаждаться выманивать у него влажные развращения, так как она этим самоутверждается и чувствует себя сексуально

польщенной. Однако одна ее часть всегда остается неудовлетворенной. Пока она знает, что она сексуально доминирует над ним, она не доверится мужчине полностью, не сможет предаться полностью его объятиям. Ее самое сокровенное разочаровано его слабостью, и она будет, пожалуй, остерегаться открыть это ему. Да и зачем ей это делать, если она должна испытывать, как ее партнер после судорожного приступа самовлюбленного удовлетворения проваливается в вялость после эякуляции?

Мужчина, который контролирует половую жизнь, не безразличен и не равнодушен. Тем не менее, он по отношению к женщинам занимает ту же позицию, которую он занимает также по отношению к миру: Он радуется им, он отдает должное их дарованиям и их красоте, он может любить их со всей страстью – но все же, они не требуются ему.

Тот, кто не вынужден принудительно эякулировать и не зависит как-то иначе от женских подачек, узнает, что женщины идут навстречу ему иначе и более положительно, чем к другим мужчинам. Женщины очень быстро поймут, если мужчина действительно свободен и независим для самого себя. Если он может позволить себе вежливо и внимательно поступать с ними, не желая от них чего-то сразу; если он также не должен демонстрировать пренебрежение, чтобы доказать, что он «кто-то». Этот вид мужчины может открыть женщине то, в чем она действительно нуждается, к чему она стремится как раз в сегодняшнее время как испытывающее жажду, высохшее русло реки. Если он к тому же действительно может дать ей незабываемый центр, женщина будет приближаться к нему с благоговейной дрожью, как к чему-то святому. Она прижмется к его силе пола и самоотверженно вольется в нее. Тогда наступит ситуация, что отношения естественной сексуальности перевернутся. Тогда мужчина больше не пассивная часть, которая становится жертвой силы женского очарования, он встречает ее теперь как носитель бытия, которому свойственна веская власть Одного. Этим будет пробуждено то, что соответствует отношению Мужского и Женского в настоящем, сверхъестественном смысле.

4.3. Будь главой и господином своей партнерши

Третье требование к мужчине в его отношении с женщиной вытекает из предыдущего, а также из дальнейшего продвижения на внутреннем пути. Оно единственное восприятие и преобразование того, что соответствует его метафизическому главенствующему положению. Это преимущество не имеет никакого отношения к человеческому превосходству. Мы напоминаем: мужчина и женщина настолько различны по своему предопределению прапринципами, что их не следует сравнивать друг с другом. Желание противопоставлять определенные мужские и женские качества друг другу – полная чепуха, которая свидетельствует о менталитете современного «единого» человека без корней. Кое-что иное – то превосходство, которое само исходит от

мужчины, убедительно воплощающего бытие, по отношению к женщине. Превосходство бытия основано на том, что оно представляет собой целостность, которая включает становление. Если оно отражается на человеческом уровне, оно сверхчеловеческое и бесстрастное и узаконивает себя одним своим присутствием. Возникающее из этого превосходство мужчины не имеет ничего общего ни с «лучшими» качествами, ни с «превосходящим» умением.

Метафизическое основное отношение находит действительно наглядную иллюстрацию в известном библейском мифе, по которому Ева происходит от Адама, ибо она была создана из его ребра. Взятая Адамом женщина называется »ischa«, так как она была вытянута из »isch« (мужчина), (Первая книга Моисея. 2, 22). Соответствующим образом апостол Павел обозначает мужчину как «образ и подобие Божье», но женщину, однако, как подобие мужчины (Первое послание Коринфянам 11,7), что снова соответствует ветхозаветному указанию «Он должен быть твоим господином» (Первая книга Моисея 3,16). Если освободить эти высказывания от патины ошибочного притязания на власть, которое переходило к произволу и подавлению, они как подлинные свидетельства традиционного духа также, прежде всего, сегодня действительно могут предложить действенный руководящий принцип в отношениях мужчины и женщины.

Что значит, если мужчину как «господина» призывают господствовать над женщиной? – Требование сие невыносимо для наших чувствительных, гуманизированных современных граждан, также обязанные духу времени церкви отдали бы, пожалуй, многое, чтобы суметь вычистить столь «скандальные» места из их священных книг. Все же, к счастью, это невозможно и потому можно дальше сердиться из-за этих мест – или попытаться их понять. Без сомнения, это «господство» стало жертвой того же недоразумения, что и «власть». «сила», «авторитет», все это было брошено в кастрюлю «насилия» Если тем не менее, опустить предубеждения, «господство», как и «власть», значение которой мы уже выяснили, предстанет в существенно ином свете. Можно сказать, что «господство» значит модернизацию власти, конкретное преобразование до тех пор «покоящейся» энергии в сфере живого. Вместе с тем предпосылкой господства является власть. И то и другое берет свое начало от более высокого качества бытия, превосходства, которое беспрекословно добывает для себя значимость.

Уполномочивающее господство не рассчитывает на насилие или внешние репрессии. Оно «притягивает к себе без крика» и указывает путь, на который вступают по доброй воле. Подавление и использование принуждения нельзя объединить с более высоким пониманием мужского достоинства. Там, где их приходится использовать, чтобы только создать превосходство, там господство утратило свое право.

Тайна успешного господства состоит в том, что господствующему не требуется господствовать. Это отношение в высшей степени редко. Почти каждый хочет где-нибудь осуществлять власть, более или менее очевидно, но жадно. «Воля» к власти – это один из самых сильных импульсов в человеке. Все же, инстинктивное желание господства всегда тянется на буксире собственной зависимости. Несвободно и непризнанно оно должно беспокоиться о господстве, истощает свои силы в противостоянии сил. В отличие от этого, тому, кто не беспокоится о нем, так как он суверенен, господство падает в руки совсем само собой. Он располагает властью, так как он воплотил власть как соответствующее его существу состояние. Он преодолел влечение к господству, инстинктивную природу своего «Я». И тем самым он держит мир в руках. Господство над собой самим – это основа подлинного осуществления власти. Оно одновременно и его легитимация, так как только тот, кто владеет самим собой и пробудился вследствие этого к свободе, не захочет порабощать других.

Призванное господство никогда не означает владеть, а означает – давать указания. Оно указывает направление, которое служит положительному развитию ради определенной цели. Это указывание не означает навязывание или приказ, тем не менее, оно однозначно, абсолютно и обязательно. Это просто так и есть, и не стоит это обсуждать. Естественная легкость этого вида господства характеризует возвышенного государственного деятеля так же, как и главу семьи или мужчину в удачном партнерстве. И во всех случаях соответствующим ответом господствующему является доверие. Особенно, конечно, в интимной связи двоих.

Доверие, как известно, нельзя сделать. Оно либо есть, приходит стихийно, либо его нет. «Провести мероприятия по укреплению доверия» поэтому самая большая чушь. Много мужчин совершают ошибку, когда домогаются доверия у своей партнерши или даже просят ее: «Доверяйся же мне!» Они чутки, обсуждают свои связи и в остальном делают все правильно. Тем не менее, у их действий совсем незначительный вес. Другой же мужчина входит в помещение, бросает всего один взгляд на замученную сомнениями и неуверенностью женщину, и она уже без всяких условий следует за ним. – Что тут срabатывает?

Мужчина, который умеет господствовать, отличается тем, что он не так много «делает», а просто он «есть». Если партнерша плачет, дерзит или хочет обсуждать, он не делает то и это, чтобы понравиться ей: он берет ее в свою руку, и все хорошо. Женщины иногда делают много суматохи. Из ничего они волшебным образом вызывают сцены, которые прямо-таки годны для постановки в театре. Они жалуются, бьют посуду, перегружают мужчину жалобами и критикой, которую он не понимает. Посредственный или незрелый мужчина реагирует тогда непонимающе, агрессивнo, дуетсЯ, удаляется, стремится оправдаться или вступает в разговор. Во всех случаях он ведет себя пассив-

но; он реагирует, но не действует. И тут же следует наказание. Чем больше мужчина старается справиться со спорной ситуацией, чем больше он с утешающими или объясняющими словами пытается пробить эмоциональный хаос между собой и партнершей, тем выше поднимаются волны. Кажется, что женщина находит коварное удовольствие в том, чтобы объективные аргументы, предложенные с пользой мосты с помощью своей захватывающей дух логики превратить в доказательства самых злых намерений. Большинство мужчин в течение долгих лет истощают свои силы в таком «сожигательстве» и все еще думают, что здравый смысл должен когда-то победить. Наконец, они находят себя на улице или «тачка» становится извращенной привычкой, или женщина спрашивает шефа своего мужа о том может ли он еще «подняться». Много горя и нервной энергии можно было бы сберечь, если бы мужчины, наконец, поняли, что в таких «сценах» речь идет совсем не о спорном пункте, а об их партнершах и о них самих. Женщины любят порой хаос и охотно раздувают его, это источник молодости их женственности. С другой стороны, они ожидают, однако также, что мужчина освободит их от этого – сам мужчина, а не его скудные аргументы. Если женщина начинает спор или затевает обсуждение, повод, каким бы конкретным он ни был, только поверхностен. Женщина имеет в виду не то, что она якобы говорит. Она спрашивает не о вещи, она спрашивает о мужчине, который скрывается за этим, так как мужчина – это все равно центр ее жизни. Вещь служит ей только для того, чтобы снова выманить наружу мужчину, который исчез, вероятно, за какими-то конкретными материальными вещами. Он должен понимать, что у него спрашивают об его целостности и, вероятно, ставят ее под сомнение. Так что дело тут не в том, чтобы выполнить требование, например, закрыть тюбик зубной пасты, убрать брошенную рубашку или поставить машину в гараж. Такие вещи не могут мешать всерьез. Но они очень сильно мешают, если сам мужчина не в порядке. Тогда мешает даже то, что он все делает «правильно».

Женщины всегда жаждут божественно-мужского присутствия в мужчине, безразлично в каком настроении они, или на что они как раз жалуются. Мужчина должен понимать жалобы его партнерши как призыв постараться сделать самое лучшее и выровнять жизнь согласно своей правде и своему смыслу. Тот, кто хочет сделать это проще, должен пункт за пунктом исполнять ее претензии и баловать ее, сверх того, украшениями, одеждой и дорогими вечеринками – лучшее средство, чтобы превратить партнершу в гиену и получить урок для самого себя. Многие женщины нашли для себя удовлетворение в том, что увидели возмещение недостающей мужественности в кошельке мужчины. Так как мужественность стала настолько редкой, они хотят, как минимум, мужчину, у которого есть деньги (интересно, что это касается и женщин, которые сами хорошо зарабатывают). Но расчет никогда не оправдывается, ни для него, ни для нее, потому что шикарная самочка – самая невротичная из всех женщин.

Мужчина всегда может предлагать только самого себя: свое мужское присутствие, свою целеустремленность, свою целостность. Этому нет альтернативы и, кроме того, это его наивысшее доказательство любви. Если партнерша выпускает хаос, он не уходит, он остается без реакции, все же, полностью присутствуя в ее эмоциональных бурях. Если она замкнута, печальна, или рассержена, он встречает ее уловки с любовью и бодрствованием. Он не относится терпимо к ее перепадам настроения, он пытается проникнуть в них со своим бодрствующим присутствием, чтобы она смогла открыть ему свое сердце. Может случиться, что она вопреки его заботливому терпению отвергнет мужской подарок. Это может случиться из-за того, что на нее плохо повлиял неудачный опыт с другими мужчинами, а может с такой же вероятностью быть связанным с недостатком самоутверждения предложенных ей мужских качеств. Часто и то и другое встречается одновременно. Если мужчина сдается, принимая отрицательную позицию его партнерши, это признак слабости. Он довольствуется отношениями, в которых им в лучшем случае будут пренебрегать, которые не могут принести никаких плодов. Итак, он должен решиться покончить с отношением, из которого ничего не выйдет, не разочаровавшись и не разозлившись от этого. Он знает, что он для этого сделал все, что было возможно.

Ответ женщины на божественное мужское значит доверие. Это доверие необходимо для отношений, а также для нее самой, так как она только вследствие этого развивает свои женские качества. Женщина, которая доверяет, готова пожертвовать собой. Она может позволить вести, не требуя знать, к чему точно приведут дела. Она чувствует мужскую целостность, она знает, что ее партнер принимает решения однозначно и ответственно из самого глубокого ядра своей правды. Конечно, она может также взять свою жизнь в собственные руки. Но она вовсе не хочет этого. Если она чувствует мужскую «прочность», она предпочтет освободиться, расслабиться и наслаждаться тем, что ее партнер указывает курс. Вместе с тем она расслабляется также в своей собственной женственности. Она может подняться до того, чтобы стать чистым движением, чистой устремляющейся энергией и дарить себя своему партнеру в безоговорочной любви.

Вот так всегда служит ответственное господство.

Господством называется не только давать указания, а содействовать наилучшему, самому настоящему в человеке. Это не одна из возможностей, а основное задание мужчины в партнерстве. Мужчина в наивысшей мере ответственен за процветание отношений и за благополучие женщины, связывающей свою жизнь с ним. Его личная автономия, его самостоятельность это первая предпосылка к этому. Только если он суверенен, и не делает свое счастье зависимым от партнерши, он способен давать наилучшее и служить ей в любви. Она может связать себя с чем-то, что со своей стороны само не ищет себе опоры в чем-то преходящем, а твердо покоится в самом себе. Вме-

сте с тем «прочность» переносится так, что женские качества глубочайшим образом преобразуются. Женщина, символически говоря, становится «невестой», принимающей движение и форму «несущей скипетр» мужской силы. Силы, которая стимулирует ее изо дня в день, час за часом все больше расти над собой, превращаясь в открытости безграничной любви и преданности, в сияющую силу женского бытия. Предложить женщине этот шанс для саморазвития – вот что означает для мужчины быть главой и господином.

5. Магия сексуального соединения

Выше мы на различных уровнях попытались показать, что самое внутреннее стремление мужчины направлено на рост, на преодоление границ, чтобы в неограниченном достичь полноты собственного, космически укорененного бытия. Это стремление обязано было также выразиться в мужском эросе, а именно всей стихийной силой «virya», пронзающей его и воспламеняющей древней энергии. Если его собственного значения еще до сих пор не рассматривали, то это потому, что мы в прослеживании его творческой динамики автоматически приходим в завершение к теме сексуальной магии и касаемся вместе с тем «последних вещей».

«Сексуальная магия» – это слово, само звучание которого уже производит почти непреодолимое очарование. Это и неудивительно, так как секс – это «самая большая магическая сила природы», которая предоставляет также обычному человеку, пусть даже и в предчувствии темного травматического мгновения, открытие барьеров его отдельного существования. Перспектива, с помощью целенаправленного применения того, что уже лежит наготове, так сказать, одним махом завоевать упоительное, дурманящее измерение, в соответствии с этим заманчива и притягательна.

Тем не менее, сексуальная магия – это не быстрый, удобный и тем более наполненный рафинированными похотями путь, каковой ее воспринимают в «просвещенных» кругах. У нее есть свои границы и, прежде всего, также риски, которые нередко могут довести неопытного человека до самых тяжелых психических кризисов, вплоть до одержимости и «духовной смерти». По этой причине обучение сексуальной магии всегда считалось тайным и ограничивалось группами посвященных.

Это решение отдельного мужчины, хочет ли он и в какой мере использовать ее средства. Тяга к магическому вершинному руководству – это самая глубокая составная часть мужского эроса. Чем дальше развит мужчина, тем «более магически» будет формироваться его обращение с женщинами. Он не сможет избежать соприкосновения с этой областью. По этой причине – и только потому – нам нужно здесь поговорить на тему сексуальной магии.

Прежде всего, здесь решает практика, чтобы понять, где лежит тайна сексуального соединения. У кого здесь нет правильной перспективы, подобен воину, который слепо штурмует замок и не видит врага, «скрытно наблюдающего за порогом чувств».

До сих пор мы говорили, что событие сексуального притяжения, как и сила очарования эроса вызывается в самом общем понимании напряжением полярности Инь и Янь. Чем в большей степени мужчина является мужчиной, а женщина женщиной, тем больше и знаменательнее то, что происходит при их встрече.

Упадок эроса в наше время как «борьба полов» объяснялось нивелированием или выравниванием полярности. Однако обращение к прапринципам предлагает еще и другое объяснение эроса. Объяснение, которое отсылает к последнему тайному содержанию значения человеческой любви и сексуальности.

Что это такое, что со стихийной силой подталкивает мужчину и женщину друг к другу? Что находится за этим притяжением, которое освобождает опьяняющее, чарующее стремление к все большему и большему, ко все большей интенсивности и проникновению? – С энергетической точки зрения очевидно, что здесь должна быть достигнута целостность, растворение полярного напряжения в расслабляющем единстве. Если опереться на психологию полов, речь идет о требовании преодолеть границы между «Я» и «Ты» с помощью сексуальной любви, чтобы убрать обусловленность разделенного надвое, отделенного от другого бытия, по крайней мере, на момент экстатического превращения в единство.

Это объяснение, как бы ни напрашивалось оно, а также находило свое подтверждение в переживании любящих, остается закрытым для ориентированной на вульгарный дарвинизм сексуальной теории. Пока исследователи полагают, что сексуальность, пожалуй, была «изобретена» (вот только кем?) лишь для передачи наследственности (от кого?), они не могут ни дать удовлетворительного объяснения сексуального притяжения, ни объяснить столь характерный для человеческой сексуальности феномен, что оба пола со всей площадью их тел стремятся к самому тесному контакту, даже взаимному слиянию. Потребность объединиться, итак, стать «одним», должна оставаться загадкой при биологическом рассмотрении, так как для продолжения рода было бы вполне достаточно частичного проникновения. Как раз в этом столь очевидно символическом выражении, похоже, скрывается настоящая, движущая сила секса.

Во все времена люди ощупали и знали, что человеческая сексуальность – это стремление к воссоединению мужского и женского к вышестоящей целостности. Более высокое содержание значения секса наглядно показывалось не в

одном мифе. Один из самых известных – это миф об андрогинах, который Платон обработал в своем диалоге «Пир».

По словам Платона, существовала (угасшая) прараса, представители которой содержали в себе оба принципа мужского и женского. Они были сильны в «мощи и силе и имели также высокие мысли», вследствие чего они стали опасны для богов. Те парализовали их потенциал, расколов андрогинов на две части. Так возникли существа, которые как мужчины и женщины были носителем одного или другого пола.

Миф всегда обладает ценностью ключа. Он хочет не рассказывать сказки, а сделать объяснимыми современные феномены. К тому же он пользуется языком символов. Так что не стоит понимать прасуществ, которые описываются как шарообразные, как представителей какой-то реальной расы. Тут в гораздо большей мере имеется в виду духовное состояние, состояние абсолютного нерасколотого бытия, которое как таковое обладает божественными качествами. Настоящее целевое направление мифа состоит в том, чтобы вывести сексуальное желание людей из этого. Как разъясняет Платон, воспоминание о более раннем состоянии продолжает жить в расколотых существах и разжигает в них импульс восстановить утраченное единство снова. В этом импульсе нужно видеть последнее и вечное содержание значения человеческой сексуальности.

Если рассмотреть миф об андрогинах в более широком контексте, он принадлежит к тем, которые рассматривают переход от единства к двойственности, от бытия к потере бытия и абсолютной жизни. Таким образом он может, в конечном счете, быть поставлен также параллельно с библейским мифом, который тоже знает созданное по образу и подобию Бога андрогинное прасущество («Он создавал их как мужчину и как женщину», Первая книга Моисея, 1,2). Как в иудейской, так и в христианской эзотерике (например, у Скота Эуригены, Якобе Бёме) сексуальная дифференциация рассматривалась как настоящее последствие грехопадения, которое отстраняло двуполого прачеловека от Древа жизни. Адам дает своей жене имя Ева (= жизнь, живущая), так как он благодаря ей может вернуться к единству.

Если эрос представляет – бессознательную – попытку преодолеть последствия падения, выйти из конечного мира двойственности и восстановить первобытное состояние, дороги к этой цели, тем не менее, разные. Оба пола стремятся к тому, чтобы помощью плоти и пола через двойственность прийти к единству. Но как именно единство будет присутствовать как состояние бытия и пытается быть реализованным, зависит от глубинной структуры полов. Разный вид когда-нибудь осуществить их, составляет специфику мужской и женской сексуальности, эротического чувствования и стремления мужчины и женщины.

Что касается мужчины, то можно сказать, что он ищет единство как подтверждение самого себя, как это также соответствует назначению его жизни. Мужчина, который подчиняется своему бытию, обязан вечному происхождению вещей. У него речь всегда идет о растворении и прорыве ограничивающей формы к свободе первоначального существенного, ради возрастания над самим собой к самому себе. Однако, превращение собственной формы вызывает также превращение чужого, лежащего вне ее. Мужской эрос направлен на то, чтобы проникнуть в женщину, преодолеть, сделать ее своей; со всей присущей ему интенсивностью стремится он к тому, чтобы принять женщину в себя, чтобы найти и утвердить мужское в единстве. В «Упанишадах» сообщается об этом очень показательно: «Не из-за женщины (самой по себе) жаждет мужчина женщины, а из-за атма (принципа бессмертия)».

Также женщина стремится к божественному единству, однако, переживает его как повышенную форма самой себя. Подчиняясь принципу материи, она – часть космоса и как часть она не в состоянии мужское, которое представляет собой целостность, принять в себя. Поэтому она может воплощать единство только в той мере, в какой она готова отдать себе как самостоятельную часть и пожертвовать себя сплавлению с охватывающим ее мужским. Можно наглядно еще раз вспомнить библейский миф, в котором женщина «взята от мужчины».

Ключевое слово женской любви звучит экстаз – восторг, «выхождение» из себя самой. Эта мощно шумящая волна хочет прекращения, хочет уничтожения, радостно страстного растворения в «другом», которое больше, чем она сама. Таким образом, ее потребность, в принципе, такая же, как та, что воодушевляет религиозную мистику: Также и мистик стремится к божеству в избытке любви, поклонения, отречения и полной самоотверженности. Его целью является растворение в универсальном свете, с которым жаждущее желание, жажда души находит удовлетворение. Из-за своей концентрации на «другое», лежащее вне ее, женщина любит также «более лично», чем мужчина. Мужчина в самой своей глубине хочет женщину, праженщину без лица, которую он разыскивает в той и иной женщине и втягивает в себя. Женщина в ее преходящей, неопределенной природе стремится к точке опоры, требует совершенно конкретного лица, которое преображает ее сущность глубочайшим образом и дает ей опору. «Держи меня крепко, держи меня очень крепко», кричит женщина в экстазе. У мужчины такое требование было бы невозможным. Женщина хочет чувствовать мужчину как мужчину, и в нем она хочет чувствовать божественное: прочность, ясность, сознание. Мужчина, однако, который проникает в женщину со своей интенсивностью, хочет чувствовать себя самого. Его путь – это не путь пассивного растворения, это не «быть взятым», «выйти» из себя самого, а «найти самого себя», повторное завоевание своего центра. Здесь демонстрируется различие между магией и мистикой.

Ясно, что «более требовательное» стремление мужчины в конечном мире не так-то просто реализовать. Он тоскует по своей «Еве», которую он потерял, по Вечно женскому, что он совершенно хотел бы интегрировать, чтобы полностью прийти к самому себе. Женщина, однако, в которой он это ищет, как и он сам, ограниченное, «павшее», отделенное от божественной первопричины существо. Как таковая она также и высшее проявление всех внешних представлений, форм и вещей, которые постоянно влияют на наши чувства и предвещают исполнение. Эта двойственность обосновывает трагичность мужского эроса, его заблуждение и расщепление его сил. Мужчина может после полового акта почувствовать «метафизическую» печаль в себе, которой не знает женщина. Женщина может быть разочарована мужчиной, если он не сдержал то, что обещал. Но она не знает его печали. Печаль мужчины совершенно независима от «качеств» женщины или пребывания с нею. Она следует из чувства отрезвления, «состояния обманутого» после акта, который хотел неба и привел, все же, только к «опустошению».

Каждый мужчина хоть раз уже почувствовал это. Он приближался к апогею, достигал озаренного молнией момента соединения, но как сокрушенный переживанием и растворенный он тонул в том, что называют «наслаждением». И уже все миновало. Преодоление двойственности, ощутимо приближенное и затронутое в травме сексуального экстаза, сплавление, которое должно было бы продлиться целую вечность: отодвинуто в недостижимую даль, болезненно осознанна только стена, которая разделяет два разделенных друг от друга существования. – Содержания редко выступают в конкретной ясности. Они вытесняются или перекрываются неприятным чувством постэякулярного изнурения, в котором с вещами просто смиряются. Тем не менее, кое-что из удручающего привкуса остается, и он нередко ведет к установкам и поведению, которые принадлежат к явно темной стороне мужского эроса.

Многие мужчины после сношения быстро поворачиваются в сторону, хотят отключаться, больше не видеть их партнершу. Только ли это вялость или также чувство провала, неудачи, которое соединяется со стыдом и отвращением? Есть даже мужчины, которые ругают свою партнершу, как только это закончится. Переживание «недостижения цели» часто ведет к презрению женщины и сексуального вообще, считающегося грязным и неполноценным. Эта позиция ведет к цинизму и порнографическому духу. Во все более тесных оборотах мужской эрос концентрируется к чистой жажде похоти, к плотской щекотке, которая свободна от всяких более высоких переживаний. Мужчины склоняются к потере уровня, который женщины обычно не принимают.

То, что мужчина через сексуальное соитие не находит того, что он, собственно, ищет, также основная причина его закоренелой полигамии. Биологи объясняют ее по-другому, все же, здесь это неинтересно. Если следовать за общепринятой точкой зрения, мужчина скачет от женщины к женщине потому,

что он никогда не удовлетворен по-настоящему – и потому, что он слишком глуп, чтобы узнать причину. Каждый мужчина знает, что после захватывающего взлета на высоту следует отрезвление. И то, что даже с самой лучшей женщиной никогда не будет так хорошо, как он ожидал раньше. По крайней мере, не надолго. Тем не менее, он охотно пытается найти так много женщин как возможно, однако, всегда становясь жертвой иллюзии, что якобы может найти недостижимое. Тщетная охота за сексуальным исполнением со своей стороны сама благоприятствует снова вожделению, плотской похоти мужчины. Как бессильное плавание по течению, как непрерывная жажда, которая может иногда успокоиться, но никогда не исчезнуть, она – причина его недостойной, рабской зависимости от женщины.

В «Пире» есть еще другой миф, который специально занимается этой проблемой. Речь идет об особенной версии происхождения Бога Эроса. Бог-отец Зевс устраивал пир в своем саду. В этом принимал участие Порос, который в течение вечера поддался опьянению. Пеня, которая пришла, чтобы просить милостыню, использовала его состояние, чтобы совокупиться с ним, так как хотела иметь от него ребенка. Из их сомнительной связи произошел Эрос. Пороса и Пению пытались истолковать самыми различными способами. Самый глубокий смысл получается, если понимать Пороса как выражение изобилия (бытие) и Пению как выражение пустоты, потери (бытия), т.е. вернуться к тем метафизическим величинам, которые играют такую большую роль в греческой философии. В одно мгновение «слепого опьянения» бытие связывается с небытием. Оно становится неверным самому себе, своей настоящей природе. Абсурд этой связи создает характер персонифицируемых в образе Эроса любви и вожделения. Эрос одновременно беден и богат; хотя он – «навевающий страх волшебник» и «создающий беспокойство охотник», он несет в своей груди потерю, которая никогда не позволит ему прийти к владению. Охотник – одновременно дичь. Греческий философ Плотин, который определенно отсылает к этому мифу, сравнивает плотскую любовь с навозной мухой, которую постоянно мучит ее вожделение. Даже если любовь находит удовлетворение, она должна жаждать снова, снова и снова, так как удовлетворение – это только «помощь ее недостаточности». Истинная полнота не могла бы получиться «из смешивания, а состоять только в том, что в самом себе несет целостность в силу собственной природы» (Plotin, Enn. III V 2). Другими словами: вожделение, которое исходит только из потери, не может найти удовлетворения вследствие того, что оно ищет воплощения в «другом». Даже если оно полагает, что нашло его, оно свидетельствует только об ее потере, о ее зависимости, ее бессилии «быть» в абсолютном смысле. Направленная вовне похоть предполагает раздвоенность, разобщенность мужчины и женщины. Поэтому в соединениях, к которым она толкает, раздвоенность не преодолевается. Она еще больше утверждается, укрепляется, и вместе с тем начинается бесконечный, глухой круговорот иллюзий, инстинкта и вожделения. Стремление к бытию, которое сбивается с пути, превращается в стремление к длительности, к продолжению в желании, которое

всегда воскресает с той же самой утратой, но после продолжения также и в породе. Зачатие другого, ребенка, выходит на место самозачатия, андрогинной интеграции. И тем самым повторение собственного во многих разделенных существованиях, из которых каждое напрасно пытается достигнуть бытия.

Таинственная сексуальность и, прежде всего, сексуальная магия стремятся сломать этот круговорот, бессмысленно-разочарованные вращения Конечно-го вокруг себя самого. Высшей целью является активировать направленную на бытие силу эроса, чтобы тот смог совершить деяние излечения, «Химическую свадьбу». К тому же фиксации на вожделенное «другое» необходимо полностью воспрепятствовать. Одновременно «другое» предполагается в форме партнера противоположного пола, чтобы возникло напряжение, которое может использоваться как средство исполнения. Ситуация притяжения, которое осознанно интенсифицируется до максимума, сравнивается вследствие этого с движением по краю. В одном тантрическом тексте сообщается, что речь идет о пути, который так же труден, «как идти по лезвию меча или держать в узде тигра». Сложность состоит, прежде всего, в том, чтобы противодействовать «опрокидыванию» эроса в его низкую форму вожделения. Отправляясь в этот путь на практике, сначала нужно ясно различать, что есть два разных вида, лучше сказать: две формы проявления эроса. Это познание уже само по себе кажется, так как наши сексологи сегодня почти ничего не знают об этом.

С одной стороны, существует магнетическая, магическая или очаровывающая форма – как бы вы ее не назвали – которая вызывается непосредственно полярностью полов. Она создает своеобразное состояние напряжения, флюид между мужчиной и женщиной, который достигает любого уровня интенсивности. Это состояние эроса – решающее для магического продолжения, так как оно скрывает потенциал, который испытывается уже в очень банальных формах любви как «опьяняющий» и вызывает первое повышение бодрствующего сознания. Опьянение, «колдовство», «чары», магнетический «восторг» в полной мере может вести за пределы индивидуального в сферу, в которой стерты границы времени и пространства. Это переживание, которое описывается гуманистами Ренессанса как «фурор», Платон говорит о «мании», энтузиазме, который мог бы преодолеть расселину между божественной и смертной природой. Как таковую он ставит их в большую связь восторга, вызванного демоном или богом, которая ведет к освящению в мистерии. Марсилио Фичино (*Sopra lo Amore*, VIII, 13, 14) говорит об этом, что речь идет «о том виде бешенства, которое вдыхает в нас Бог, если он поднимает человека над человеком и превращает его в Бога».

От этого нужно отграничить того другого эроса, который тоже дарит опьянение, однако, сам полностью связан с низкой природой, так что он испытывается как похоть, животная течка, как телесное наслаждение. Платон говорит

о «мании», которая исходит не из божественной инспирации, а из «человеческой болезни». Ее уровень лежит не выше, а ниже чем принцип личности.

Один эрос может резко поменяться на другой, как происходит при апогее экстаза, радостный излишек которого кажется невыносимым, так что экстаз разрушается и кончается шумным спуском под уклон в освобождающем поднятии на дыбы. Наряду с этим существует постепенный перенос, который наступает, прежде всего, тогда, когда сексуальное сношение с одним и тем же лицом превратилось в привычку. «Излучающий» характер Эроса ослабевает все больше, слияние флюидов двух существ уступает место напряженному поиску похоти, которая локализуется все больше на определенных зонах или органах, прежде всего, половых органах. Конечная точка достигнута тогда, когда грубое, плотское вождение станет самоцелью, что в некоторых случаях запрограммировано, естественно, с самого начала. Мужчина и женщина общаются без настоящего перехода в состояние единства, только с целью индивидуального удовлетворения, почему в «Камасутре» говорится также о «соитии евнухов».

Как бы правомерно и необходимо бы не было отличать высокий эрос от низкого, их двоих все же нельзя разорвать, как если бы они не имели отношения друг с другом. «Скрепка», которая объединяет обоих, – это стремление к бытию, обожествление понравившегося человеческого существа. Воля индивидуума преодолеть собственную конечность никогда не может полностью раствориться или подавиться. Также в форме вождения продолжается метафизическое стремление, повинуется, однако, законам материального уровня, который оно возложило на себя самого. Привязанное к плоти оно продолжает жить в той глухой, отчаянной борьбе, которая дает праймпультс к вечному круговороту зачатия. Повторение индивидуумов как «бессмертие в Великой матери» – это отражение того другого бессмертия, которое можно реализовать только в духе. Это перед глазами говорила мистериософия об едином течении с двойной рекой: Если течение течет вниз, оно производит людей, но если оно течет вверх, оно производит богов.

Наивысшая цель магической сексуальности, «направить реку вверх», образует богатое содержание самых различных учений посвящения, из которых тантрическая йога – теперь самое известное, ибо ее больше не держат в тайне.

Эта книга написана не для того, чтобы рассказать читателю о порой слишком сильно действующих и небезопасных технических приемах, простирающихся от задержки дыхания до пережимания мужского члена в момент оргазма. Мы и без того думаем, что техника – это только лишь бездушный каркас, который для того, кто самовольно хотел бы подняться вверх над этим, обрушится при первой же нагрузке – что большей частью не обходится без пагубных последствий. Гораздо важнее, чем «расписание действий» – внутренние

предпосылки, которыми должен располагать стремящийся к совершенству. Если у него есть богатое душевное состояние, то направление вверх силы, воздействующей в сексе, осуществится полностью само собой. Мы здесь вне-сем только то, что необходимо и существенно; тот, кто хотел бы углубиться в тему, может воспользоваться соответствующей литературой. Ввиду изобилия маловажных или дезориентирующих сочинений мы рекомендуем, прежде всего, произведение тайландского врача Мантака Чиа, который попадает в ядро вопроса, кроме всего прочего, требованием предотвращения потери семени.

Решающее предварительное условие для каждого, кто хотел бы практиковать сексуальную магию, без сомнения, в том, что в нем должна быть трансцендентная точка опоры. Он должен нести в себе неподвижность, которая достаточно стойка, чтобы принимать в себя тотальность бытия, не будучи сокрушенным ее мощью. Это «бриллиантовый» принцип буддизма, который должен был быть осуществлен сияя и неприкосновенно по крайней мере частично.

Мужчина, который будит более глубокие силы эроса, должен быть совершенно дисциплинирован энергетически. Это не значит, что он должен дистанцироваться от эротической ситуации, что иногда ошибочно понимается под этим. Тогда объединение было бы вовсе не возможно, или все опустилось бы до бравурной пьесы без смыслов и вкуса. Дело именно в том, чтобы разжечь страсть до самой конечной точки и оставаться, тем не менее, господином ситуации. Это смысл заповеди целомудрия, как ее снова и снова требуют в учениях инициатического или аскетического направления. Целомудрие не означает, при правильном понимании, никакого подавления сексуальности, а преобразование или перенос ее энергии на более высокий уровень. При этом сила секса подтверждается без ограничений как самый глубокий корень жизни.

Нужное дисциплинирование, естественно, не достается мужчине без труда. Оно – переживание длинного, трудного пути самосовершенствования. Не просто так «испытание женщиной» – это последняя и самая требовательная проверка, которую рыцарь Грааля должен был выдержать после целого ряда предприятий, действий и приключений. Духовное оружие, которым он доказывал свою мужскую пригодность, должно снова быть утверждено также на трансцендентном уровне. Больше всего сексуальный маг нуждается, пожалуй, в силе «знания», о котором мы сначала говорили, что оно представляет собой начало и конец пути. Знание, понимаемое не как владение, а как власть, как способность к проникновению. Нужно проникнуть сквозь покрывала майя, которые образуют игру призраков мира появления, чтобы взгляд на происхождение вещей был освобожден. Быть связанным с магическим эротизмом это значит, что ни в коем случае нельзя позволить одолеть себя женскому обаянию, которое обычно околдовывает. Женщина как «другая» и

потому вожденная, должна быть преодолена. Мужчина должен допустить страсть, чувствовать силу очарования женщины во всей ее бездонности и интенсивности – чтобы неустрашимо пробиться сквозь нее к настоящему источнику энергии его желания. Внешний покров совсем ничего не значит. Мужчина должен знать, что его желание идет куда глубже, чем женщина могла бы его удовлетворить. Она – только калитка к блаженству, не само блаженство. И так, он может взмахом воодушевления его желания катапультироваться к тому источнику, который женщина только обещает. И которое она, тем не менее, готовит ему как таинственное сокровище в первопричине божественной «Инь».

При применении сексуальных магических приемов целесообразно продвигаться двумя этапами. При первом или нескольких первых сеансах следовало бы избегать физического контакта, чтобы полностью смог развернуться обмен тонкими материями. Это важно, прежде всего, для начинающего. Если мужчина чувствует себя в полном владении его «virya», физическая связь тоже может происходить. Встречи всегда должны происходить в том же самом помещении, час после полуночи видится как особенно благоприятный (ночь как женственный элемент). Пара может немного раньше медитировать и не должна много есть вечером. Для очищения атмосферы и духа полезно окурить помещение ароматическими эссенциями, например, ладаном. Контакт флюидов на магнетической основе должен соединить сидящих напротив друг друга обнаженных партнеров как можно более интенсивно. Для этого нужна сильная поляризация, которая в исходном тантризме вызывалась буквально оперативными приемами, при которых женщине в различных позах вливался и вкладывался «божественный флюид». Мужчина и женщина превращались в реальные воплощения вечной пары богов, и их соединение могло происходить на наивысшем магическом уровне. Мы не располагаем такими средствами, все же, напряжение может интенсифицироваться и другими путями, например вследствие того, что оба партнера довольно долгое время перед встречей сексуально воздерживались. Некоторые письменные источники требуют, что также до того с «исключительной женщиной», как ее охотно называют, не должно было быть никакой интимной связи. Кроме того, ей должно быть не меньше восемнадцати лет, и не должна еще быть матерью. Такие указания всегда так легко исполнить. В принципе, речь при этих уточнениях, однако, идет только о том, чтобы активировать циркуляцию тонких сил, насколько это возможно.

Решающим является и вопрос, какой тип женщины вообще еще находит применение в сексуальной магической линии. Трудно себе представить, что «уверенная» в себе современная девчонка, возможно, в джинсах и кроссовках, источает силу «роковой женщины». Тут необходим определенный тип, который здесь еще едва ли представлен. Тип, который несет в себе тайну определенных статуй женственных божеств: девственных, возвышенных,

неприступных, при этом наделенных обещанием всепоглощающей чувственности, итак, силой «пассивно активного».

Также мужчина должен удовлетворять определенным требованиям, которые могут быть перечислены просто. Кроме того, что он должен быть мужчиной, решающим для него является умение чувствовать особенное излучение женщины – ее «природу тигра», как она иногда называется – во всей интенсивности. Если он при виде своей голой партнерши не чувствует того же пугающего головокружения, как воспринимают его перед раскрытием мистерии, то речь больше не идет о сексуальной магии, а о банальном акте со всеми обычными последствиями.

Следующее обстоятельство касается того, чтобы увеличить и закрепить напряжение флюидов, чтобы оно при этом не было вытеснено плотской похотью. Этого можно достигнуть, прежде всего, оставаясь присутствующим в духовном плане. Не позволяйте вашей фантазии отклоняться к образам сексуального представления. Концентрируйтесь на вашей партнерше больше, чем на ее теле, на ваших ощущениях. И не оставайтесь у внешней оболочки, а проникните чувством внутрь вашей партнерши: в ее душу, ее женскую энергию, в ее самую внутреннюю сущность. Процесс духовного прочувствования и проникновения находит свое соответствие в присутствии тела. Держите его расслабленным и полностью присутствующим. Расслабьте, в частности, переднюю сторону, пространство живота и груди, однако, не оседайте. Позвольте вашему дыханию входить и выходить глубоко и равномерно. Диафрагма и живот – это места силы. Дышите сначала только в живот, так что он изгибается, и вы чувствуете легкое давление на половых органах. Дыхание затем поднимается самостоятельно в грудь. Не удерживайте его, а дайте ему немедленно вытечь снова.

Вы знаете этот естественный ритм из вашей медитации, и, надо надеяться, также из будней, где он должен был уже стать привычкой. В следующем вы должны согласовывать ваше дыхание с дыханием вашей партнерши: когда вы выдыхаете, ваша партнерша вдыхает и наоборот. Из-за этого возникает циркуляция флюидов, которая интенсифицирует естественный магнетизм. Смысл «платоновского времени обучения», которое может растянуться на разные сеансы, – это упражнение самообладания. Очарование вашей партнерши должно ловить и обвивать вас все больше, должен разжигаться огонь, который довел бы каждого обычного мужчину до хаотичного, жадного действия. Но вы увеличиваете ваше тонкое мужское качество точно в такой мере, в какой вы чувствуете натиск всепоглощающей женской энергии и принимаете его глубоко в себя. Тем самым вы возвращаете связанную с физическим мужским качеством пассивность в активное бытие самого вашего «Я».

На втором этапе вы устанавливаете физический контакт. Сначала легкими и мягкими соприкосновениями, тогда объятием всем телом. Если ваше возбуж-

дение увеличивается, важно удерживать сексуальную энергию в потоке, так чтобы она нигде не «накапливалась». Чувствуйте вашего партнера больше чем себя самому. Не фантазируйте. Секс происходит не в голове и не в гени-талиях, а во всем вашем теле. Если вы заметите, что ваше дыхание становится быстрым и неглубоким, что ваши мышцы судорожно сжимаются, расслабьтесь совершенно осознанно. Дышите глубоко и спокойно, потом энергия опять потечет свободно и стремление к эякуляции уменьшится. Приведите ваше дыхание в соответствии с дыханием вашей партнерши. Вы можете на этой стадии замкнуть прямую и непосредственную циркуляцию, дыша друг с другом через рот. Почувствуйте желание женщины. Вдохните ее желание в себя. В увеличивающемся головокружительном возбуждении, которое продвигается все больше, вы сможете скоро получить чувство слияния, ощущение, что она полностью в вас. В этом состоянии уже может прийти – даже и без физического проникновения – до экстаза, до устранения нормального, индивидуального сознания.

Если вы проникаете в вашего партнера через половые органы, вы можете решиться эякулировать. Однако это тот момент, который в большой степени требует владения телом. Вы ни в коем случае не можете излить семя наружу. Скорее вы должны заставить ваше семя подняться вверх через позвоночник. Для этого вам заранее нужно научиться сильно стягивать мышцы в нижней области туловища, т.е. в заднем проходе, половых органах и лежащей между ними промежности на несколько секунд. Одновременно туловище и таз тянутся вверх в направлении позвоночника, поддержанные глубоким вдохом.

В кругах йоги также рекомендуется останавливать дыхание так долго как возможно, сжимать кулаки и поворачивать глаза вверх. Вследствие этого связанная с семенем »vīṛya«, вместо того, чтобы течь наружу, проникает во все тело и погружает сознание в «опьянение астрального света». Тем не менее, возникает вопрос, не возникает ли при этих насильственных вмешательствах, по меньшей мере, не для полностью привыкших, одновременно также дистанцирование от эротической ситуации, так что весь тонкий процесс оказывается в опасности.

Менее рискованным, чем тантрийский путь йоги, без сомнения, является китайский вариант дао-йоги, который рекомендует подавление семени и вместе с тем приходит к тому же результату. Подавление также не могло бы чинить при увеличивающемся и совершенствующем желании особенных препятствий. Уже в области банальной эротики особенно высокая ступень в вождении может предотвращать нормальное физиологическое окончание. Однако, магическая любовь при ее переносе сознания ведет к еще более сильному отделению психических от параллельно происходящих органических процессов, так что кризис эякуляции в большинстве случаев вовсе не происходит. Это снова очень положительно, так как при этом преобразование про-

сыпающей силы возвещает обо всем исходящем от женщины и вызванном соединением переживании. Желание, вместо того, чтобы околевать с коротким, судорожным мгновением, «фиксируется» или стабилизируется переносом на тонкий уровень. Оно переходит в непрерывное, свободное состояние, которое больше не подлежит физиологической обусловленности. В циркуляции, в которой женщина – только лишь питание, уже не визави, осуществляется слияние неподвижного, зафиксированного Шивы с его супругой, «объединение неба и земли», как говорит китайский даоизм, или, в дословном тексте алхимии, «Адама красного с Евой белой», к возрождению Андрогина, о котором говорилось, что он внушал страх даже богам. Это «Мистерия трех», производящая цель сексуально-магического превращения: Единица, когда она связывается с женской Двойкой, возвращается к самой себе. Женщина как Ева (дарящая жизнь) становится «воротами, через которые входят к Богу». По ту сторону существующего в пространстве и времени вожделения вспыхивает нирвана, внезапное осознание единства, нераздвоенности, и вместе с тем «большое освобождение».

5.1. Опасности сексуальной магии

Есть два больших испытания и искушения, которые угрожают деянию завершения. Первое и самое опасное состоит в том, что мужчину в фазе амальгамации, слияния с женской стихийной силой, может быть унесен его вожделением и влиться в женщину. Так как «vīṅa» сильно активирована и проникает в его семя гораздо интенсивнее, чем обычно, последствия потери семени совсем другие, чем при профаническом соитии. К этому добавляется, что из-за возбуждения в круговороте флюидов не только мужчина, но и женщина увеличивает свое тонкое существо. Это, естественно, смысл процесса, тем не менее, нельзя забывать, что женский элемент в многочисленных преданиях связывался не только с «соблазном», но и с силой «демонического». Причина кроется в естественной склонности принципа материи привязываться и получать вместе с тем «форму». Если теперь женщина, которая по сути своей состоит из «вожделения», так как она «страстно жаждет» бытия, которого у нее нет, осуществляет ее магическую природу Шакти, эта демоническая сторона может обнаружиться открыто. Она проявляется в непреклонном принятии и в поглощении в себе магического бытия мужчины, так что можно сказать о «высасывающей смерти», от которой страдает мужчина из-за женщины. Так как он позволил проникнуть женской силе в самый глубокий слой его существа, существует опасность полного сексуального отравления. Мужчина может деградировать до инструмента силы, которую он хотел использовать, собственно, только как средство. Жизнь падет жертвой пылкой похоти, его магическое мужское бытие теряет силу. Это судьба короля Амфортаса, которому отравленное копье нанесло жгучую неизлечимую рану в его поле, так что он потерял силу и стал неспособен дальше исполнять королевские обязанности. Здесь в ядре повторяется опасность владения властью: Если

центр не стоит прочно, вращающиеся вокруг него силы «Я» срывают его с собой и овладевают ним, вместо того, чтобы самим быть во владении.

Проблема при сексуальной магии состоит также в том, что можно покинуть уровень самообладания, не осознавая это отчетливо. Вместо того, чтобы использовать секс как средство к принятию контактов с трансцендентным, речь все больше идет о том, чтобы интенсифицировать сексуальное переживание, не превращая его. Это признак так называемой Красной магии, которая в некоторых кругах доминирует в проводившихся там сексуально-магических приемах. Потому нужно предостеречь также от всяческих курсов тантры, которые сегодня произрастают на каждом углу, как грибы. В связи с механическим допущением слабых или даже дефектных натур к пути, на который раньше могли вступать только исключительные люди, их требования и задачи сейчас опустились ниже некуда. Если они даже едва ли могут открыть более глубокий слой сущности, так как они занимаются в большинстве случаев безвредными, полуэротическими забавами, все же, цель их пагубна. Как и во всей зараженной «New Age» «духовности» интеграция стремится не к нахождению самого себя и к экстремизации собственной формы, а к нивелированию и смешиванию. Воплощается не сверхъестественное «Я», а повышенное самоотчуждение, псевдобытие мутного полового соуса, для которого также, естественно, ничего не значит, который даже бисексуальность считает нормальной и «человеческой».

Второе большое искушение сексуальной магии состоит в том, что возвышающиеся, выдающиеся опыты проецируют на соответствующую партнершу и вместе с тем снова попадают в зависимость от женщины. Разумеется, партнера играет в этом деле роль, но все же речь идет об опытах, которые согласно единогласному вотуму мастеров Дао нужно по возможности также воплощать в одиночку и для самого себя. Также в буддийских тантрических текстах говорится о мастерах, которые достигли просветления сексуальными приемами, но потом следовали другой дорогой, уже без применения женщины. С помощью космологического заднего плана уже было показано, что мужчина на основе простого факта своего мужского бытия мужчины может добраться до сверхъестественного воплощения своего «Я».

Этому соответствует мудрость тантрической йоги, которая обобщает дух этой дисциплины: «В чем я нуждаюсь в женщине вне меня? У меня есть женщина во мне». По учению йоги богиня присутствует в человеческом организме в форме элементарной, стихийной силы. Обычно она «спит» в тонком, расположенном в основании позвоночника центре и называется «кундалини», ибо она извилистая как змея. В этом состоянии она препятствует по обучению мужскому Янь, в то время как она поработает это и поворачивает наружу. Символически это также представляется так, что она преграждает открытие фаллоса Шивы, вследствие чего семя возрождения не может подниматься. С применением сложных техник йог может развязать ее изгибы и побудить ее

подняться до вершины, где она объединяется с расположенным там мужским центром. Так доходит до совершенного слияния, до растворения принципа Шакти в принципе Шивы, так что в герметичной традиции говорят также о «смерти женщины», что является предпосылкой для Великого освобождения, сбрасывания космических оков.

Эта «молниеносная дорога к единству» предполагает исключительное самообладание духом и телом и для недостаточно Вооруженного может означать безумие и смерть (не в инициатическом, а в реальном смысле) почему мы дальше не хотим останавливаться на этой экстремальной форме.

Речь шла только о том, чтобы разъяснить еще раз, что мужчина уже несет решающий потенциал в себе. Йога кундалини – это одна из возможностей пробудить лежащую в нем стихийную силу, сексуальная магия – другая возможность. Наряду с этим есть и другие, менее рискованные возможности инициатического открытия, которые вращаются вокруг темы вызова, воздержания и перехода грани; они были предметом этого труда. Мужчина, который стремится к более высокому, всегда склоняется к тому, чтобы в той или другой форме действовать сексуально-магически. И даже тогда, когда он концентрируется больше на партнерше, чем на собственной похоти, и прекращает при каждом соитии принудительно эякулировать. Он может еще дальше пройти по этому пути, но он всегда должен сознавать относительность практики сексуальной магии в системе выражения мужского саморазвития. Относительность, которая была известна, впрочем, уже Платону, когда он связывал божественный энтузиазм, манию, которую вызывал Эрос, с большим контекстом, присоединяя ее к одной из маний муз, пророческому дару Аполлона и апостолов Диониса (Phaidros, 265b). Как общая причина всех возможностей остается воодушевление, «светлое опьянение», которое объективно ведет выше индивидуального существования к разновидностям трансцендентной демонстрации сущности – в любящем так же, как и в творце художественного произведения, также как в воине, который побеждает свой страх или в том, видения которого преодолевают границы времени и пространства. Если победа мужчины укреплена, он принимает скипетр и отделяется от вспомогательных средств. Он не нуждается больше ни в женщине, ни в войне, ни в палитре, так как он – в себе самом повелитель стихий, т.е. Бог.

6. Мужчина и семья

В заключение еще несколько соображений о положении и задачах мужчины в семье. Если семья, если она исправна, который предлагает женщине оптимальную возможность для развития, то для мужчины это не может предполагаться в той же мере, осторожно говоря.

Уже обычному мужчине знакомо стремление, освободиться от уз, в особенности от связи с одной единственной женщиной. Превосходящий мужчина, который идет путем самотворения, при присоединении в такой тесный союз, требующий временных, эмоциональных и экономических обязательств, возможно, еще большие трудности.

Все же, даже это не проблема. Также как отец и супруг можно осуществлять, наконец, определенные аспекты мужского бытия и кто чувствует себя призванным к этому, добровольно смирится с ограничением, также отказ, в других областях.

Настоящая проблема состоит в том, что учреждение семьи во время поднявшегося индивидуализма значительно пошатнулось. Увеличение неудачных браков, связанных с этим расставаний и разводов говорит об этом отчетливо. Прежде всего, женщина больше не готова сделать своему партнеру даже самую маленькую уступку. При первом конфликте она, смертельно оскорбленная, бежит к судье, занимающемуся бракоразводными процессами, и говорит о психической жестокости. Глобально переплетенная экономическая структура, которая обращается с еще терпящими рабочими руками как со свободно перемещаемым потенциалом, добивает брак и семью. Задумано расставлены приоритеты; дети для стремящихся к результату людей с побочным заработком и без того уже предметы роскоши, и если необходимо, то в жертву приносится как раз также и отношения между двумя.

Тенденция к социальной атомизации – ничто, на что нужно было бы жаловаться. Если мужчина и женщина больше не переносят друг друга, если секс, своеобразие и профессия требуют новой ориентации, тогда они должны уйти с дороги.

Все-таки роспуск семьи честен; он указывает, что исчезает что-то, что и без того не обладало уже самостоятельной ценностью. Уже давно этому учреждению спасали жизнь только страхи и соображения пользы мелкобуржуазной морали. Морали, которой было абсолютно безразлично, как обстояли дела за внешним фасадом брака. Если мужчина и женщина были в загсе, а потом обручались церковным браком, они более или менее могли делать, что хотели: обманывать друг друга, лгать, избивать или оставаться вместе просто из инертности и соглашения. Главное, чтобы их сосуществование признавалось как базисная ячейка общности, из которой должно было родиться подрастающее поколение.

Куча детей была тогда тоже скреплением брака, его собственным оправданием. Это упрощение, естественно, поддерживалось церковной сексуальной моралью, которая вовсе не хотела признавать за сексуальной моралью супружеской связи никакой более высокой и самостоятельной ценности. Сексуальность рассматривалась как зло, брак как меньшее зло, как уступка тем,

кто не мог отказаться от сексуальности. Таким образом, смысл брака был ограничен банальным биологическим фактом, грешная сексуальность оправдывается только благодаря зачатию детей в одобренных церковью рамках.

После крушения сооруженной церковной моралью и мелкобывательским духом структуры порядка, который искусственно стабилизировал семью на протяжении веков и придавал ей славный свет возвышенного, хотя она была ничем иным, как биологическим и социологическим институтом принуждения, мы сегодня видим неотвратимые последствия.

Люди вступают в брак, если вообще это делают, из самых фривольных и самых смешных мотивов, например, так как перед алтарем «это очень торжественно» или так как используют брак (прежде всего, в США) как моральное прикрытие чего-то вроде благородной проституции: сочетаются браком, расстаются и снова вступают в брак, всякий раз, когда есть желание. Или же вступают в брак по критериям самой плоской пользы, из-за налоговых льгот или так как муж – это машина для получения денег.

Если понять расстворение семьи в последнем и одновременно реалистично оценить ее шансы в сегодняшнее время, нужно знать, что первоначально обосновывало ее единство. Мы все же едва ли можем представлять себе семью иначе, чем мелкобуржуазное учреждение с более или менее сентиментальными связями. Но на самом деле во любой более высокой традиции ей придавал форму и опору как раз надличностный, духовный элемент. Его вносил глава семьи, отец, авторитет которого образовывал твердую точку опоры. Слово «отец» происходит от того же этимологического корня как и «господин» и «властитель». Внешнее господство отца (*potestas*) было только естественным следствием его «внутреннего» господства, которое отражалось как духовно-психическое влияние. Благодаря ему он являлся «определяющим», «придающим форму», когда ставил отдельных членов семьи в основывающую смысл связь, через которую они узнавали свое определение в жизни. Однако влияние отца действовало также, выходя за пределы поколения, в смысле передачи духовного течения, традиции, идейного наследия. При этом духовный момент превосходил чисто кровное продолжение семьи. Этот духовный момент связывал семью также с помощью силы и мудрости предков. Особенно отчетливо это сказывалось в античных благородных общинах, в Греции и Риме. Отец был жрецом священного огня, символом божественного наследия каждой семьи, и казался своим детям, родственникам и рабам «героем», посредником действующей связи с трансцендентным. Как «господин копья и жертвы» воплощал он королевскую и жреческую власть в одном лице. Его непререкаемый авторитет, который распоряжался также жизнью и смертью, выковывал из семьи единственное тело в той и этой жизни. Совместно совершаемые ритуалы делали единство снова и снова заново переживаемым. Вместе с тем античная семья была гораздо более религиозная, чем основанная лишь на крови общность.

Естественно, эти отношения нельзя просто перенести в нашу современность. Однако нужно время от времени вызывать их в воспоминании, чтобы определить, какие привязывающие и центрирующие силы присутствовали в семье традиционного мира. Как может семья дальше иметь твердую середину, которая ее удерживает, если сегодня отец стал настолько чужд ей, что его духовно-эмоциональное влияние практически граничит с нулем? Разлом между старыми и молодыми поколениями, которые противостоят себе все больше отчужденно и враждебно, – это только одно из последствий отцовского улетучивания. Королевство без короля опустеет и распадется. Довольно долго, вероятно, через нескольких затемненных поколений, господство, даже и будучи оторванным от его первоначальной основы, еще может продолжать воздействовать. Но потом его должно заменить неподвижное, неорганическое поддержание порядка, наконец, распадается также и оно, и не останется ничего, кроме пыли кружащихся в вихре индивидуальностей, следующих за своими расплывчатыми потребностями.

Все-таки из-за этого необходимо снова направить взгляд на суть. Если сплетение кажущейся морали, жизненной необходимости и социального приспособления, которое подпирало семья и одновременно, разрастаясь, ее заглушало, отпадает, если также свободные соединения чувств («свободный брак») оказались ненадежными, интересы этой общности снова демонстрируются в трезвой ясности.

Две вещи, пожалуй, имеют решающее значение для единства и существования семьи (брака): с одной стороны, каждый из партнеров должен быть готов пожертвовать самим собой в пользу другого. Также чувство расположения должно сопровождаться определенным умением чувствовать надличностно и превосходить себя, в конце концов. Любовь и симпатия преходящи, жертва и преданность вневременны.

С другой стороны семьей (браком) нужно управлять. Не насильственно и не из узкого кругозора простой прагматики, а из духовного отношения, которое придает семье ценность и право на существование.

С этими предпосылками проблема теперь снова становится отчетливой. Даже если наличествует добродетель отцовского авторитета – ее принципиально следует предполагать у более высокоразвитого мужчины – она, вероятно, не сможет развернуться, так как ей преградят путь предубеждения и глухота в новых поколениях.

Речь идет не только о том, что партнерша к моменту брака в большинстве случаев уже пережила свой жизненный роман и односторонне установила для себя, что она, даже если она «невинна», со временем попадет в круги, которые проповедуют ей «здоровую самореализацию» – мужчина еще мог бы рассматривать это в качестве интересного вызова – опасность, прежде всего,

в том, что собственное подрастающее поколение сходит с пути. Один католик, Пегюи, уже говорил об отцовстве как о «великой аванюре современного мужчины». Даже при самом тщательном воспитании сегодня нет никакой гарантии, что дети «удадутся».

Полной уверенности, впрочем, не было никогда, однако, никогда еще не было и столь резкого расхождения между претензиями духа и так называемой реальностью. Немного лет ребенку можно предоставить в некоторой степени защищенное пространство. Однако, самое позднее, с того момента, как он идет в школу, общественность протискивается внутрь и в сильной мере участвует в воспитании. Руссо думал, что самое лучшее воспитание, которое можно было бы дать ребенку, состояло бы в том, чтобы уберечь его от влияния его окружения. Но как раз это стало невозможным при такой агрессивной и навязчивой атмосфере, которую распространяют сегодняшние массы. Так что даже ответственный отец должен считаться с тем, что он, возможно, не может дать своим детям ничего больше, кроме факта одного лишь их существования. Как бы красиво и приятно это не звучало для общепринятого восприятия, но для стоящего выше мужчины это никак не может быть смыслом его отцовства. Он будет вероятно сожалеть, что пустился на это, так как оплодотворять женщин и производить детей могут и другие, и для этого не нужно никакой особенной жизненной цели, и даже не нужен «сад брака», который Ницше окружает претензией: «Ты должен не размножаться, а порождать вверх!»

Вопреки всему мужчина, о котором мы говорим, хотел бы решить основать семью. В этом случае внимание нужно обратить на несколько моментов.

Сначала о вопросе возраста. По понятным причинам мужчина должен спокойно оставить себе немного времени до отцовства. Быть отцом это не только биологический феномен, это предполагает также значительную зрелость. Эта зрелость не падает с неба, а должна приобретаться. Причем еще до того, как появляется ребенок. Духовное отцовство охватывает такие важные вещи как самопознание, знание о собственном пути, знание об отношении мужчины и женщины, ответственность и способность управлять самоотверженно и бескорыстно. Эти добродетели должны приобретаться и укрепляться в свободной встрече с жизнью, чтобы они смогли доказать себя в испытании браком и семьей. Это требует, естественно, многих лет жизни.

Следующим аргументом для преимущества более зрелого возраста является то, что соответствующее бытию развитие кристаллизуется также физически, а именно в семени мужчины, которое как творческая субстанция состоит с духом в таинственной связи. То, что сегодня, вероятно, звучит странно, было традиционно уверенностью: мужчина как зачинающий может передавать не только принцип «крови», но и «героический» элемент, который превосходит простую биологию. Мы напоминаем, что понятие «virya» в традиции индусов

обозначает как мужское семя, так и трансцендентную силу. Если она жива в мужчине, она может предложить – по меньшей мере, мужскому потомку – питательную среду, способствующую его положительному развитию.

Что касается возраста партнерши, тут действуют совсем другие подходы. По различным причинам она может быть значительно моложе мужчины. В первую очередь на благо потомков: Если отец ответственен, прежде всего, за духовные ценности, то мать, как это соответствует ее природе, должна обеспечить душевное и физическое общее благо ребенка. Чем больше она полна сил и свежее, тем больше перспектива для здорового подрастающего поколения. Самая лучшая способность рожать, а также нервная сила у женщин до двадцати лет.

Молодая или очень молодая девушка обладает также тем преимуществом, что она лучше может приспособливаться. Сегодня западноевропейские женщины вступают в брак с неверными предпосылками. Они выходят замуж, когда они стары, когда они сделали карьеру и вдоволь наэкспериментировались с мужчинами. Переживание свадьбы и рожания детей должно представлять тогда, так сказать, точку над «i» на торте жизни. Наконец, они, когда испытали уже все, могут доказать себя также и как жены. – Такие существа, при трезвом рассмотрении, для брака непригодны. Как они смогут еще отдавать себя и быть открытыми для совсем нового, что потребует от них их лучших сил?

Чрезвычайно характерно для этого вида женщин, что они охотно хватаются за мужчин, которые значительно моложе, чем они сами. Наряду с обыкновенным передразниванием всего, что является мужским, они показывают вместе с тем, прежде всего, что они больше не хотят изменяться, а хотят владеть (неопытным) мужчиной. Кроме того, он своей молодостью должен разгладить морщины ее «подержанности». Такие извращенные отношения, естественно, не могут функционировать, и уже очень удивляет, что мужчины вообще соглашались на это.

Именно сегодня женщины должны были бы быть существенно моложе, чем их жизненный партнер. Их открытость еще не должна быть задушена, их тоска по любви еще не отравлена любовными интрижками. Следы первого мужчины неизгладимы и, к сожалению, часто фатальны. В большинстве случаев это паршивые парни, которым женщина отдалась в самой ранней молодости из неосведомленности и группового принуждения. Так как их эмоциональная жизнь развита раньше, чем эмоциональная жизнь мальчиков, они готовы любить, иногда с никогда не повторяемой интенсивностью. Однако, мальчики используют их как туалет для своей незрелой половой жизни. Из-за их большой приспособляемости также в этом отношении девочки привыкают к беспорядочному сексу. Хотя они первоначально хотели любви и соединения, они часто принимают направленное на выброс инстинкта мужское

сексуальное поведение. Однако, с каждым новым сексуальным партнером что-то умирает в них, и когда-нибудь они для настоящего отношения станут как мертвая горная порода. Поэтому бракосочетание должно опережать «жизненный опыт», т.е. жена должна быть как можно моложе. Мужчина же, напротив, не должен быть еще зеленым мальчиком, а твердо стоять в жизни и, прежде всего, мочь принять ответственность. У происходящего из этого разрыва в возрасте есть также своя ценность. Сила притяжения между полами, энергия «цин», разворачивается сильнее, если мужчина старше на несколько лет. К сожалению, относительно разницы в возрасте в нашем якобы столь либеральном обществе царит удивительное лицемерие и мелочность.

Если девочка, еще не очень совершеннолетняя, «идет» с взрослым мужчиной, это вызывает самое большое негодование и даже подвергается наказанию. Однако, куда более молодая девочка может крутить с одновозрастными мальчиками, тогда это хорошо и служит ее развитию. Чего тут действительно боятся: ранней сексуальной жизни или соединения, которое не соответствует «священной» доктрине равенства? – Мужчину, которому нравится девушка, нельзя будет сбить с толку криками баранов в его окружении. Много девочек стремятся к опытной руке, именно сегодня. Не нужно доходить до того, когда столетний житель Востока женится на четырнадцатилетней. Девочка объяснила, впрочем, борющейся за текст западной прессе: «Только зрелый мужчина знает, как женщина действительно хочет, чтобы с ней обращались».

О браке. – Апостол Павел прав и представляет традиционное понимание, когда в Послании к Ефесянам (5,31-32) он обозначает брак как «великую тайну». Позже церковь сделал из брака таинство, которое опускается на вступающих в брак людей независимо от их заслуг и достоинств. Она утверждала, что атрибуты святого брака, брака как мистерии, могут развить свое воздействие на каждом слишком человеческом уровне. Тем самым она осквернила святое, девальвировала его. Слово «тайна» сохраняет невыразимое связи, связи, целью которой по сути является превратить внутреннее напряжение в отношении мужчины и женщины и сделать его действенным на более высоком уровне. Также и без свидетельства о браке существует эта связь, заключенная в правильном духе, все другое необязательно, почему мы также осознанно подхватываем понятие брака. Брак происходит не через внешнее распоряжение, а через осознание святой таинственной связи при взаимном обете верности.

В этом смысле римляне, а также греки уже различали два вида брака: с одной стороны, банальный брак как знак голого права собственности на супругу, с другой стороны, сакральный брак, стержень которого в Греции образывал «агаре», чистую любовь. Последнее признавалось как настолько фундаментальное, что, если этого не хватало, действительность брака можно было обжаловать.

Важно, что мужчина, который ведет брак, осознает его сакральную подоплеку. Общность с женщиной, которая делит его жизнь, никогда не должна стать для него плоской привычкой. Его жизнь сама опустилась бы вниз вследствие этого. Он должен любить свою партнершу искренне и всегда хотеть для нее самого лучшего. Он должен суметь брать на себя ответственность. Его партнера дарит ему доверие и осчастлиливливает его своей преданностью. Он должен оказаться достойным этого.

В рамках супружеской общности полярность полов отразится, прежде всего, дополняющим образом. Чувство находить в партнерше освежающий, вдохновляющий противоположный полюс по отношению к самому себе, придает браку тайну, энергию и длительность. Для этого нужно, тем не менее, кое-что делать. Многие партнеры как раз в первом избытке чувств совершают ошибку: постоянно сидят вместе и, не раздумывая, насыщают друг друга. Этим они губят свою общность самым быстрым способом. Они самым дурным видом приравниваются друг к другу, принимают манеры и образцы противоположного пола, пока не надоедят сами себе, и хмельное приданое Эроса для общего жизненного пути оставляет жалко эксплуатируемый котлован. Чтобы позаботиться об общности, дистанция также необходима, иначе нет общности, а есть смешивание. Прежде всего, мужчина должен обратить внимание на то, чтобы он в браке создал или сохранил для себя свободные пространства, часы уединенности, длинных прогулок, общения с друзьями, вызовами для духа и тела, чтобы открыть его собственный, внутренний источник энергии по-новому.

Это особенно ценно, если работа или семья слишком многого от него требуют. Именно тогда он должен думать преимущественно о себе самом. Какая польза, если он, замученный работой, посвящает себя жене и детям, но собственноручно предпочел бы лучше отдохнуть, хотел бы помедитировать или выпить пива с другими мужчинами? Семья видит отца и супруга, который уже не является самим собой. Она будет чувствовать его нехватку целостности, его нехватку в прямолинейности; жена больше не доверяет ему, дети будут ставить под вопрос его авторитет, и коллеги будут использовать его, так как он слаб. Лучше пусть отец посвятит себя на десять минут своей семье, но зато в эти десять минут он будет полностью присутствующим и из всего сердца, чем если бы он из ошибочного чувства долга расходовал свои последние резервы и никому этим не приносил бы пользы. В этой связи стоило бы поразмышлять также над гибким распределением работы. Традиционное понимание: «женщину к плите» – «мужчину во враждебную жизнь» хоть и имеет более глубокое оправдание, однако при неподвижном сохранении в изменившихся общих условиях вызвало как один из основных факторов сегодняшнюю катастрофу мужчины. В современных условиях труда мужчина слишком редко бывает у женщины и детей, чтобы смочь сделать его влияние действительно эффективным. Дополнительно часто нагружает его еще и испытанная пустота его работы. Почему тогда деятельностью, которая потеря-

ла свою связь к одному или к другому полу, не должны бы заниматься и оба супруга, что сделало бы эту работу сносной? И если у женщины даже есть удовольствие в определенной профессии – почему бы мужчине не позаботиться тогда о домашнем хозяйстве, если он видит в то же время в этом шанс, чтобы избежать тупости его работы в конторе?

Граница «обмена ролями» всегда лежит там, когда мужчине или женщине угрожает опасность нарушить их более глубокую природу и потерять их специфическое для пола влияние на брак или семью. До тех пор пока мужчина, который творит как домохозяин, находится в согласии со своими мужскими целями, которые ведут его к большей сознательности, все в порядке. До тех пор пока женщина, которая творит снаружи, ставит свою профессию не выше, чем ее отношение и ее семью, все в порядке. Если жена, что иногда бывает, намеревается вести «свой собственный образ жизни», и муж отодвигается на второе место, он должен спросить себя, почему он живет совместно с нею. Женский дар, который женщина должна вносить в отношения, – это интимность, близость и тепло. Если дети подрастают, им нужно очень много этого, еще больше, чем мужу.

Если рассматривать семью в качестве организма, то муж – это упорядочивающий дух в ней, жена – связывающая душа. Обе функции подходят друг другу, обе одинаково важны. Семья без матери – это мертвая семья, из которой исчезает тепло, и где каждый чувствует свое обособление. Семья без отца более жива, но лишена головы и ориентации. Опыт, пожалуй, доказал, что при отсутствии одного партнера другой может принимать на себя его функцию. Но только очень плохо. Всегда остается болезненный пробел, который нельзя закрыть. Мужчина может очень сильно заботиться о детях, но он никогда не сможет окружить своих детей теплом в той же мере, как это лежит в крови у матери. Сверх того, женщина создает уют в доме своим тонким эстетическим чувствованием. Она в семье как подогревающий огонь, которым мужчина и дети наслаждаются достаточно часто, не догадываясь, сколько забот и любви ей это стоит.

В брахманской традиции жена и мать почиталась как жертвенный огонь. Это значило, что с ними можно было медитировать. Отец, все равно, занимается ли он какой-то профессиональной работой или является «домохозяйкой» (что уже включает в себя несколько профессий) определен для того, чтобы вести семью безопасным курсом. И это не только в материальном, а, прежде всего, также в духовном смысле. При последнем царит большой спрос, вызванный нехваткой. Уменьшение роли отца до «зарабатывающего на хлеб» сделало его серой мышью. Отвоевание абсолютно затемненного измерения содействовало бы ему в том, чтобы вернуть себе настоящую, полную отцовскую заботу. Семья снова должна стать крепостью для убежища, защищенным пространством, которое можно запереть за собой. После того, как она была осознанно разбита и лишилась своей автономии, она должна стать эм-

бриональной клеткой духа, который ее члены защищают от нападков и вторжений так называемого общества. Многие из таких эмбриональных клеток могли бы запустить «революцию снизу». Они освободили бы людей, которые не поддаются сколько угодно манипуляции, а обладают личностью, честью и чувством ценностей, которые они понесут на фабрики, в ведомства и учреждения... Воистину, дерзкая цель для новых отцов, тем не менее, единственная, которая вообще дает как им, так и семьям как учреждению право на существование.

О потомстве. – Если мужчина решается на детей, он должен знать, почему он производит их на свет при участии его жены. Дарить человеку жизнь, – это сильное дело. Там речь должна идти уже больше, чем о рефлексе размножения или о том, чтобы скрепить брак, или о том, что младенцы так симпатичны, или о том, что родители и бабушки и дедушки тоже делали это. Только тот, кто действует ответственно, может также принимать ответственность. Для детей жизнь и смерть, счастье и саморазвитие зависит от ответственности ее родителей.

Воспитание или формирование ребенка начинается раньше, чем большинство родителей могут даже представить. Между тем уже в некоторой степени обсуждалось, что уже эмбрионы в лоне матери реагируют на раздражители внешнего мира. Они перехватывают настроение их матери и сочувствуют ей, они могут также различать хорошую музыку от плохой, и лучше, чем некоторые взрослые. Однако формирование ребенка начинается уже в момент зачатия. Это непременно влияет, если ребенок возникает после полной пьянки ночи, в жадном инстинкте похоти на заднем сидении машины и так же, если его зачинают в подготовленных условиях с большой любовью и почтением. В культурах древности часто делали различие между связью чисто эротического вида и той, которая имела своей целью зачатие ребенка. Если мужчина приближался к жене со вторым намерением, то пара часто следовала определенному ритуалу, включающему церемонии очищения и искупления. В известном индоевропейском ритуале, который включает соответствия мужского и женского с небом и землей, в определенном месте говорится:

*Как зародыш огня – земля, как небо содержит зародыш грозы,
Как зародыш ветра – в странах света, так я даю тебе зародыш, такая-то.*

БРИХАДАРАНЬЯКА-УПАНИШАДА, VI, 4, 20-22

Просто нельзя подражать этим ритуалам, однако, уже достигнуто много, если люди вообще получают чувство почтения, которое характеризовало их исполнение. Представление, что совокупление свято, когда оно понималось и испытывалось как продолжение или подражание божественного творения, было твердой составной частью традиционных культур.

Похожее внимание, от которого можно только научиться, царило при присвоении ребенку имени. Имя это предзнаменование. – Каждое имя имеет определенное значение и в определенном отрезке направляет по пути судьбы. Тот, кто подхватывает модное имя из прессы и телевидения, не должен удивляться, если он выращивает шаблоны. Отец должен был определять имя сына, мать – имя дочери.

Это завело бы слишком далеко, чтобы конкретно разбираться с отдельными вопросами воспитания детей. Это уже не наше задание, и ответы на такие вопросы легко наполнили бы также новую книгу. Потому в завершение лишь несколько штрихов.

Процесс рождения может, как известно, иметь травматические воздействия и требует особенного внимания. По этой теме в наличии имеется достаточно литературы, например, Ф. Лебуайе: «Мягкие роды». Нужно порекомендовать также роды в воде. Ребенок в первый год жизни пронизан силами Луны, поэтому находится ближе к матери ближе и в особенной мере предоставлен ей. Однако, «Солнце» отца тоже необходимо. Мать дает пищу для тела и души, отец содействует духу, но также и закалке в мире.

Нужно помнить, что слово «воспитывать» происходит от «educare» – вытаскивать. Не штамповать, а давать развиваться собственному. Не навязывать, а всегда только предлагать. И верить в то, что это падает на плодородную землю. Ребенок учится с помощью подражания. Лучшая гарантия того, что ребенок услышит послание родителей, в том, что они сами действуют по этим принципам. У родителей есть огромный бонус доверия. Отец – это бог-отец, мать – дева Марию в детской душе. Оба они непогрешимы. Все же они могут утратить это уважение и тогда ничего больше не получится.

В высшей степени важно: создать или получить доверие. Дети с каждым вопросом, с каждой проблемой могут идти к своим родителям – также к отцу. Поэтому ему не нужно делать из себя их приятеля. Он должен играть с детьми, проходить с ними через «приключения» (костер, испытания на смелость) и читать им хорошие книги. Сына нужно учить защищаться (карате), так как конфликты с окружением заранее запрограммированы. Он должен быть мирным, но также должен и уметь драться, если оскорблена его честь или честь его семьи. Родители – это единство с точки зрения ребенка, и так это и должно быть на самом деле. Подумайте, что означает для детей ссора между родителями. Еще больше, что значит развод.

И последнее по порядку, но не по значению: бывает не только физическое, но и духовное отцовство, который в отрыве от кровных уз часто поднимается выше них. Можно говорить о связи между мастером и учеником, между инициатором и иницируемым. Быть готовым, вести людей, не становясь миссионером.

Сохранять непрерывность в наивысших линиях. «Все ценные люди – это братья, несмотря на расу, страну или время, в котором они сейчас живут».

Ален де Бенуа

Список чаще всего использованной литературы

Berdiaeff, Nikolai: Der Sinn des Schaffens, Tübingen, 1927

Bly, Robert: Eisenhans, Ein Buch über Männer, Knauer, München, 1993

Castaneda, Carlos: Reise nach Ixtlan, Die Lehre des Don Juan, Fischer Frankfurt/Main, 1975

Castaneda, Carlos: Eine andere Wirklichkeit. Neue Gespräche mit Don Juan, Fischer Frankfurt/Main

Deida, David: Der Weg des Mannes, Yin und Yang in der Beziehung zu Frau, Sexualität und Beruf, Knauer, München, 1997

Dürckheim, Karlfried Graf: Mächtigkeit, Rang und Stufe des Menschen, Aurum, Freiburg (3. Aufl.), 1988

Dürckheim, Karlfried Graf: Zen und Wir, Fischer, Frankfurt / Main, 1974

Evola, Julius: Cavalcare la tigre – Den Tiger reiten, Arun, Engerda

Evola, Julius: Metaphysik des Sexus, Klett-Cotta im Ullstein TB, Frankfurt, Berlin, Wien, 1983

Evola, Julius: Revolte gegen die moderne Welt, Ansata, Interlaken, 1982

Evola / Gruppe von Ur: Magie als Wissenschaft vom Ich, Band I Grundlegung der Initiation, Ansata, Interlaken, 1998

Evola / Gruppe von Ur: Magie als Wissenschaft vom Ich, Band II

Schritte zur Initiation, Ansata, Interlaken, 1997 (1. Aufl.)

Frater V. D.: Handbuch der Sexualmagie. Praktische Wege zum eingeweihten Umgang mit den subtilen Kräften des Sexus.

akasha, Haar, 1986

Fromm, Erich: Haben oder Sein. Die seelischen Grundlagen einer neuen Gesellschaft, DTV, Nördlingen (4. Aufl.), 1984

Kopp, Wolfgang: Befreit euch von Allem. Ein radikaler Wegführer im Geiste des Zen und der christlichen Mystik, Ansata, 1991

Krebs, Pierre (Hrsg.): Das unvergängliche Erbe, Alternativen zum Prinzip der Gleichheit, Grabert, Tübingen, 1981

Müller, Lutz: Der Held, Kreuz-Verlag, Zürich, 1987

Wittmann, Ulla: Üben wie ein Krieger. Die verborgene Botschaft in den Lehren des Yaqui-Zauberers Don Juan. Ansata im Scherz-Verlag, 1988

Schult, Arthur: Astrosophie. Kosmische Signaturenlehre des Menschenbildes, Turm-Verlag, Bietigheim, 1986 (4. Aufl.)

Газета: Männer. Ein starkes Geschlecht, Connection special Nr. 17 Niedertaufkirchen, 1/93

Бердяев, Николай: Смысл творчества, Тюбинген, 1927

Блай, Роберт: Айзенханс, книга о мужчинах, Кнаур, Мюнхен, 1993

Кастаньеда, Карлос: Поездка в Икстлан, учение Дона Хуана, Фишер, Франкфурт-на-Майне, 1975

Кастаньеда, Карлос: Другая действительность. Новые беседы с Доном Хуана, Фишер, Франкфурт-на-Майне

Дайда, Давид: Путь мужчины, Инь и Янь в отношении с женщиной, сексуальностью и профессией, Кнаур, Мюнхен, 1997

Дюркхайм, Карлфрид, граф: Властность, положение и ступень человека, Аурум, Фрайбург (3-ье издание), в 1988

Дюркхайм, Карлфрид, граф: Дзен и Мы, Фишер, Франкфурт / Майн, 1974

Эвола, Юлиус: Cavalcare la tigre – Верхов на тигре, Арун, Энгерда

Эвола, Юлиус: Метафизика пола, Клетт-Котта в Ульштайн ТБ, Франкфурт, Берлин, Вена, 1983

Эвола, Юлиус: Восстание против современного мира, Ансата, Интерлакен, 1982

Эвола / группа Ур: Магия как наука о «Я», том I, Основа инициации, Ансата, Интерлакен, 1998

Эвола / группа Ур: Магия как наука о «Я», том II, Шаги к инициации, Ансата, Интерлакен, 1997 (1-е издание).

Фратер В.Д.: Руководство сексуальной магии. Практические дороги к посвященному обращению с тонкими силами секса. Акаша, Хаар, 1986

Фромм, Эрих: Иметь или быть. Психические основы нового общества, DTV, Нердлинген (4-ое издание), 1984

Копп, Вольфганг: Освободитесь от всего. Радикальный путеводитель в духе дзен и христианской мистики, Ансата, 1991

Кребс, Пьер (Изд.): Бессмертное наследие, альтернативы принципу равенства, Граберт, Тюбинген, 1981

Мюллер, Лутц: Герой, Кройц-Ферлаг, Цюрих, 1987

Виттман, Улла: Упражняйся как воин. Скрытое послание в учении волшебника Якуи Дона Хуана. Ансата в Шерц-Ферлаг, 1988

Шульц, Артур: Астрософия. Космическое учение о подписях облика человека, Турм-Ферлаг, Битигхайм, 1986 (4-е издание).

Газета: Мужчины. Сильный пол, Коннекшн Спешииел, номер 17, Нидертауфкирхен, 1/93

Оливер Риттер, 1960 г.р., изучал евангелическую теологию и психологию в Бохуме, Вуппертале, Марбурге и Гёттингене. После завершения викариата вышел из церкви, путешествовал, среди прочего, в северной Испании и южной Франции в поисках Грааля. Риттер является последователем т.н. традиционной философии (Юлий Эвола, Рене Генон, Титус Буркхард), в которой речь идет о привязывании к трансцендентному сознанию.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).